ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

Т 86/44

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ.

ЗАМѢТКИ ВОЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

4-65 смш. 8940

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1913.

МОСКОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

23288-40.

2007053993

Типографія „ЗЕМЛЯ“, 1-я Мѣщанская, д. 5.
МОСКВА. — 1913.

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ.

(Замѣтки военнаго корреспондента).

I.

Неподвиженъ, домосѣдливъ русскій человѣкъ, особенно провинціалъ. Пережитокъ ли это прошлаго, когда отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и огромныя разстоянія приводили къ убѣжденію, что «скачи хотя сто лѣтъ, все равно никуда не доскачешь», или свойство личнаго характера и вкуса, но всякій разъ, когда я рѣшаю поѣхать за-границу, выходитъ такъ, что, въ концѣ-концовъ, я попадаю на Волгу, которую знаю вдоль и поперекъ и которая, казалось бы, должна потерять уже для меня всякій интересъ. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а за границей былъ только разъ въ жизни и попалъ почему-то въ Голландію, а когда ѣхалъ туда, то все время думалъ: «Эхъ, зачѣмъ я не поѣхалъ на Волгу!..»

Вспыхнула война на Балканахъ, читаю газеты...

— Ба! Немировичъ-Данченко уже подъ турецкими пулями!.. Даже Брешко-Брешковскій! А я-то, я-то... Хорошо бы поѣхать посмотрѣть, что тамъ дѣлается! Какъ-никакъ, а вѣдь во всемірную исторію вписывается совершенно новая «исторія съ географіей».

Подумалъ, помечталъ, сидя дома за самоварчикомъ, но такъ какъ всегда, когда хочется поѣхать за границу, не бываетъ денегъ, а когда онѣ есть, то не хочется,—то

мечтать пересталъ, ограничившись ежедневными порціями утреннихъ и вечернихъ газетъ и экстренныхъ прибавленій. Уже пересталъ завидовать Немировичу-Данченкѣ и Брешко-Брешковскому, какъ вдругъ предложеніе отъ солидной газеты:

— Предлагаемъ поѣхать военнымъ корреспондентомъ!

Надо ѣхать. Согласенъ. Объявляю дома,—не вѣрятъ... Никто не вѣритъ, да и самому все какъ-то не вѣрится...

— Неужели я поѣду на Балканы?!.

Отправляюсь въ градоначальство за паспортомъ.

— А удостовѣреніе пристава о неимѣніи препятствій?

— Развѣ безъ пристава нельзя?

— Никоимъ образомъ.

— Гдѣ же я возьму пристава?.. Я тороплюсь... Ради Бога, не задерживайте!

— Скажите своему дворнику, онъ вамъ достанетъ бумажку отъ пристава. И затѣмъ вы неправильно написали прошеніе: надо указать званіе.

— Я указалъ: литераторъ!

— Такого званія нѣтъ...

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Это—профессія...

— Когда-то я служилъ таксаторомъ лѣсного департамента, но всего три недѣли...

— Вотъ именно! Это и есть ваше званіе... Такъ и напишите...

— О, Господи!.. Безъ дворника, значитъ, нельзя за границу...

Ѣду домой. Зову старшаго дворника.

— Голубчикъ, Семенъ! Я хочу ѣхать на войну... Вы ничего не имѣете противъ?

— Охота вамъ!..

— Достаньте мнѣ разрѣшеніе отъ пристава...

— Можно достать...

— Нельзя ли поскорѣе?.. Я васъ поблагодарю...

— Завтра получимъ, если постараемся...

— Постарайтесь ужъ!.. Отпустите!..

— Да вѣдь я что же?.. Я—съ моимъ удовольствіемъ... Постараюсь... Напишите прошеніе, что, дескать, намѣрены ѣхать и просите выдать бумажку о неимѣніи препятствій...

Съ утра до вечера трещитъ звонокъ телефона: друзья и знакомые справляются, правда ли, что я ѣду на войну.

Женщины соболѣзнуютъ женѣ, осторожно нащупываютъ, не вышло ли чего противнаго семейному счастью, при встрѣчѣ смотрятъ испытующе... Даже неловко какъ-то, словно поступаю нечестно...

— Ну, дорогой мой, мнѣ надо составить домашнее завѣщаніе,—говорю пріятелю, присяжному повѣренному...

— Завѣщаніе?..

Изумленный взглядъ. Подозрѣваетъ близкое самоубійство. «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа» пишу дрожащей рукой и самому уже кажется, что конецъ близокъ. Надо наскоро покончить текущія дѣла, написать дѣловыя письма, кое съ кѣмъ повидаться... Весь день въ хлопотахъ, на извозчикахъ, въ трамваѣ... На другой день снова въ градоначальствѣ. Прошеніе, паспортъ, удостовѣреніе—все въ порядкѣ.

— Нельзя ли поскорѣе выдать? Необходимо немедленно выѣхать.

Чиновникъ пересматриваетъ документы и неожиданно говоритъ:

— А отпускъ отъ своего начальства?

— Какой еще отпускъ? Я—писатель! У меня никакого начальства... т.-е., вѣрнѣе...

— По паспорту вы числитесь таксаторомъ лѣсного департамента, а потому необходимо разрѣшеніе на отпускъ.

— Но я не служу... Болѣе десяти лѣтъ не служу нигдѣ!..

— Этого не видно!—говоритъ чиновникъ и возвращаетъ мнѣ паспортъ. Я сердито и нервно перелистываю паспортъ и ужасаюсь: нѣтъ въ немъ послѣдняго листка, на которомъ значилось, что я уволенъ со службы. Объясняю это.

— Я знаю, что вы не служите, но не имѣю права...

— Вѣдь если бы я не былъ уволенъ, меня все равно давно выгнали бы!

— Представьте удостовѣреніе отъ лѣсного департамента, что вы тамъ не служите!

— Отпустите! Даю вамъ честное слово, что я... въ отставкѣ безъ мундира и пенсіи!

— Не можемъ.

Уфъ! Словно все вооружилось противъ меня и моего рѣшенія ѣхать за границу.

Отправился въ лѣсной департаментъ и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи какого-то начальника ровно три часа, а когда онъ пришелъ, то, зная, что я не служу, все-таки не рѣшался этого удостовѣрить, и долго тамъ совѣщались, какъ со мной быть... Нашелся, однако, бывшій сослуживецъ, который выручилъ: дали какую-то выписочку, что въ числѣ служащихъ департамента я не числюсь... Но прежде чѣмъ получить эту бумажку, я долженъ былъ еще часа полтора говорить съ бывшимъ сослуживцемъ о выборахъ въ Думу и о скоромъ распаденіи Австріи на первоначальныя составныя части... Я не перечилъ: пусть Австрія распадается, только бы не

передумалъ выдать справочку. А какъ только справочка очутилась у меня въ карманѣ,—раскланялся и побѣдоносно полетѣлъ въ градоначальство за паспортомъ, оттуда въ австрійское посольство визировать паспортъ, затѣмъ опять за покупками, и когда очутился въ поѣздѣ, то спалъ почти до Кіева... Словно мнѣ сдѣлали какую-то тяжелую операцію... Крѣпко прижимая въ карманѣ паспортъ, я потрясывался на мягкомъ диванѣ купэ, и хлопанье дверей рождало въ сонной фантазіи грохотъ орудійнаго огня, а когда ночью просыпался и озирался по сторонамъ, то спящіе пассажиры казались мнѣ трупами на полѣ битвы...

Яркимъ солнечнымъ и красочнымъ пятномъ промелькнула недолгая дѣловая остановка въ Кіевѣ, а затѣмъ снова ночь въ поѣздѣ и—австрійская таможня...

Вотъ я и за границей! Какъ это скоро и просто... Скорѣе и легче, чѣмъ получить разрѣшеніе отъ старшаго дворника!..

Вышелъ въ коридоръ вагона: пестрое смѣшеніе языковъ—нѣмецкій, польскій, еще какой-то невѣдомый и только не слышно родного русскаго.. Чувствую, что почва уплываетъ изъ-подъ ногъ и, какъ утопающій за соломинку, хватаюсь за «Русскаго въ Германіи, цѣна 30 коп.»...

Со II класса гимназіи, т.-е. семь лѣтъ учили насъ нѣмецкому языку, и ничему не выучивали. Грамматика и синтаксисъ, исключенія... А вотъ говорить не учили. Можно было знать плохо нѣмецкій и французскій, можно было безграмотно писать по-русски, но зато требовалось дословно переводить и безошибочно писать по древне-греческому и латинскому... Хоть бы научили въ семь лѣтъ «Русскому въ Германіи, цѣна 30 коп.!» Дорогой немного подготовился и, какъ на экзаменѣ, все сразу вылетѣло изъ головы. Сразу потребовалось знать мно-

жество словъ: и «носильщикъ», и «багажъ», и «таможня», и «квитанція», и «чемоданъ», и «пересадка», и «размѣнъ денегъ»... Охъ, не назвать бы носильщика багажомъ, а таможеннаго чиновника—чемоданомъ! Судорожно перелистываю «Русскаго въ Германіи», и вдругъ въ ухо впивается:

— Виноватъ!

Виноватъ! Кто этотъ «Виноватъ»?.. Молоденькій жандармскій ротмистръ! На мгновеніе душа омрачилась, но кто-то шепнулъ: «да вѣдь это—желѣзнодорожный, а не...»... Кто могъ мнѣ это шепнуть? Разумѣется, я самъ себѣ шепнулъ...

— Будьте добры... Скажите... Въ таможнѣ строго?

— Чаю и табаку не везете?

— Немного...

— Чай и табакъ—этого особенно не любятъ пропускать австрійцы...

Что мнѣ дѣлать? Милая бабушка всунула мнѣ въ чемоданъ цѣлый фунтъ чаю, а я захватилъ цѣлую тысячу папиросъ! Прескверное ощущеніе. Вѣроятно, не хуже чувствуетъ себя «воръ съ поличнымъ»...

Подарить бы кому-нибудь этотъ чай и папиросы: что-то очень не хочется оставлять ихъ Австріи, да никто не возьметъ. А платить пошлину—хлопотно, опоздаешь еще съ этимъ чаемъ на поѣздъ! Эхъ, бабушка! Хорошо, что я не согласился взять съ собой самоваръ, на чемъ бабушка настаивала!..

— А вы далеко ѣдете?

— А на Балканы! Навѣрно, тамъ и чай, и папиросы, и самовары...

— Заявите, что вы военный корреспондентъ, и васъ пропустятъ...

Мнѣ не жаль ни чаю, ни сахару, котораго оказалось тоже много, а я боюсь хлопотъ, тѣмъ болѣе, что «Рус-

скій въ Германіи» ничего подобнаго не предусматриваетъ...

— Гепэкъ! Хиръ!.. Не Гепэкъ, а... чортъ... Пактъ-трегеръ!

Дѣйствую больше руками, и это выходитъ понятнѣе, чѣмъ языкомъ; показываю на вещи, подаю квитанцію на багажъ и иду слѣдомъ за носильщикомъ съ такимъ видомъ, словно я прекрасно говорю на всѣхъ языкахъ и не имѣю въ чемоданѣ ни папиросъ, ни чаю, ни сахару. Носильщикъ что-то говоритъ, но очень быстро и совсѣмъ не такъ, какъ «Русскій въ Германіи»... Ничего не понимаю, но киваю головой и бросаю:

— Іа, Іа!

Въ таможнѣ. Стою у прилавка, около своихъ вещей, и чувствую, что чай испортилъ мнѣ всю жизнь. Ненавижу этотъ чай. Приближается моя очередь... Надо сказать, что я военный корреспондентъ... А какъ «военный?» Ахъ, чортъ меня дери!.. Чиновникъ въ австрійской каскѣ, дѣлающей его чрезмѣрно высокимъ и потому внушительнымъ, проситъ раскрыть чемоданы и говоритъ что-то... Попадаются знакомыя слова.

— Тээ? Сигарретенъ?—я отлично понимаю, въ чемъ дѣло, но развожу руками и дѣлаю преневиннѣйшее лицо... Молоденькій ротмистръ подходитъ къ намъ. Какъ по-нѣмецки—военный?.. Ну все равно!

— Ихъ бинъ (это-то ужъ безусловно вѣрно!)... Ихъ бинъ... милитарише корреспондентъ... (Ой, вѣдь я—мужескаго рода!). Милитаришеръ корреспондентъ!

Ротмистръ, взявъ дружески подъ руку австрійскаго чиновника, что-то говоритъ ему, очевидно, про меня и про мой чай... И чиновникъ машетъ рукой и отходитъ, а нѣкто мажетъ мои новенькія вещи мазилкой и наклеиваетъ пропускные ярлыки... Уфъ, какъ гора съ плечъ свалилась! И такимъ милымъ показался жан-

дармскій ротмистръ, что я вдругъ почувствовалъ способность заговорить на нѣмецкомъ языкѣ:

— Данке серъ! Серъ данке! Ихъ хабе серъ венихъ тее ундъ сигарретенъ фюръ михъ, одеръ... Зеенъ Зи гезундъ... ундъ глюклихъ!

Говорилъ и самъ удивлялся внезапному дару слова... Думалъ ли я когда-нибудь, что жандармскій ротмистръ нѣкогда окажетъ мнѣ протекцію! Въ ожиданіи поѣзда расположился въ буфетѣ, потребовалъ чаю и тутъ только вспомнилъ, что надо русскія деньги превратить въ австрійскія. А когда это устроилось, я уже облегченно вздохнулъ и отправился къ своему стакану... Ну и чай! Желтенькая тепловатая водичка въ малюсенькой чашечкѣ. Вспомнился домъ, столовая, самоваръ, хорошій ароматный горячій стаканъ чаю съ лимономъ...

— Спасибо бабушкѣ, что сунула чай... Если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, придется пожалѣть о самоварчикѣ...

Поѣздъ на Будапештъ. Въ купэ со мною—все иностранцы.. Напротивъ, господинъ въ очкахъ, говоритъ съ сосѣдями по-нѣмецки и какъ-то испытующе посматриваетъ на меня. Всѣ съ газетами. Я вытащилъ послѣднюю русскую газету, которую купилъ въ Кіевѣ, и почувствовалъ себя вдвоемъ.

— Вы... Извините... Вы не писатель? Не г. Чириковъ?

Вотъ неожиданность! Иностранный господинъ не только заговорилъ по-русски, но еще знаетъ меня!

— Да, а развѣ вы меня знаете?

— Узналъ... Не видалъ, но узналъ... У насъ въ Одессѣ ставили вашу пьесу «Евреи».

Купецъ изъ Одессы, еврей, говоритъ на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ странахъ имѣетъ знакомыхъ. Съ нимъ

не пропадешь. А онъ такъ внимателенъ и любезенъ. Разговорились о родинѣ, о выборахъ въ государственную думу...

— Что они думаютъ? Вѣдь Москва, сердце Россіи, показала имъ, что она хочетъ!

— Кто ихъ знаетъ, что они думаютъ!

— Но развѣ можно не считаться съ страной? Кого они обманываютъ? Самихъ себя! Теперь же всѣмъ ясно, никого не обманешь. И за границей уже всѣ знаютъ... Надо же быть хотя приличнымъ!

— У насъ это необязательно.

Собесѣдникъ и салонъ-вагонъ, разговоры, свои разговоры, о своихъ родныхъ дѣлахъ, какъ-то возстановили порвавшуюся на границѣ связь съ родиной, и я забылъ о томъ, что я за границей. Но зато, когда въ Лембергѣ (Львовѣ) я долженъ былъ пересѣсть въ другой поѣздъ и ждать его пять часовъ,—круглое одиночество нахлынуло на меня съ еще большею силой. Очутившись въ вартензаалѣ, я превратился въ караульщика своихъ чемодановъ и впалъ въ тоскливое уныніе. Пилъ биръ, кафе, опять биръ, опять кафе, добывалъ съ помощью опусканія монеты въ дырочку механическаго продавца шоколадъ, сосалъ его, заказалъ что-то по шпейзенъ-картэ и съѣлъ совсѣмъ не то, на что разсчитывалъ, и все-таки не зналъ, куда дѣть время. День пасмурный, городъ смотритъ чужимъ, холоднымъ, всѣ люди какими-то враждебными... Поѣхать бы осмотрѣть городъ,—одному не хочется... Полѣзъ въ чемоданъ и досталъ «Русскій въ Сербіи, Черногоріи и Герцеговинѣ, цѣна 30 коп.». Въ трехъ странахъ за 30 коп.! Довольно дешево... Побылъ нѣмцемъ, пора превратиться въ серба! Завтра въ полдень буду въ Будапештѣ, а ночью уже въ Сербіи...

II.

Ну, слава Богу, теперь ужъ непремѣнно пріѣду, куда слѣдуетъ: сижу въ поѣздѣ, который изъ Будапешта идетъ въ Бѣлградъ, никуда не сворачиваетъ, никого не пересаживаетъ, а такъ-таки прямо въ Бѣлградъ. Въ три часа дня выѣзжаемъ, а въ одиннадцать ночи—въ Бѣлградѣ. Прямого сообщенія съ Софіей нѣтъ... Было и нѣтъ. Почему? Бѣлградъ и сербская дорога на военномъ положеніи. Все ближе къ этому «страшному», что заставляетъ людей дѣлаться дикими звѣрями и безжалостно уничтожать самое драгоцѣнное на землѣ — жизнь!.. Что тамъ дѣлается? И жутко и почему-то тянетъ и хочется скорѣе очутиться около этого «страшнаго». Роюсь въ своей душѣ: почему тянетъ? почему я боюсь, что пока доберусь и попаду въ главную квартиру дѣйствующей арміи, война кончится? Что это?— кровожадное любопытство? Вѣдь лучше же, если поскорѣе прекратится человѣческая бойня, при которой каждая сторона радуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ей удалось убить и искалѣчить подобныхъ себѣ существъ... Мѣшаютъ эти мысли превращаться въ серба: смотрю въ «Русскаго въ Сербіи», а вижу свою собственную душу... Хаосъ тамъ какой-то... Я совершенно чуждъ международной политикѣ, плохо разбираюсь въ международныхъ отношеніяхъ, совершенно не знаю сербовъ и болгаръ, а турокъ видѣлъ только на тяжелыхъ дорожныхъ работахъ въ Крыму... Впечатлѣніе отъ турокъ у меня такое пріятное: честный, трудолюбивый, красивый народъ, такой тихій и радушный... И все-таки мнѣ хочется, чтобы побѣдили сербы, болгары и черногорцы, и всякій разъ, когда я беру свѣжую газету, я радуюсь новымъ разгромамъ турокъ и злорадно мычу:

— М... Ага! Молодцы!

Не помогаетъ даже турецкая конституція, которая еще такъ недавно пропитывала меня теплой симпатіей къ пробудившемуся, казалось, народу! Жестокая судьба: давно ли въ Турціи раздавался призывъ къ братству и равенству? Давно ли братались угнетатели съ угнетаемыми въ общемъ порывѣ къ грядущему обновленію? Поздній безсильный порывъ! Видно, всякому овощу—свое время. Видно, каждый государственный организмъ, какъ и человѣческій, требуетъ своевременныхъ операцій... Не удалась туркамъ операція... Быть можетъ, въ будущемъ была бы произведена вторичная? Увы! слишкомъ много европейской заботливости было около тяжело-больного. Италія поторопилась сдѣлать больному кровопусканіе, а теперь происходитъ вторичное, повторное, послѣ котораго не останется никакихъ надеждъ на выздоровленіе, и со всѣхъ сторонъ собираются уже дальніе родственники, ожидающіе наслѣдства. Больной еще не умеръ, а дальніе родственники уже ссорятся другъ съ другомъ, доказывая другъ другу, что они ближе по крови и документамъ къ умирающему...

Шевелится гдѣ-то жалость къ Турціи, на которую посыпались со всѣхъ сторонъ несчастья. Мы, русскіе—плохіе политики и дипломаты. Международная политика и дипломатія всегда оставалась русскому жителю недоступными, эти области для насъ всегда оставались тѣми мѣстами, про которыя у начальства выработалась краткая и выразительная формула:

— Не суйся, куда не слѣдуетъ!

Нашъ писатель Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, радуясь побѣдамъ болгаръ, вздохнулъ и произнесъ:

— А все-таки жалко турокъ!

— Почему, Дмитрій Наркисовичъ?

— Привыкли!

Жаль просто, по-человѣчеству. Жальливые мы ужъ очень люди, а затѣмъ очень ужъ крѣпко привыкаемъ. Не потому ли мы и топчемся вѣками все на одномъ и томъ же мѣстѣ?

Въ поѣздѣ много болгаръ и сербовъ, но пока я тщетно разгадываю, которые сербы, а которые болгары. Больше учащаяся молодежь, бросившая науку и стекающаяся на войну изъ разныхъ странъ. Въ ихъ рѣчи мелькаютъ знакомыя уху слова, и отъ этого одного во мнѣ пробуждается уже симпатія и сочувствіе. Пока, однако, я держусь на разстояніи. Пока я только приглядываюсь. Рѣчь и жесты повышены, экспансивны, это такъ ярко выдѣляетъ ихъ изъ нѣмецкой корректности, не такъ прилизаны и приглажены и не такъ скучно-приличны; попадаются фигуры, напоминающія типы нашего студенчества конца восьмидесятыхъ годовъ: вольнаго вида, въ шляпахъ на затылокъ и съ дерзостью во взорѣ... Даже сердце какъ-то екнуло... Надо разобраться... Вытаскиваю «Русскаго въ Болгаріи», сравниваю съ «Русскимъ въ Сербіи» и, почитавши, начинаю различать, которые—сербы, а которые—болгары. Сербы—размашистѣе, очень похожи на русскихъ и болѣе восторженны. Во время обѣда въ салонъ-вагонѣ эта молодежь сидитъ шумными говорливыми стайками. Прислушиваюсь: ба! среди нихъ кто-то говоритъ по-русски, и, видно, что онъ со стороны. Встрѣчаюсь взглядомъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ и чувствую въ немъ русскаго... Онъ тоже съ нескрываемымъ любопытствомъ смотритъ въ мою сторону... И вся молодежь поглядываетъ на меня. Неловко. Опускаю глаза.

— Вы—русскій?

— Да.

— Я давно къ вамъ приглядывался... Вы похожи на... Вы не Чириковъ?

— Онъ самый!

Познакомились: русскій эмигрантъ, которому очертѣлъ Лондонъ, ѣдетъ на войну въ надеждѣ попасть въ отрядъ русскаго Краснаго Креста.

— Хочется попасть на передовыя позиціи, въ летучій отрядъ.

— Почему на передовыя?

— А такъ... Не знаю... Хочется быть болѣе полезнымъ... Интереснѣе...

Разговорились. Не зная англійскаго языка, онъ долго бѣдствовалъ, голодалъ и доходилъ до отчаянія. Говоритъ по-нѣмецки, но тамъ знать никакихъ другихъ языковъ не желаютъ. Въ концѣ-концовъ, устроился въ фирмѣ, скупающей старое платье и отправляющей его въ колоніи.

— Послѣ бурныхъ-то событій 1905 года! Въ тряпичники не угодно ли?

Теперь я понялъ, почему моему спутнику захотѣлось прямо въ огонь...

Насъ обступила молодежь, и я сразу перезнакомился со всей компаніей. Съ какой-то жадной торопливостью молодежь жала мнѣ руку, осыпала меня вопросами на разныхъ языкахъ, но послѣ тщетныхъ попытокъ возвращалась къ своему родному языку, ибо оказывалось, что этимъ языкомъ я владѣлъ всего лучше...

Вы ужъ сами представьте себѣ этотъ разговоръ, когда собесѣдники понимаютъ въ каждой фразѣ только нѣсколько словъ и изо всѣхъ силъ, нахрапомъ, стараются догадаться, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, въ крайнихъ случаяхъ я обращался къ нѣмецкимъ словамъ, не склоняя, впрочемъ, существительныхъ и не спрягая глаго-

ловъ: падежъ только именительный, наклоненіе — неопредѣленное, а затѣмъ жестъ, кивокъ, наглядное указаніе перстомъ. Скоро появились студенты, говорящіе по-русски, и разговоръ наладился. Ѣдутъ изъ Берлина, изъ Парижа, изъ Бельгіи, со всѣхъ странъ, и всѣ горятъ нетерпѣніемъ поскорѣе вступить въ бой. Турокъ называютъ лютымъ врагомъ, извѣчнымъ врагомъ, пылаютъ ненавистью, выражающейся въ рѣзкихъ словахъ, жестахъ и въ глазахъ, вспыхивающихъ какимъ-то особеннымъ огнемъ. Сербская молодежь братается съ болгарской.

— Ну, а какъ относятся къ войнѣ ваши соціалисты?—спрашиваю болгарина.

— До войны они агитировали противъ, а когда война была объявлена, то стали помогать и одинаково со всѣми стоять за необходимость довести дѣло до конца, какихъ бы жертвъ это ни стоило. Они понимаютъ, что наша побѣда будетъ побѣдою культуры и впослѣдствіи сослужитъ большую службу соціализму.

Мысль невольно летитъ домой, на родину, къ своимъ распрямъ и непримиримостямъ... Вспоминаются споры П. Н. Милюкова съ лѣвой оппозиціей:

— На пути историческаго процесса намъ суждено пройти однимъ съ вами этапомъ, коего не минуешь и въ коемъ первая скрипка будетъ неизбѣжно въ рукахъ либеральной буржуазной интеллигенціи. Зачѣмъ же вы мѣшаете этому неизбѣжному процессу?

Вспоминается старая откинутая заповѣдь: бить вмѣстѣ, итти врозь...

Совмѣстимо ли это? Гдѣ же и когда «вмѣстѣ»? Невольно лѣзетъ въ голову примѣръ балканскаго союза, примирившаго временно всѣ исконныя экономическія и политическія распри...

Пуще глаза бережемъ мы свою чистоту и, быть можетъ, мы—самые чистые... Но попадемъ ли мы въ рай?

— Поди въ міръ и согрѣши —сказалъ Господь...

Быстро несется поѣздъ и еще быстрѣе пролетаютъ мысли... Своя домашняя «война» на время заставляетъ забыть о той, которая съ каждымъ часомъ ближе и ближе...

Черезъ часъ—Бѣлградъ... Въ окнахъ вагона темно-темно, и въ этой молчаливой темнотѣ, кажется, что-то зловѣщее и страшное...

Ш.

Бѣлградъ!

Темная ночь. Небо въ тучахъ, медленно уползающихъ куда-то и похожихъ на движущіяся горы. Чуть поблескиваетъ во мракѣ холодная рѣка, гремитъ желѣзный мостъ подъ колесами поѣзда.

— Какая рѣка?

— Сава.

И въ головѣ мелькаетъ:

Сава, Драва и Морава...

Сава, Драва и Морава...

Въ далекіе дни школьной жизни зубрилъ географію стихами: «Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ, Гаага, Лейденъ, Роттердамъ! Сава, Драва и Морава!» Возможное украшеніе ненавистной географіи поэтическими формами. Географическая поэзія! Господи, какъ ненавистны были безчисленныя названія рѣкъ, озеръ, острововъ, полуострововъ, мысовъ, городовъ, горныхъ вершинъ!.. Прекрасную землю, съ ея красотами и чудесами природы, наши педагоги ухитрялись превращать въ одно сплошное мученіе, дѣлать ее скучной до позѣвоты, ненавистной, рисующейся намъ въ видѣ однѣхъ

географическихъ картъ, усѣянныхъ названіями. И ничего, кромѣ названій, въ головѣ не имѣлось... И вотъ прошло съ тѣхъ поръ около сорока лѣтъ, а въ головѣ торчитъ одинокой вывѣской:

Сава, Драва и Морава.

Такъ вотъ она, Сава! Дѣйствительно, настоящая живая рѣка... Я смотрѣлъ на Саву и было какъ-то странно. Никогда не думалъ, что приведется собственными глазами увидать эту Саву, по которой неувѣренно водилъ пальцемъ, опасаясь сбиться съ пути, къ удовольствію учителя географіи.

— А вотъ и Дунай!

И Дунай! Гм... Странно.

Огоньки въ облакахъ? Нѣтъ, это горы сливаются съ ползущими тучами. Тамъ—городъ.

Почему же такъ мало огней? Столица—и такъ мало огней! На мгновеніе мысль нарисовала зарево въ небесахъ надъ Петербургомъ, когда подъѣзжаешь къ нему ночью, потомъ—вечерній Невскій проспектъ, горящій безчисленными разноцвѣтными огнями, какой-то весь скачущій, бѣгущій, торопящійся, — и впервые почувствовалъ къ Петербургу нѣжное чувство.. Не люблю Петербурга, а тутъ вдругъ такое нѣжное чувство. Въ одинъ моментъ побывалъ мыслью на Петербургской сторонѣ, зашелъ къ себѣ домой, посидѣлъ за самоваромъ въ столовой, повидалъ жену, ребятъ, бабушку... было тутъ еще много знакомыхъ, словно всѣ ждали, чтобы повидаться... Но поѣздъ судорожно встряхнулся и остановился, а я едва удержался на ногахъ. Надо носильщика,—ни одного. Какъ теперь говорить? Гепекъ ли, носачъ ли... Не гепекъ а... чортъ его дери!.. Да все равно: никого нѣтъ. Навьючилъ на себя все имущество и полѣзъ. Примѣшался къ новобранцамъ-студентамъ и вмѣстѣ съ ними попалъ въ особое помѣщеніе. На всѣхъ

отыскался одинъ носачъ. Среди насъ оказалось три болгарки, будущія сестры милосердія. Суматоха, говоръ, смѣхъ юности. Хорошо около молодежи! Меня какъ-то инстинктивно тянетъ къ ней и недаромъ я очутился теперь съ ними въ одномъ помѣщеніи. Было здѣсь человѣкъ сорокъ, въ числѣ ихъ уже часть знакомыхъ и русскій эмигрантъ изъ Лондона. Такъ какъ, что ни говори, а я все-таки уже не молодъ и для новобранца имѣлъ слишкомъ солидный видъ, то незнакомая молодежь стала разспрашивать моихъ знакомыхъ, и снова пришлось сдѣлаться предметомъ вниманія. Очень хотѣлось ѣсть и спать. Нѣсколько дней я уже сплю въ вертикальномъ положеніи, въ галстукѣ, на всѣхъ пуговицахъ. Такъ хотѣлось бы поѣсть и обратиться къ горизонтальному положенію! Но здѣсь только нѣсколько диванов, есть женщины. Студенты почтительно уступаютъ диванъ, но мнѣ хочется нѣкотораго комфорта. Того же, видимо, хочется и нѣкоторымъ студентамъ. Поднимается вопросъ о гостиницѣ. Человѣкъ шесть собираются уходить въ городъ. Я за ними. Оставляю вещи въ имуществѣ новобранцевъ, и мы отправляемся. Вокзалъ пустъ, полутеменъ, въ дверяхъ и у подъѣзда пожилые сербскіе крестьяне съ ружьями. Это—охрана. Городъ на военномъ положеніи и, видимо, мой необычный видъ привлекаетъ вниманіе солдата.

— Русски! Русски!—со всѣхъ сторонъ кричатъ студенты, и солдатъ, улыбаясь и кивая головой, протягиваетъ мнѣ руку... А я, по русской привычкѣ, уже схватился было за документы.

— Нэ, господыне! Нэ!

Вышли. Темно. Только нѣсколько подслѣповатыхъ огоньковъ мигаютъ по горѣ и на другой сторонѣ площади. Грязища, какъ въ Лаишевѣ! Переходимъ площадь, ноги тонутъ по щиколотку въ жидкости, подъ

которой нога чувствуетъ потопленный камень, а я доволенъ: словно пріѣхалъ въ какія-то родныя палестины! Если правда, что намъ бываетъ пріятенъ дымъ отечества, почему не почувствовать удовольствія отъ напоминающей отечество грязи? Полное безлюдье. Маленькая кучка новобранцевъ и я между ними. По дорогѣ попадаются рѣдкіе часовые съ ружьями, спутники вступаютъ съ ними въ разговоры, въ темнотѣ и я схожу за новобранца. Съ помощью солдата отыскиваемъ ближайшую гостиницу, сперва отказываютъ, а, узнавъ, что мы—новобранцы, разводятъ насъ по номерамъ.

— Кад отлази возъ у София?

Возъ, это—поѣздъ, а отлази—отходитъ. Въ пять часовъ утра надо уже встать, ибо единственный воинскій поѣздъ, на который принимаютъ пассажировъ, отходитъ въ 7 ч. утра. Сейчасъ двѣнадцать, осталось пять часовъ, надо бы поскорѣй заснуть, а не спится: возня въ желудкѣ, ропотъ голоднаго брюха. У, чортъ бы тебя взялъ! Отыскалъ завалявшееся съ Кіева яблоко и сердито съѣлъ его... Не спится... Яблокомъ не обманешь, а гостиница погружена въ полное безмолвіе. Посидѣлъ на подоконникѣ, посмотрѣлъ на улицу. Словно вымершій городъ. Только подъ одинокимъ фонаремъ на углу рисуется силуэтъ часового съ ружьемъ. Опять поползло въ душу одиночество... Разлегся, закрылся съ головой и незамѣтно заснулъ. Ровно въ 5 часовъ утра меня словно кто-то подтолкнулъ въ сердце: проснулся. Наскоро поплескавшись водой, разбудилъ товарищей, и мы еще разъ прошлепали по грязи до вокзала: извозчиковъ нѣтъ, почти всѣ лошади на войнѣ. Еще темно, но по окнамъ уже огни. На горѣ всплываетъ силуэтъ города, внизу поблескиваетъ Дунай. Сыро и холодно. Съ небесъ валится хлопьями снѣгъ. Торопимся. Всѣ молчаливы, угрюмы: не выспались. Вотъ и вокзалъ.

Пока носачъ сдавалъ мой гепекъ и бралъ билетъ, мы пили кофе. Быстро вокзалъ наполняется отъѣзжающей публикой. Пассажировъ мало, почти всѣ по дѣламъ войны: военные, новобранцы, запасные, Красный Крестъ. Война уже выглядываетъ изъ каждаго угла. Среди отъѣзжающихъ—русскій офицеръ, англійскій отрядъ краснаго креста, предназначеннаго для плѣнныхъ раненыхъ турокъ, двѣ молодыя прячущія лица католическія монашенки, корреспонденты иностранныхъ газетъ съ красными повязками на лѣвой рукѣ, раненый сербскій офицеръ со страдальческой миной на лицѣ, молодой, красивый калѣка... Этотъ первый увидѣнный мною раненый—какъ призракъ того «страшнаго», что происходитъ такъ близко-близко... Онъ приковываетъ мое вниманіе, я не могу оторваться отъ его лица. Онъ какъ-то странно улыбается, тихо разговаривая съ провожающей его женщиной, тоже молодой и красивой. Должно быть, онъ выписался изъ больницы и ѣдетъ домой... Кто она, эта красивая женщина? Можетъ быть, его невѣста... Сколько грустной нѣжности въ ихъ переглядываніяхъ! Еще недавно былъ такъ счастливъ, а теперь—калѣка. Онъ сильно припадаетъ на ногу и сзади похожъ на старика съ палочкой. Сейчасъ она его любитъ, любитъ, вѣроятно, еще сильнѣе, и конечно клянется ему, что хромая нога не въ силахъ хотя на одну крупицу убавить отъ ея любви, но... Зачѣмъ эта печальная улыбка на обоихъ лицахъ?.. Не предвѣстникъ ли то грядущаго испытанія?..

Въ Австріи не слышалъ привычныхъ для уха звонковъ поѣзда, а здѣсь, какъ дома, да еще въ прежнее время: сперва длинный звонокъ, а затѣмъ повторные. Пора садиться... Поѣздъ переполненъ. Попадаю въ купэ вмѣстѣ съ русскимъ офицеромъ, двумя католическими монашенками, русскимъ эмигрантомъ и англійскимъ

фельдшеромъ краснаго креста. Компанія, какъ видите, весьма разношерстная... не имѣющая, казалось бы, ничего общаго между собою...

Никогда не думалъ о такомъ сообществѣ. Первое время всѣ упорно молчимъ, стараясь не глядѣть другъ на друга. Ноги наши сближены больше, чѣмъ души. Эмигрантъ вышелъ курить, ибо наше купэ «За не пушаче». Съ его уходомъ мое ощущеніе неумѣстности увеличилось. Рядомъ — черная монашенка, похожая на нашу крилошанку, съ тою разницей, что голова этой и лицо совершенно скрыты головнымъ уборомъ съ большими нависшими до плечъ полями, съ бѣленькой каемочкой. Оттого, что монашенки говорятъ между собою шопотомъ, въ купэ становится еще натянутѣе. Напротивъ— русскій офицеръ. Казалось бы, чего проще заговорить намъ другъ съ другомъ? Но мы молчимъ. Офицеръ важничаетъ, уже сейчасъ держитъ себя героемъ, кромѣ того, по всѣмъ видимостямъ, онъ изъ какихъ-то привилегированныхъ нашихъ частей, блестящъ ужъ очень! Рядомъ съ нимъ болгарскіе офицеры выглядятъ солдатами. Офицеръ ждетъ, чтобы я первый оказалъ ему вниманіе, а мнѣ не хочется... Отдавивъ ногу таинственной черной спутницѣ, пробираюсь въ коридоръ и отъ нечего дѣлать читаю объявленія на стѣнахъ:

— Піана лица немуся примати на возу. Ако се тако лице наче у возу...—И радъ, что все понимаю! Перевожу не хуже, чѣмъ Юлія Цезаря:

— «Пьяныхъ лицъ воспрещено принимать на поѣздъ. Если все-таки такое лицо»... Чѣмъ-то роднымъ и близкимъ вѣетъ отъ этого языка да и лица у сербовъ— прямо русскія, какіе-то провинціальные интеллигенты. Заговариваю съ сербскимъ офицеромъ-кавалеристомъ. Я видѣлъ его еще на вокзалѣ. Онъ пріѣзжалъ на одинъ день изъ западной арміи и его провожала мать. Меня

поразило, что кромѣ любящаго, обожающаго взгляда, ласки рукою по обнаженной головѣ, мать ничѣмъ не выдавала своего страданія отъ разлуки, быть можетъ, навсегда... Удивительно было это материнское лицо. Оно врѣзалось мнѣ въ память, какъ лицо какой-то Мадонны... Ни единой слезинки.

— Напредъ, сыне, за Богомъ!

IV.

Читаю и перевожу по-сербски весьма прилично, а вотъ когда пытаюсь завести болѣе или менѣе сложный разговоръ, не выходитъ. Въ быстромъ потокѣ словъ теряю нить смысла, стараюсь догадываться и часто невпопадъ. Тогда сербскій кавалеристъ улыбается и начинаетъ помогать: какъ вѣхи, втыкаетъ на пути разговора отдѣльныя слова, стараясь произносить ихъ медленно.

— Понялъ! Понялъ!

Онъ—студентъ, призванъ на войну и, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, пріѣзжалъ на одинъ день проститься съ матерью.

Мимо оконъ вагона торопливо проходятъ неусѣвшіеся еще пассажиры. Вотъ тянется отрядъ англійскаго краснаго креста: человѣкъ тридцать молодыхъ людей, плотныхъ, стройныхъ, краснощекихъ, одѣтыхъ въ форму цвѣта хаки съ золотыми пуговицами. Немножко театрально, но красиво, стройно; желтые ботфорты и желтые пояса, сумки черезъ плечо, бинокли. Кажутся военными, недостаетъ только оружія (каждый, какъ мнѣ пришлось потомъ узнать, имѣетъ въ карманѣ браунингъ), позади всѣхъ идутъ, въ сопровожденіи сербскихъ властей, врачи въ такой же формѣ...

— Бифстексы!..

Оглядываюсь, кто это говоритъ: у другого окна— русскій офицеръ. Не принимаю реплики. Третій звонокъ... Жаль, что не закусилъ, а теперь уже не успѣешь. Вернулся въ купэ: англійскаго санитара нѣтъ: вѣроятно, переселился къ своимъ, а вмѣсто него больной сербскій офицеръ съ палкой въ рукѣ: печально киваетъ головой кому-то въ окошко. Ахъ, это она, невѣста! Бѣжитъ за медленно идущимъ поѣздомъ и поднимаетъ руку, словно протягиваетъ ее, желая вернуть потерянное... Тяжело. Сѣлъ на свое мѣсто. Тѣсно: когда вагонъ сильно вздрагиваетъ, приходится толкать локоткомъ таинственную черную незнакомку, лица которой я до сихъ поръ не могъ еще увидѣть. Напротивъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ офицеръ русскій, лежитъ Мопассанъ на французскомъ языкѣ, а рядомъ сидитъ другая черная фигура съ евангеліемъ въ положенныхъ на колѣни рукахъ.

Долетаетъ громкій, такой внушительный голосъ изъ коридора:

— Русскій офицеръ, добровольцъ! Да, да! Я только ѣздилъ въ Бѣлградъ на одинъ день. Завтра въ Софіи перемѣню форму и—на передовыя позиціи подъ Люле-Бургасъ или дальше, вообще на передовыя позиціи! Я былъ уже на войнѣ... Съ Японіей! Раненъ!

Говоритъ такъ громко, что, вѣроятно, его голосъ слышенъ во всемъ вагонѣ.

— Герой!—шепчетъ эмигрантъ и вздыхаетъ.

Я откидываю голову, закрываю глаза и погружаюсь въ пріятную дрему. А офицеръ все разсказываетъ, и его голосъ дѣйствуетъ на меня, какъ прикосновенія къ электрической банкѣ: на особенно громко-сказанныхъ словахъ я пробуждаюсь отъ дремы и раскрываю глаза. Пушистый снѣгъ валится съ небесъ, въ окнѣ бѣлѣютъ прикрытые имъ поля, холмы и горы... Мелькаютъ домики, похожіе на малороссійскія мазанки, стада овецъ, копны

кукурузы. Вспоминается то Малороссія, то крымскія долины. Вѣроятно, здѣсь хорошо весной и лѣтомъ, а сейчасъ однообразно: снѣгъ спряталъ всѣ краски... Ну, герой пролѣзаетъ въ купэ! Раскрываетъ чемоданъ, вытаскиваетъ закуски, бутылки, пакеты. Счастливый! А у меня ничего нѣтъ, только одни сунутые въ Кіевѣ сухарики изъ кондитерской, которые я случайно обнаружилъ и чуть было случайно не выкинулъ. Съ удовольствіемъ погрызъ бы этихъ сухариковъ да какъ-то неудобно:

— Одни сухарики!

Для однихъ сухариковъ какъ-то неловко тащить съ полки чемоданъ. Если бы они были въ карманѣ—другое дѣло. Скоро ли станція съ буфетомъ? Возьму бифштексъ... Офицеръ кушаетъ, а у меня сосетъ подъ ложечкой. Поѣздъ встряхивается и чувствуется тормозъ. Подходимъ, значитъ, къ буфету. Надо вылѣзти, а офицеръ вытянулъ ноги. Вытянулъ и такъ увлекся разнообразіемъ своего стола, что приходится попросить убрать ноги. И тутъ происходитъ глупѣйшая исторія. Совершенно не понимаю почему, но я сдѣлалъ это на нѣмецкомъ языкѣ:

— Битте!.. Эрлаубенъ зи!

— Виноватъ. Не понимаю, почему вы говорите съ русскимъ офицеромъ на нѣмецкомъ языкѣ?—обиженно отвѣтилъ офицеръ.

Давно я уже не испытывалъ такого дурацкаго положенія, въ которое поставилъ меня этотъ вопросъ.

— Развѣ вы...

— Неужели вы не знаете нашей военной формы?

— Виноватъ, я тороплюсь...

Я вышелъ изъ купэ, чтобы сдѣлать рекогносцировку насчетъ питанія. Увы! буфета нѣтъ, а лучше сказать, что въ буфетѣ ничего нѣтъ, даже чашки чаю или кофе!

Барышни съ цвѣтами есть, но пищи никакой... Трогательно: скромныя, тихія, застѣнчивыя дѣвушки раздаютъ по цвѣточку проѣзжающимъ студентамъ-новобранцамъ. Какъ-то стыдливо и просто дѣлаютъ онѣ это...

Не хочется возвращаться въ купэ: чувствую, что теперь разговоръ съ героемъ неизбѣженъ, а затѣмъ надо же какъ-нибудь объяснить недоразумѣніе!

Какъ бы вы, хотѣлось мнѣ знать, вывернулись на моемъ мѣстѣ?

Долго стоялъ въ коридорчикѣ и смотрѣлъ въ окно, отдаляя непріятный моментъ объясненія. Слышу, что герой разговариваетъ съ кѣмъ-то и опять объясняетъ, что онъ русскій офицеръ и ѣдетъ добровольцемъ на передовыя позиціи. Моментъ подходящій. Вхожу въ купэ и поражаюсь: онъ говоритъ съ черными женщинами!.. То по-нѣмецки, то по-русски. Тѣ прячутъ лица и пищатъ что-то, словно курочки...

— А все-таки, почему вы не знаете формы русскаго офицера?

— Я?

— Ну, конечно, вы! Было бы простительно, если бы не знали наши спутницы, но...

— Дѣло въ томъ, что... я слыхалъ, что болгарская армія имѣетъ такую же форму и, не владѣя болгарскимъ...

— Да, форма у нихъ почти такая же, но... Я, напримѣръ, сразу увидалъ, что вы—русскій корреспондентъ... Я ѣду добровольцемъ. Завтра переодѣнусь въ соотвѣтствующій костюмъ и на передовыя позиціи!

— Значитъ, вы оставили службу въ Россіи?

— Да, конечно. Вѣроятно, однако, эта служба въ болгарской арміи будетъ намъ, добровольцамъ, зачтена...

— А скажите: если вы отличитесь чѣмъ-нибудь на войнѣ и будете здѣсь награждены повышеніемъ или...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! По-моему, было бы справедливымъ, чтобы тѣ заслуги, которыя будутъ признаны здѣсь...

Изъ дальнѣйшаго разговора я понялъ, что герой ѣдетъ за подвигами, а ему тормозятъ и мѣшаютъ. Онъ уже побывалъ въ Старой Загорѣ, въ главномъ штабѣ и принципіально зачисленъ, но встрѣтились какія-то чисто формальныя препятствія. Принимаютъ условно, съ обязательствомъ прослужить послѣ заключенія мира извѣстное количество времени...

— Скажите: а не поздно теперь вступать?

— Да, я немного запоздалъ... Это правда, но кто могъ ожидать, что дѣло пойдетъ такъ быстро? Они вообще неохотно принимаютъ русскихъ добровольцевъ. Пока ихъ всего одиннадцать человѣкъ.

— Да въ сущности зачѣмъ имъ эта помощь? У нихъ и такъ идетъ блестяще...

Не даютъ человѣку свершить подвигъ! Это—больное мѣсто моего спутника. Всѣмъ заявляетъ, что завтра онъ ѣдетъ на передовыя позиціи, а съ другой стороны—не пускаютъ. Не поймешь что-то.

Встрѣчные поѣзда наполнены ранеными. Простые товарные вагоны тѣсно заставлены кроватями и на нихъ лежатъ больные исковерканные люди. На вагонахъ обычная надпись о грузоподъемности, выраженной въ пудахъ и лошадяхъ, добавленъ только Красный Крестъ... Люди превратились въ негодный военный товаръ... Какъ трупы, лежатъ люди, негодные отбросы войны. Молохъ требуетъ здоровыхъ и сильныхъ, беретъ ихъ и часть поѣдаетъ, а часть только помнетъ зубами и выплюнетъ... А въ заднихъ такихъ же товарныхъ вагонахъ съ забранными желѣзной рѣшеткой окошечками — плѣнные

турки... Словно гуси, высовываютъ въ окна головы и руки, машутъ, кричатъ что-то, поютъ цѣсни, на фескахъ у многихъ нашиты кресты (христіане, обезпечивающіе себѣ крестомъ будущность).

Проѣхали уже много станцій, но нигдѣ ничего нѣтъ. Медицинскіе пункты, питательные пункты для раненыхъ, санитары, сестры милосердія... Спасибо, что дали кипяточку! Заварилъ чайку, досталъ сухарики и утолилъ голодъ...

— А когда будетъ большая станція съ буфетомъ?

— Раньше Ниша ничего не достанете. Да неугодно ли? У меня есть сыръ, колбаса, вино... Я уже ученъ: въ первый разъ ѣхалъ и чуть не умеръ съ голода...

— Нѣтъ, нѣтъ... Не безпокойтесь! Какъ-нибудь до Ниша... Не хочется...

Вру, что не хочется! Весь чемоданъ у героя съѣлъ бы!

Незамѣтно свечерѣло. Я сидѣлъ съ закрытыми глазами, чтобы не разговаривать съ офицеромъ, который раздражалъ меня своимъ самодовольствомъ, и мечталъ о Нишѣ... Рисовался въ воображеніи буфетъ, столъ съ поѣдающими горячую пищу пассажирами, звонъ посуды, лакеи, вкусный запахъ котлетъ, бутылка пива... Такъ мнѣ рисовался Нишъ...

— Нишъ!

Опрометью кидаюсь къ выходу, за мной—эмигрантъ. Вся площадка предъ станціоннымъ зданіемъ заполнена переправляемыми въ армію новобранцами. Здѣсь узловой пунктъ. Не проберешься къ буфету... А въ буфетѣ, какъ въ церкви въ Свѣтлую заутреню! Негдѣ упасть яблоку... Нѣтъ шума, нѣтъ пьяныхъ, нѣтъ плачущихъ женщинъ.. Вообще ничего похожаго на наши родныя картины при отправкѣ на войну запасныхъ. Только тѣсно. И то не трудно пролѣзть: спѣшатъ дать дорогу, не толкаютъ въ бока, вѣжливы и стараются помочь...

Увы, всѣ мои мечты разлетаются прахомъ: никакого стола, никакихъ лакеевъ, никакихъ вкусныхъ запаховъ... Все съѣдено до-чиста. Можно выпить кружку пива и получить кусокъ черстваго хлѣба. Радъ и этому. Возвращаюсь, не солоно хлебавши... Въ вагонѣ общее разочарованіе.

— Ну какъ?

— Ничего нѣтъ!

— Сдѣлайте одолженіе...

Офицеръ раскрываетъ свой чемоданъ и раскладываетъ закуски.

Сперва я отказываюсь, но видя, что эмигрантъ жуетъ, протягиваю руку и беру со словами: «развѣ кусочекъ сыра!». За кусочкомъ сыра слѣдуетъ кусочекъ колбасы, потомъ одна сардиночка... Боже, какъ все это вкусно!

— Желаете винца?.. Кажется, очень приличное вино.

— Да... пожалуй... Неловко какъ-то васъ грабить...

— Вотъ пустяки! Завтра въ восемь часовъ утра будемъ въ Софіи...

Офицеръ пробуетъ угостить и черныхъ женщинъ, но тѣ только попискиваютъ что-то въ отвѣтъ и еще сильнѣе прячутъ лица и головы въ своихъ траурныхъ шляпахъ...

Ѣмъ—и офицеръ начинаетъ казаться симпатичнѣе... Въ сущности, добрый малый. Развѣ онъ виноватъ?

— Да вы не стѣсняйтесь, господа!..

Ба! Одна изъ черныхъ святыхъ женщинъ соблазнилась! Ѣстъ колбасу! Офицерскую колбасу!

Въ другихъ купэ та же картина: находится одинъ благоразумный и кормитъ другихъ, неблагоразумныхъ...

Послѣдняя ночь въ вагонѣ. Спать хочется ужасно. Задремлешь, ткнешься о что-то мягкое и вспомнишь, что рядомъ черная женщина...

— Виноватъ!

Попробовалъ устроиться съ ногами, на подобіе младенца въ утробѣ матери...

Ничего не выходитъ... Ноги расправляются и норовятъ ткнуть сосѣдку...

— Виноватъ!

Сквозь чуткую дрему проходятъ остановки на станціяхъ, контрольные осмотры пассажировъ, въ полуснѣ даешь билетъ, объясняешь, что ты—русскій корреспондентъ... А въ углу напротивъ, какъ черный призракъ смерти, все та же неподвижная фигура женщины въ траурномъ одѣяніи...

V.

— Софья! Софья!

Это значитъ Софія... Уфъ! Пріѣхалъ таки.... Съ грѣхомъ пополамъ, а пріѣхалъ. Ѣхалъ изъ Петербурга съ 20, сегодня—26, ѣлъ и спалъ урывками, мучился, говоря на разныхъ языкахъ, возненавидѣлъ свой гепекъ, особенно большой пузатый чемоданъ, который ѣхалъ отдѣльно отъ меня, заставлялъ съ собой няньчиться и причинялъ столько терзаній на пересадочныхъ пунктахъ...

— Носачъ! Носачъ!

Опять нѣтъ носильщиковъ. Какъ же мнѣ быть съ гепекомъ, а особенно съ тѣмъ проклятымъ чемоданомъ, который надо получать въ багажномъ отдѣленіи?

Собралъ ручныя вещи и поплылъ въ людскомъ потокѣ въ буфетный залъ. Свалилъ свой скарбъ въ углу, усѣлся за столъ и рѣшилъ не волноваться. Кругомъ говоръ, движеніе, звонъ посуды, оживленныя лица! Вообще, похоже на настоящую большую станцію съ буфетомъ... Ба! Да тутъ пьютъ чай! Опротивѣлъ этотъ кофе.

— Дайте стаканъ чаю и хлѣба!

Понимаетъ! Тащитъ...

— По-русски понимаете?

— Понимаю! Вы—русскій?

— Русскій. Слышали новость? Солунь взятъ и тамъ съѣхались три наслѣдника!

— Неужели три?

— Всѣ три.

— Никому, значитъ, не обидно...

Ахъ, такъ вотъ почему такое оживленіе, веселые возгласы, рукопожатія! Хотя Солунь меня совершенно не касается, но и мнѣ весело, я тоже радъ, что Солунь взяли. Если бы не мелькающіе тамъ и сямъ красные кресты, можно было бы забыть о войнѣ. Но крестовъ много... Съ удовольствіемъ пью чай, съ хлѣбомъ, съ масломъ, читаю болгарскую газету и сливаюсь, растворяюсь въ общемъ бодромъ, оживленномъ настроеніи. Въ газетахъ про Солунь еще ничего нѣтъ, но кто-то сообщилъ, что получена въ министерствѣ телеграмма.

Съ аппетитомъ выпилъ чаю и попросилъ еще стаканъ.

— И булку!

Лакей застѣнчиво ухмыльнулся и ничего не принесъ. А потомъ я узналъ, что здѣсь слѣдуетъ съ осторожностью пользоваться русскимъ языкомъ, такъ какъ многія русскія слова имѣютъ въ болгарскомъ языкѣ совершенно иное значеніе. Межъ ними и слово «булка», что по-болгарски значитъ—молодая женщина, молодушка. Вышло, что я попросилъ къ чаю молодую женщину!

Отправился выручать пузатый чемоданъ, который спокойнѣе меня провелъ время въ путешествіи. Оказывается, что и здѣсь таможня! Попросилъ не задерживать.

— Вы русскій?

— Да. Военный корреспондентъ.

Моментально все было сдѣлано. Не заставили даже отпирать чемоданъ и помогли усѣсться на извозчика.

Какое, однако, вниманіе къ русскимъ! Непривычно для русскаго человѣка. Даже гордость разбираетъ, что ты— русскій! Вотъ страна, гдѣ насъ уважаютъ больше, чѣмъ уважаемъ мы сами себя! Ѣду, гордо откинувшись на спину, и читаю вывѣски: «Колбасница», «Сладкарница», «Книжарница», «Хотель Царь-Освободитель»... На вывѣскахъ то и дѣло фигурируетъ Царь-Освободитель... Ахъ, такъ вотъ откуда такой почетъ и уваженіе къ русскимъ! Оно куплено кровью русскаго солдата, изобильно пролитой отъ Систова до Адріанополя... Значитъ, я тутъ не при чемъ.

Извозчикъ привозитъ меня въ гостиницу, и я прежде всего смотрю на постель. Большая, мягкая постель. Ляжешь и утонешь. Положительно, ни на что неспособенъ. Торопливо сбрасываю одежду, отвертываю одѣяло, запираюсь и погружаюсь въ блаженство... Словно перенесъ тяжелую болѣзнь, опасность миновала, кризисъ прошелъ на шестой день... Спать, спать! Забыть, что не дома, забыть, что есть на свѣтѣ Балканы и война, откинуть всѣ заботы о своихъ обязанностяхъ и необходимости писать и телеграфировать... Никого и ничего не хочу знать!

— Ухъ, какъ хорошо!

Закрываю глаза, улыбаюсь, а кровать колеблется, и кажется, что все еще ѣдешь по желѣзной дорогѣ, только съ необычайными удобствами...

Просыпаюсь отъ какого-то страннаго гортаннаго крика на улицѣ. Напоминаетъ «большую перемѣну» въ гимназіи! Что за происшествіе? Соскакиваю съ постели и тревожно смотрю на улицу: улица кишитъ маленькими гимназистами, которые съ крикомъ «Балгарски побѣди!» разбѣгаются продавать только что вышедшій газетный листъ. Этимъ дѣломъ теперь занята здѣсь почти вся учащаяся дѣтвора, начиная съ приготовишекъ и кончая

третьеклассниками, старшіе помогаютъ въ больницахъ—юноши и дѣвушки...

Ну, съ чего начать? Куда пойти? Какъ оріентироваться? Въ дорогѣ слышалъ, что здѣсь есть русская книжарница, куда ходятъ русскіе корреспонденты читать родныя газеты. Отправляюсь туда. На Тарговицѣ улицѣ.

— Кажите, моли васъ, русската книжарница?

— Тука! Тука!

Поднимаю взоръ къ небу: огромная вывѣска «Новаго Времени» и подъ ней: «Русска книжарница». Взбираюсь на верхній этажъ, вхожу въ книжарницу и попадаю въ среду русскихъ корреспондентовъ.

Здѣсь узнаю печальную новость: не только не пускаютъ новыхъ корреспондентовъ, но и громадное большинство уже допущенныхъ въ главную квартиру восточной арміи частью выслано за излишнюю любознательность, а частью вернулось въ Софію, такъ какъ здѣсь легче получать новости и скорѣе можно телеграфировать ихъ въ Россію.

— Мнѣ не важны новости. Я хочу общихъ впечатлѣній отъ войны. Но что же дѣлаютъ корреспонденты?

— Сидятъ въ Мустафѣ-Пашѣ, тоскуютъ, связанные по рукамъ и ногамъ, ждутъ, когда имъ что-нибудь скажутъ, или фантазируютъ на тему «На передовыхъ позиціяхъ». Да прежде всего, чтобы попасть теперь на передовыя позиціи, надо двѣ лошади и двухъ провожатыхъ, а лошади теперь въ такой цѣнѣ... За корреспондентами здѣсь не ухаживаютъ: живи, какъ хочешь, питайся, чѣмъ хочешь, только не смѣй никуда ходить безъ спроса...

Вообще меня въ книжарницѣ огорошили.

— Попробуйте! Можетъ быть, для васъ тоже сдѣлаютъ исключеніе. Только совѣтуемъ не ходить прямо

въ военное министерство, а заручиться сперва какими-нибудь солидными рекомендаціями.

Я назвалъ имена тѣхъ лицъ, письмами къ которымъ заручился при отъѣздѣ изъ Петербурга.

— Они ничего не могутъ. Развѣ только благой совѣтъ дадутъ...

Дальше начались жалобы на цензуру: всѣ телеграммы и всѣ письма, хотя бы адресованныя частнымъ лицамъ, но за границу, подвергаются цензурѣ. А такъ какъ цензура здѣсь учрежденіе «сверхъ абонемента», законами непредусмотрѣнное, и цензорами являются добровольцы, учителя гимназіи и профессора, то и самъ не знаешь, что пропустятъ, а что встрѣтитъ препятствіе...

Много пришлось выслушать отъ сотоварищей жалобъ на свое корреспондентское положеніе. Но было трудно разобраться и стать на ту или другую сторону: намъ, пишущимъ, конечно, дороже всего полная и неограниченная свобода слова, но вѣдь для воюющей страны «военная тайна»—одно изъ первыхъ условій успѣха.

— Тутъ дѣло дипломатіи! Никакихъ тайнъ мы не выдаемъ и не можемъ выдавать, потому что конспиративность здѣсь въ этомъ отношеніи изумительная. Одинъ раненый офицеръ разсказывалъ, что со времени объявленія войны, когда ихъ двинули черезъ границу, и до взятія Люле-Бургаса они, офицеры, не знали, что Сербія и Грецiя тоже воюютъ съ турками!

Въ книжарницѣ сразу вошелъ въ курсъ дѣла и, когда очутился снова на улицѣ, не испытывалъ того чувства нѣкоторой растерянности, которое овладѣло было мною на первыхъ порахъ. Зашелъ въ популярную кофейню и здѣсь встрѣтилъ русскихъ эмигрантовъ, которые страшно обрадовались свѣжему человѣку изъ Россіи. Здѣсь живетъ ихъ около 50 человѣкъ (считая

членовъ семьи), нѣкоторые служатъ въ городской управѣ, на почтѣ, но всѣ теперь пишутъ; среди нихъ молодой русскій писатель Язвицкій... Всѣ они накинулись на меня съ разспросами о томъ, что дѣлается теперь въ Россіи. Ничего особенно утѣшительнаго я сказать имъ не могъ.

— Говорятъ о какой-то амнистіи? Правда?

— Что-то не слышно...

На нѣкоторое время очутился въ Россіи и разбередилъ всѣ родныя болячки...

— А вотъ, позвольте познакомить, болгарскій писатель, Петко Тодоровъ!

Познакомились. Тодоровъ хорошо говоритъ по-русски. Заговорили о литературѣ и тутъ я убѣдился, что болгарскіе писатели знаютъ русскихъ больше, чѣмъ мы ихъ. Кромѣ Вазова, «Подъ игомъ», ничего я не зналъ, вѣрнѣе не помнилъ, и мнѣ было очень стыдно передъ Петко Тодоровымъ.

— Вы, русскіе, не только не знаете, а вы не хотите насъ знать! — съ грустной улыбкой замѣтилъ Тодоровъ,—вы, русскіе, вообще, не умѣете использовать наше къ вамъ расположеніе. Насъ переводятъ на нѣмецкій и французскій, но только не на русскій... У васъ, напримѣръ, совершенно не знаютъ нашего большого писателя, создателя народнаго эпоса, недавно умершаго Словейкова, автора «Кровавыхъ пѣсенъ»... Мнѣ горько, что когда умеръ нашъ большой писатель, ваша газета, передовая газета «Рѣчь», отказалась напечатать некрологъ изъ боязни обвиненій въ славянофильскихъ тенденціяхъ .. Мы для васъ все еще какіе-то несчастные «братушки»... А мы давно выросли и не хотимъ быть несчастными. Кого вы къ намъ посылаете для сближенія? Допотопныхъ генераловъ? Черепъ-Спиридовичей, Кардиналовскихъ! Но мы выросли! Мы любимъ новую

Россію и хотимъ любить только новую, потому что въ ней сила. Простой народъ еще полонъ любви къ вамъ, русскимъ, какъ нашимъ освободителямъ, онъ до сихъ поръ поетъ:

Руситѣ ся наши братя,
Наша нѣчть и наша кровь! (наша плоть и наша кровь)...

Но это вовсе не значитъ, что мы любимъ васъ слѣпо.

Дальше Петко Тодоровъ разсказалъ мнѣ, что происходило на всеславянскомъ съѣздѣ, куда отказались пріѣхать русскіе поляки, гдѣ говорилось, что тотъ не славянинъ, кто угнетаетъ славянина, и гдѣ вышелъ характерный инцидентъ со старой Россіей въ лицѣ одного патріотическаго русскаго генерала-делегата; генералъ такъ искусилъ болгарскаго профессора:

— Въ гимназію можно принять, допустимъ, пятьдесятъ человѣкъ. Претендентами являются пятьдесятъ славянъ и двадцать пять евреевъ. Какъ вы поступите?

Русскій патріотическій генералъ ожидалъ отвѣта на свой коварный вопросъ совсѣмъ не такого, какой далъ, не подозрѣвая даже никакого коварства съ генеральской стороны, болгарскій делегатъ:

— Мы построимъ еще одну гимназію! — наивно и просто отвѣтилъ онъ.

Разсказывалъ еще Петко Тодоровъ о банкетѣ, который былъ данъ здѣсь въ честь нашего профессора Карѣева. Еще болѣе рѣзко-подчеркнутое раздѣленіе Россіи на старую и новую.

— Гдѣ же они, ваши лучшіе люди? Почему мы ихъ такъ рѣдко видимъ и слышимъ?

Тоже довольно наивный вопросъ! Какъ ни старался объяснить болгарскому товарищу, ничего не выходило... Никакихъ оправданій!

— Мы не хотимъ быть вашей окрайной! вашей задунайской губерніей!—съ горечью говорилъ болгарскій писатель русскому... А тотъ, не чувствуя за собой никакой вины, безпомощно пожималъ плечами...

VI.

Быстро пролетѣлъ первый день въ Софіи... Не успѣлъ оглянуться, а городъ уже стихъ. Въ одиннадцать часовъ жизнь прекращается, улицы пустѣютъ и выходить не полагается: расхаживающій патруль можетъ забрать каждаго встрѣчнаго. Иду и при встрѣчахъ съ патрулемъ жду непріятностей. Ничего, однако, дурного не выходитъ.

— Русски!

Этого вполнѣ достаточно, чтобы патруль оставилъ въ покоѣ. Прихожу въ номера—мертвая тишина. Длинный коридоръ, двери и выставленные подъ ними сапоги, штиблеты, иногда рядышкомъ мужскіе башмаки и женскія туфельки...

Не привыкъ рано ложиться... Теперь въ Петербургѣ только «начинается»!.. Хожу взадъ и впередъ по комнатѣ и пробую привести въ нѣкоторый порядокъ полученныя за день впечатлѣнія... Ихъ такъ много, они такъ разнообразны и пестры, что никакъ ихъ не разсортируешь. Словно мотокъ спутанныхъ нитокъ. Пробую писать,—ничего не выходитъ... Пестрый рядъ лицъ, встрѣчъ, разговоровъ. Бунтующіе корреспонденты, цензурное бюро, дѣлающіе выговоръ болгарскіе интеллигенты, ожидающіе амнистіи русскіе эмигранты, популярная кофейня «Болгарія», гдѣ происходитъ ежедневная встрѣча различныхъ общественныхъ дѣятелей, включая бывшихъ и настоящихъ министровъ, и гдѣ главная биржа корреспондентовъ, строчащихъ телеграммы—послѣднія новости и слухи, тщательно скрываемые другъ отъ друга...

Интересная это порода — военные корреспонденты. Въ глазахъ жадность и безпокойство, уши всегда навострены, когда пишутъ телеграммы, то прикрываютъ текстъ рукою, очень любезны, но хитры другъ съ другомъ... Русскіе на привилегированномъ положеніи: у нихъ—друзья, близкіе къ правящимъ сферамъ, поэтому они скорѣе узнаютъ новости, чѣмъ нѣмцы и австрійцы, они въ общемъ болѣе образованы, многіе говорятъ поболгарски, хорошо разбираются въ балканскомъ вопросѣ и въ македонскихъ дѣлахъ, въ которыхъ самъ чортъ ногу сломитъ... Русскій языкъ здѣсь играетъ роль французскаго... Нѣмцы, французы и англичане—безпомощны. Иногда жалко на нихъ смотрѣть... Я торжествую: здѣсь они испытываютъ нѣчто подобное тому, что пришлось мнѣ испытать въ путешествіи... Жмутся другъ къ другу, очень почтительно говорятъ съ русскими сотоварищами, владѣющими нѣмецкимъ и французскимъ языками. Зато въ цензурномъ бюро отводятъ душу: каждый имѣетъ цензора, владѣющаго соотвѣтствующимъ языкомъ, и потому изливаетъ на него все свое раздраженіе... Есть, впрочемъ, и среди русскихъ корреспондентовъ субъекты, изумляющіе и повергающіе въ большое сомнѣніе какъ цензоровъ, такъ и насъ, русскихъ. Одинъ похожъ на подрядчика: имѣетъ цѣлую свору, платитъ исполу, а самъ имѣетъ множество газетъ. Другой еще любопытнѣе. Имѣя о болгарахъ далеко не лестное мнѣніе, а о себѣ, какъ о русскомъ—очень высокое, этотъ субъектъ дѣйствуетъ путемъ устрашенія... Сазоновымъ!

— Разрѣшите мнѣ употреблять шифръ для сношеній съ Сазоновымъ!—внушительно требуетъ онъ у цензуры. Затѣмъ пытается воздѣйствовать общепринятымъ у насъ путемъ, т. е. денежной благодарностью... Его стараются не понимать и съ брезгливостью говорятъ:

— Кого они къ намъ посылаютъ?..

Я не повѣрилъ бы этой скверной исторіи, если бы не получилъ весьма нагляднаго подтвержденія. Этотъ субъектъ поймалъ меня и предложилъ свои услуги въ качествѣ секретаря. Предупрежденный товарищами, я отклонилъ, любезно отклонилъ:

— Я еще не имѣю разрѣшенія ѣхать въ армію и потому мнѣ пока не надо...

— Я васъ научу, какъ получить! Вы ихъ припугните Сазоновымъ! А главное прикрикните!

— Гм... Вы такъ увѣрены въ могуществѣ Сазонова? и... въ трусости болгаръ?

— Они испугаются!..

— А что, если на меня тоже станутъ кричать?

— Никогда! Мы ихъ освободили, а они...

— Простите, но послѣ вашихъ совѣтовъ для меня совершенно ясно, что вашимъ предложеніемъ я не могу воспользоваться! Въ секретари вы не подходите...

Среди русскихъ корреспондентовъ, большинство которыхъ—эмигранты, этотъ субъектъ кажется лишнимъ, портящимъ всю музыку...

Завтра отправляюсь къ русскому посланнику, къ премьеръ-министру, буду всѣми силами добиваться пропуска въ дѣйствующую армію. Всѣ эти хлопоты, которыя рисуются мнѣ въ русской обстановкѣ, заранѣе гнетутъ меня. Я представляю себя въ роли русскаго просителя, по цѣлымъ часамъ дожидающагося въ мрачныхъ пріемныхъ, позѣвывающаго отъ скуки, ощущенія униженности и прочихъ непріятныхъ ощущеній, связанныхъ у насъ съ хожденіями по начальству...

На другой день облекаюсь въ крахмалы и смокингъ, беру извозчика и ѣду къ русскому посланнику. Пріятная неожиданность: посылаю визитную карточку и меня моментально проводятъ въ гостиную! Совсѣмъ не по-

русски... Выходитъ нашъ посланникъ и принимаетъ меня, какъ своего стараго знакомаго.

— Помогите мнѣ попасть въ дѣйствующую армію— излагаю я свою просьбу.—Пропускъ прекращенъ, а мнѣ необходимо. Я—не политическій и не дипломатическій корреспондентъ, а...

— Я понимаю. Ваша задача чисто художественнаго характера и... Думаю, что для васъ сдѣлаютъ исключеніе... Гм... что же мы сдѣлаемъ? Гм... Хотите, я вамъ дамъ письмо къ премьеръ-министру?

— Я вамъ буду очень благодаренъ!

— Отлично. Попробуемъ.

Посланникъ пишетъ письмо, а я сижу и удивляюсь: чувствую себя великолѣпно. Будто въ Россіи и не въ Россіи! Когда, при выправкѣ паспорта, я показалъ на своемъ прошеніи званіемъ-литераторъ, мнѣ возвратили бумагу и какъ-то обиженно замѣтили:

— Такого званія нѣтъ.

— Ну, отставной таксаторъ лѣсного департамента...

— Это другое дѣло! Такъ и напишите.

А здѣсь совсѣмъ по-другому...

Письмо написано. Я собираюсь уходить.

— Благодарю васъ!

— Куда торопитесь... Поговоримъ!

Начинаемъ говорить о Болгаріи, о союзѣ, о Турціи и ея арміи, о томъ, что намѣчается на политическихъ горизонтахъ.

Вышелъ отъ посланника, окрыленный надеждами... Встрѣчаю знакомаго болгарскаго интеллигента, спрашиваю, какъ бы попасть къ премьеръ-министру г. Гешову.

— Поговорите съ нимъ по телефону!

Озираю съ ногъ до головы собесѣдника. Мнѣ кажется дикимъ разговаривать по телефону съ премьеромъ.

— Развѣ?.. Какъ-то неудобно.

— Почему?—спрашиваетъ съ недоумѣніемъ собесѣдникъ.

— У насъ это не принято. Вызвать, напримѣръ, Коковцова къ телефону... Да прежде всего меня не соединятъ съ нимъ!

— У насъ—страна демократическая...

— Позвонить и вызвать къ телефону?

— Ну, а то какъ же иначе? Вызовите и попросите принять. Онъ назначитъ вамъ время и мѣсто свиданія.

Маленькое колебаніе съ моей стороны, а потомъ просьба:

— Знаете, что... Вызовите мнѣ его! Заговоритъ поболгарски, я не пойму...

— Онъ говоритъ по-русски.

— Все-таки... Если васъ это не затруднитъ...

— Хорошо.

Заходимъ въ кофейню. Трещитъ звонокъ телефона. Готово!

— Русскій писатель, Евгеній Николаевичъ Чириковъ, желалъ бы имѣть съ вами свиданіе.

Стою и немного взволнованно жду результата.

— Завтра въ шесть вечера, въ совѣтѣ министровъ!

Одно чудо за другимъ! Какъ это здѣсь просто и легко! Если бы и у насъ такъ! Какъ гора съ плечъ. Главное сдѣлано. Пока можно побродить по городу и посмотрѣть хорошенько на его физіономію. Идемъ осматривать городъ.

— Вотъ дворецъ!

Вродѣ нашего губернаторскаго дома, огромный садъ, уютный дворъ. Есть въ Москвѣ такіе особняки въ укромныхъ неожиданныхъ уголкахъ, гдѣ-нибудь на Спиридоновкѣ.

— Вотъ зданіе народныхъ собраній, а напротивъ

памятникъ Александру II... Перваго мая здѣсь происходятъ митинги и съ памятника говорятъ ораторы.

— Новый соборъ, который торопятся закончить, чтобы открыть въ день окончанія войны.

— Развалины старой византійской церкви, остатки Византійской Имперіи... Здѣсь бываетъ служба только въ Свѣтлую заутреню... А вонъ идетъ нашъ митрополитъ!

— Гдѣ?

— Да вонъ съ зонтикомъ-то! Старикъ съ зонтикомъ!

— Митрополитъ?!

— Ну да! Чему же вы удивляетесь?

Идетъ старичокъ довольно высокаго роста, въ простомъ черномъ одѣяніи, съ зонтикомъ, и оживленно жестикулируетъ съ спутникомъ въ пальто.

Опять изумительно! Митрополитъ и безъ всякаго блеска, ни серебра, ни золота, вмѣсто нашего архіерейскаго посоха — зонтикъ, пѣшечкомъ пробирается по грязной улицѣ! Словно простой приходскій попикъ...

— Онъ самъ на базаръ ходитъ...

— Митрополитъ... на базаръ?

— Да. У насъ вообще на базаръ мужчины ходятъ, рѣдко съ женами, а больше одни. Съ 12 до 2-хъ дня всѣ присутственныя мѣста закрываются и мужчины успѣваютъ пообѣдать и сходить на базаръ.

Опять ребячій переполохъ на улицахъ: потрясая газетами и неистово выкрикивая названія газетъ и сенсаціонное извѣстіе, мальчуганы носятся по улицамъ. Большинство въ гимназическихъ фуражкахъ, но въ общемъ одѣты бѣдно и грязновато.

— Вотъ ваши гимназисты не похожи на нашихъ. Наши франтоватѣе.

— Это—бѣднота. У насъ учатся всѣ дѣти ремесленниковъ, мастеровыхъ... Образованіе доступно всѣмъ: въ прогимназіи—безплатно, въ гимназіи—20, въ универси-

тетѣ—20 лева въ годъ (лева—37—38 коп.). Множество освобождается совсѣмъ отъ платы. У насъ почти нѣтъ неграмотныхъ. Въ арміи имѣется ихъ всего около двухъ процентовъ.

— А какъ женщины?

— То же самое.

— Есть высшія женскія школы?

— Университетъ, общій для мужчинъ и женщинъ. Почти всѣ гимназистки идутъ потомъ въ университетъ.

— Когда же ваши женщины успѣли добиться этого права?

— Да имъ не приходилось добиваться. Напротивъ! Министерство народнаго просвѣщенія взяло на себя иниціативу въ дѣлѣ расширенія женскаго образованія, такъ что никакой борьбы за высшее образованіе не было у женщинъ.

И все это въ какія-нибудь 35 лѣтъ!

— Вотъ нашъ народный театръ, находящійся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія...

Большое прекрасное зданіе, хотя невыдержаннаго типа: смѣсь греческаго съ византійскимъ. Ставятся пьесы русскія и болгарскія, по преимуществу, Толстой и Чеховъ, Вазовъ, Словейковъ, Петко Тодоровъ и др.

— Хотѣли ставить вашихъ «Евреевъ», но...

— Но вѣдь у васъ нѣтъ никакой цензуры?

— Нѣтъ, но...

— И нѣтъ еврейскаго вопроса?

— Нѣтъ, но... Наша внутренняя политика всецѣло опредѣляется внѣшней, и дирекція театра бываетъ иногда чрезмѣрно осторожной и дипломатичной... Поняли?

Это была первая лягушка, которую мнѣ пришлось проглотить въ этой славянской Японіи. Конституція прекрасна, но... директоръ дипломатъ...

— А вотъ наши бани! Не были? Совѣтую сходить. Горячіе минеральные источники. Моютъ на два способа: по-европейски и по-турецки...

Зданіе не меньше театра. Въ мавританскомъ вкусѣ. На почетномъ центральномъ мѣстѣ. Побываю и разскажу, какъ чувствуешь себя въ болгарскихъ баняхъ на турецкомъ положеніи...

А теперь надо сходить въ комендантское управленіе, чтобы получить разрѣшеніе на посѣщеніе плѣнныхъ и раненыхъ...

VII.

Сегодня къ премьеръ-министру Гешову... Что-то выйдетъ? Удастся ли мнѣ перескочить тѣ рогатки, которыя поставлены корреспондентамъ на пути въ дѣйствующую армію?..

До шести часовъ вечера много времени. День начинается здѣсь съ семи утра. Рѣшаю заняться посѣщеніемъ плѣнныхъ и раненыхъ. Беру съ собою въ качествѣ переводчика мѣстнаго студента, владѣющаго турецкимъ языкомъ, и мы отправляемся въ артиллерійскія казармы къ туркамъ. Здѣсь есть турецкіе офицеры, 5 человѣкъ, въ числѣ ихъ—подполковникъ. По дорогѣ встрѣчаемъ эмигранта, говорящаго по-англійски и французски. Ура! Теперь мы владѣемъ чуть не всѣми языками! Мы слышали, что турецкіе офицеры не любятъ разговаривать и только англійскимъ корреспондентамъ дѣлаютъ исключеніе. Совѣщаемся и рѣшаемъ, что болгарскій студентъ помѣшаетъ. Эмигрантъ обангличанился во всѣхъ отношеніяхъ, а вотъ я... Нисколько не похожъ я на англичанина.

— Вы молчите, только поматывайте головой и бросайте:—Оуэсъ!

— Отлично!

Офицеры отдѣлены отъ солдатъ. Сперва посылаемъ спросить у нихъ разрѣшенія побесѣдовать. Насъ принимаютъ. Всѣ пятеро легко ранены, только подполковникъ не можетъ ходить и сидитъ въ постели, поджавъ подъ себя ноги, въ шапкѣ съ расшитымъ днищемъ, и тонетъ въ облакахъ дыма. Другіе при нашемъ входѣ поднимаются, впередъ выходитъ тонкій молодой офицерикъ, вѣроятно, поручикъ, съ особенно молодцеватыми и элегантными манерами прекрасно танцующаго поручика, души общества и дамскаго любимца. Прищелкнувъ нога о ногу, онъ привѣтствуетъ насъ особымъ жестомъ здоровой руки (правая на перевязи): къ сердцу, губамъ и лбу, дѣлая это какъ-то быстро и изящно. Спутникъ спрашиваетъ его по-англійски:

— Вы говорите по-англійски?

Лица у всѣхъ офицеровъ озаряются улыбкой удовольствія, а франтъ знакомитъ насъ съ подполковникомъ и товарищами.

— Къ сожалѣнію, такъ плохо, что...

— По-французски?

— Да, да...

И начинается оживленный разговоръ на французскомъ языкѣ. Насъ усаживаютъ около подполковника, остальные окружаютъ тѣснымъ кольцомъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о здоровьѣ, ранахъ, мѣстѣ сраженія, поднимаются вопросы общаго характера:

— Какъ вы объясняете такой ужасный неуспѣхъ вашей арміи?

— Мы только что воевали съ Италіей. Война вспыхнула слишкомъ быстро и рано, солдаты—невѣжественны, половина редифа, отучившагося держать ружье, и 25 процентовъ въ полку—христіанъ.

— Правда ли, что вы ставите христіанъ подъ пули, впередъ, какъ пишутъ газеты?

Общее волненіе, затѣмъ объясненіе подполковника, которому другіе предоставляютъ отвѣчать на всѣ щекотливые вопросы:

— Я, какъ и многіе, раненъ сзади своими солдатами-христіанами. Во время боя, я, обыкновенно, ставилъ христіанъ въ тылъ—обслуживать передовыя позиціи... Бой продолжался до темноты. И вотъ неожиданно передовыя линіи, непосредственно соприкасающіяся съ непріятелемъ, видятъ, что люди падаютъ отъ огня съ фланговъ... Получается впечатлѣніе, что мы обойдены непріятелемъ, начинается паника, которую невозможно остановить, и вотъ... Стрѣляли наши же солдаты-христіане... Быть можетъ, такое именно обстоятельство побуждало иногда начальниковъ ставить христіанъ впередъ, но результаты получались не лучше: христіане либо поднимали бѣлый флагъ, либо выбѣгали впередъ и сдавались, деморализуя духъ остальныхъ солдатъ...

— А скажите, не было ли со стороны воюющихъ сторонъ, съ которой безразлично, проявлено жестокости и вообще тѣхъ эксцессовъ войны, которые извѣстны подъ именемъ «звѣрствъ»?

Общее отрицаніе. Поясненіе подполковника:

— Мы, офицеры, никогда не допускали этихъ звѣрствъ, но вы сами понимаете, что на войнѣ люди возбуждаются и часто теряютъ не только сдержанность, но и самый умъ... Возможно, что отдѣльные солдаты, турки и христіане, вдали отъ офицеровъ и позволяли себѣ безчинства... Звѣрствъ же, какъ обычныхъ явленій, да еще поощряемыхъ, съ нашей стороны не было...

— Вамъ извѣстно, что Чорлу давно пало? Допускаете вы возможность взятія Константинополя союзными войсками?

Сильное волненіе, переглядываніе, почти всѣ смолкаютъ и опускаютъ голову, а подполковникъ, усиленно дымя сигарой, говоритъ:

— Нѣтъ крѣпости, которую нельзя бы было взять... Но, во-первыхъ, за Чорлу слѣдуетъ Чаталджа, одно изъ сильнѣйшихъ укрѣпленій, которое можетъ продержаться очень долго и потребуетъ огромныхъ жертвъ, а во-вторыхъ, даже взятіе Чаталджи не рѣшитъ взятія Константинополя.

— Почему вы такъ думаете?

— Не позволитъ Россія!

Всѣ оживляются и дѣлаютъ утвердительные жесты.

Затѣмъ мы встаемъ и прощаемся. Всѣ насъ провожаютъ жестомъ руки къ сердцу, губамъ и лбу, а франтикъ прищелкиваетъ еще ногами...

Вышли. Опять какъ-то жалко турокъ, жалко этого браваго, похожаго на Тараса Бульбу, подполковника и этого тонкаго изящнаго поручика, такъ граціозно дѣлающаго привѣтственный жестъ рукою... Есть въ нихъ какая-то особенная гордость и сознаніе какого-то тайнаго достоинства... Отъ офицеровъ направляемся къ солдатамъ... Постели, постели, бѣлыя фигуры врачей, сестеръ милосердія, красныхъ крестовъ и вдругъ... пѣніе! Заунывная восточная пѣсенка! Кто же это можетъ пѣть въ такой обстановкѣ? Въ углу, на кровати, сидитъ съ веселыми глазами раненый арабъ и поетъ, а вокругъ тѣснятся выздоравливающіе. Оказывается, что это любимецъ всего медицинскаго персонала, выздоравливающій и помогающій уже наблюдать за чистотой и порядкомъ въ палатѣ. Его всѣ больные побаиваются,—такъ строгъ онъ при исполненіи своихъ новыхъ обязанностей! Здѣсь мы узнаемъ любопытную деталь отъ сестеръ милосердія. Когда впервые привезли раненыхъ турокъ и положили въ палату, они очень боялись, отказывались отъ питья и

пищи, и лишь послѣ того, какъ сестры начинали на ихъ глазахъ пить и ѣсть подаваемое, они съ жадностью утоляли жажду и голодъ... Имъ, туркамъ, говорили тамъ, въ арміи, что не надо сдаваться, потому, что въ плѣну все равно зарѣжутъ или отравятъ, какъ собаку. Теперь они успокоились и такъ благодарны, что цѣлуютъ руки. Это мы видѣли своими глазами. Когда мы проходили съ докторомъ межъ кроватями раненыхъ (докторъ говорилъ по-турецки), одинъ изъ больныхъ жалобно запищалъ и, высвободивъ изъ-подъ одѣяла руку, поманилъ врача. Мы пріостановились. Врачъ раскрылъ одѣяло, разстегнулъ рубаху и осмотрѣлъ рану: въ грудь навылетъ, отъ праваго соска къ спинѣ, наклонно книзу. Что-то ласково сказалъ врачъ по-турецки, погладилъ по головѣ больного, а тотъ схватилъ руку врача и прижалъ къ своимъ запекшимся губамъ...

— Что вы ему сказали?—спросилъ я, когда мы отошли отъ раненаго.

— Не умрешь! Вылечу!.. А онъ едва ли проживетъ завтрашній день... Высокая температура. Слишкомъ долго оставался безъ помощи, да и рана жестокая. Наша пуля не такъ гуманна, какъ турецкая.

— Въ чемъ же разница?

— У нашей тупой конецъ, а у турецкой очень острый. Часто турецкая пуля бьетъ навылетъ и оставляетъ столь узкое отверстіе, что нарушенныя ткани быстро приходятъ въ нормальное положеніе, кровоизліяніе быстро пріостанавливается, и больной очень скоро поправляется; затѣмъ турецкая пуля, выбирая линію наименьшаго сопротивленія, легко отклоняется при встрѣчѣ съ костью, и часто бываютъ случаи, когда пуля, попавъ въ голову, скользитъ по черепу подъ кожей. А наша пуля... Вотъ неугодно ли? На память! Сегодня вынулъ изъ турка...

И докторъ подалъ мнѣ пулю изъ турка... Я какъ-то машинально взялъ ее, поблагодарилъ за подарокъ, взглянулъ—и тонкій холодокъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу: показалось, что на пулѣ остались слѣды человѣческой крови... Торопливо сунулъ я подарокъ въ карманъ жилетки и потомъ самъ удивлялся, зачѣмъ я взялъ ее, и, случайно натыкаясь на нее пальцами, вздрагивалъ... Стоны, слабые, глухіе, словно изъ-подполья, наполняли палаты, и на бѣломъ фонѣ постелей рѣзко выступали измученныя темныя лица съ неподвижно устремленными въ одну точку черными, сверкающими лихорадочнымъ огнемъ, глазами...

— А у этого раздроблены тазобедренныя кости... Осколками гранаты... Самая мучительная рана, и операція очень трудная...

Что-то сказалъ по-турецки докторъ раненому, остановившись около постели, и тотъ поднялъ на меня умоляющій взглядъ: не принялъ ли онъ меня за самаго главнаго и искуснаго доктора, который лучше и скорѣе облегчитъ его страданія?

Тяжело и какъ-то совѣстно... Неожиданно палата оглашается громкимъ стукомъ и затѣмъ плачемъ... Что случилось? Упалъ кирпичъ, привязанный для вытяженія ноги у одного изъ больныхъ... Какой странный плачъ: словно маленькій ребенокъ, чѣмъ-то обиженный...

— Благодарю, докторъ... Надо посѣтить плѣнныхъ...

— До свиданія!

Когда мы вышли на улицу, здѣсь толпилось очень много народа, и солдаты тщетно разгоняли любопытныхъ. Что тутъ случилось?.. Изъ обыкновеннаго трамвайнаго вагона вытаскивали койки съ ранеными. Въ двери онѣ не пролѣзали, а потому приходилось дѣлать это черезъ окна. Необычайное зрѣлище! Казалось, что трамвай привезъ съ кладбища мертвецовъ въ саванахъ.

Носилки съ низкими ножками, ихъ съ трудомъ протаскивали черезъ окна и ставили рядкомъ на землю, грязную отъ дождей, жидкую и липкую... Пришелъ еще вагонъ съ военными трофеями... Опять стонъ, короткіе отрывистые крики отъ боли... и только по этому убѣждаешься, что это не мертвецы. Лучше не смотрѣть...

— Идемте, господа, къ плѣннымъ!

У плѣнныхъ. На полу солома или соломенные тюфяки и въ облакахъ табачнаго дыма сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, турки, грязные, ободранные, въ красныхъ и сѣрыхъ фескахъ. Въ коридорахъ бреютъ головы другъ другу, сбиваются въ группы, шумно разговариваютъ, на дворѣ стираютъ рубахи, оставаясь полуобнаженными; у всѣхъ по одной-единственной рубахѣ! Начинаемъ разговоры. Почти одинъ отвѣтъ: почему война—не знаютъ, имъ говорили, что будутъ только маневры, жалуются на офицеровъ—убѣгаютъ первыми. Почему такая неудача? Солдаты или офицеры виноваты? Образный отвѣтъ одного турка-остряка, вызвавшій одобреніе окружающихъ:

— Рыба съ головы тухнетъ!

Затѣмъ указываютъ на численное превосходство непріятеля въ сраженіяхъ, жалуются на пушки, совершенно индифферентно относятся къ судьбѣ отечества...

Душно, все прокурено насквозь. Хочется поскорѣе на чистый воздухъ...

Приближается время визита къ премьеръ-министру... Обѣдъ пропущенъ: здѣсь всѣ обѣдаютъ отъ двѣнадцати до двухъ, позднѣе нигдѣ ничего не получишь. А ѣсть страшно хочется... Заходимъ въ «млѣкарницу» и ѣдимъ «кисло млѣко»—очень распространенную здѣсь мечниковскую сыворотку... Поѣли и все-таки не насытились:

— Развѣ наѣшься бациллами?

Напитавшись бациллами, облекаюсь въ лучшія

одежды и отправляюсь въ совѣтъ министровъ, гдѣ мнѣ назначено свиданіе. Подаю карточку и сейчасъ же:

— Господине Чириковъ!

Небольшая пріемная комната съ большимъ, похожимъ на нашъ столовый, столомъ. Очень просто и ничто не напоминаетъ о нашихъ департаментахъ и канцеляріяхъ. Точно пришелъ въ частную квартиру. Не успѣлъ осмотрѣться, какъ появился премьеръ-министръ и, словно давно знакомый, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ съ вами познакомиться. Садитесь, пожалуйста... Только напередъ извиняюсь: у насъ теперь такъ много заботъ и дѣла, что я на этотъ разъ могу удѣлить на пріятную для меня бесѣду съ вами очень немного времени...

Объясняю, въ чемъ дѣло, подаю письмо нашего посланника.

— Я готовъ для васъ сдѣлать все, что смогу. Пріемъ военныхъ корреспондентовъ давно прекращенъ, но для русскаго писателя, думаю, удастся добиться исключенія. Я лично снесусь съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи и надѣюсь, что ваше желаніе будетъ исполнено. На это потребуется дня два. Скажите вашъ адресъ я немедленно по полученіи разрѣшенія васъ увѣдомлю.

Затѣмъ посмотрѣлъ на часы:

— У насъ еще осталось семь минутъ,—сказалъ онъ и завелъ рѣчь о русской литературѣ и болгарской, о Россіи и освобожденіи Болгаріи.

Въ оставшіяся семь минутъ мы успѣли поговорить и о войнѣ, и о грядущихъ результатахъ ея.

Снова взглядъ на часы—и:

— Очень сожалѣю, что приходится оборвать интересную бесѣду. Постараюсь исполнить вашу просьбу, но долженъ сказать, что разрѣшеніе вопроса всецѣло въ

рукахъ штаба, отъ котораго я долженъ получить для васъ согласіе...

Въ десять минутъ все кончено! Я весело шелъ по улицѣ и снова удивлялся, какъ здѣсь все просто и хорошо!

VIII.

Вотъ уже три дня, какъ я жду разрѣшенія ѣхать въ главную квартиру. Нетерпѣніе разростается. По привычкѣ русскаго жителя все боюсь, что про меня забудутъ: вѣдь у насъ въ разныхъ сферахъ сказать просителю: «Постараюсь сдѣлать все возможное!»—совершенно ни къ чему не обязываетъ и частенько бываетъ плохимъ предзнаменованіемъ. У насъ эта фраза очень подозрительна... и ею отдѣлываются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе знаютъ, что ровно ничего не сдѣлаютъ, когда не имѣютъ никакой охоты сдѣлать... Какъ же быть? Горячусь, совѣтуюсь съ болгарскими интеллигентами. Всѣ въ одинъ голосъ твердятъ:

— Разъ премьеръ такъ сказалъ, значитъ хочетъ сдѣлать и сдѣлаетъ!

— Но почему же такъ долго?

— Сносится съ главной квартирой, а событія развиваются съ такой быстротой, что главная квартира, вѣроятно, передвигается...

— А гдѣ она въ данную минуту?

— Намъ, простымъ смертнымъ, это неизвѣстно. Въ газетахъ не печатаютъ такихъ вещей.

— Но вѣдь такъ можетъ и война кончиться, а я буду ждать!

— Главное — не нервничайте! Какіе вы, русскіе, нервные...

Это правда: въ этомъ отношеніи мы куда уступаемъ

болгарамъ: тѣ энергичны, настойчивы, съ непочатымъ запасомъ волевой энергіи. Во многомъ они напоминаютъ нашихъ финляндцевъ, только темпераментнѣе ихъ и жизнерадостнѣе... Надо ждать... Живу, захваченный общей корреспондентской волною. Бывать въ опредѣленные часы дня въ бюро, въ русской книжарницѣ, въ кофейнѣ «България», въ ресторанѣ «Панахъ» успѣло уже войти въ привычку. Здѣсь повидаешься со всѣми, узнаешь самыя горячія военныя новости, слухи и сплетни международнаго характера, поговоришь до-сыта по-русски и побесѣдуешь съ болгарской интеллигенціей... Есть какая-то душевная трещинка у прогрессивнаго болгарскаго интеллигента по отношенію къ русскому. Не то обида какая-то, не то гордость, какіе-то упреки, остроты...

— Вы не понимаете нашей трагедіи! Гдѣ вамъ заниматься нами и нашей душой! Почему вы никогда не заглядывали въ Болгарію? Она васъ не интересовала? Только теперь мы обратили на себя ваше благосклонное вниманіе! Все были «братушки»?

— Во-первыхъ, моя родина такъ велика и разнообразна, что я до сихъ поръ и ее-то не всю знаю и видѣлъ, а во-вторыхъ,—у насъ дома такая неразбериха, что простительно заняться и отдавать вниманіе пока только своимъ домашнимъ дѣламъ...

— Однако, ваши «правые» находятъ же время и возможность удѣлять намъ очень много вниманія...

Вмѣшивается другой собесѣдникъ:

— Неправда... У васъ находится время для всѣхъ иностранныхъ дѣлъ, иностранной литературы, поѣздокъ и поддержанія связей... Мы очень желали другого общества, чѣмъ ваши Черепъ-Спиридовичи!

Я поднимаю вопросъ объ отношеніи прогрессивной болгарской интеллигенціи къ своему правительству, и

здѣсь получается какой-то диссонансъ... Не буду приводить подробностей—онѣ неудобны для обѣихъ сторонъ да и для газеты... Долженъ, однако, замѣтить, что говорятъ здѣсь въ публичныхъ мѣстахъ поразительно свободно!

— Развѣ у васъ нѣтъ охраннаго отдѣленія?

Хохочутъ.

— У насъ за это штрафъ по суду... И очень небольшой! А они судиться не особенно любятъ...

Разсказываютъ такіе анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонамъ и все жду, что вотъ-вотъ сейчасъ подскочитъ господинъ среднихъ лѣтъ и скажетъ:

— Пожалуйте!

Однако, никто не обращаетъ вниманія, и никому нѣтъ дѣла до нашихъ разговоровъ.

Чудная погода. Похоже на нашъ августъ. Ярко свѣтитъ солнышко, весело смотритъ улица, съ домами по преимуществу свѣтложелтаго цвѣта и съ такой же желтой мостовой изъ ровныхъ каменныхъ плитокъ, солнышко золотитъ дома и каменный паркетъ мостовыхъ, бѣгутъ и кричатъ мальчики, продающіе газеты, тянется обозъ изъ длиннаго ряда высокихъ телѣгъ, запряженныхъ парами быковъ—перевозятъ на вокзалъ ящики со шрапнелями, суетно, радостно,—и вдругъ... Что это за процессія? Кого-то хоронятъ... Впереди, на извозчикѣ—крышка гроба, на слѣдующихъ дрожкахъ два священника, съ высокимъ распятіемъ, на которомъ надѣтъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а дальше небольшой катафалкъ съ золотистымъ гробомъ, толпа людей... На гробѣ—офицерская фуражка... И никто не плачетъ!

— Должно быть, раненый и скончавшійся офицеръ?

— Да. Умеръ послѣ двухъ операцій..

Только что провезли шрапнели, а теперь гробъ съ военной фуражкой... Ни солдатъ, ни музыки, ни бараба-

на. Спрашиваю, почему хоронятъ безъ военныхъ почестей?

— Всѣ солдаты на войнѣ, и музыка тамъ же... И некогда. Почтимъ послѣ.

Опять потянуло къ раненымъ. Отправился къ болгарамъ въ военное училище, приспособленное подъ лазаретъ. Огромное зданіе съ лабиринтами коридоровъ, украшенныхъ по стѣнамъ всевозможными видами оружія, типами ружей и пуль, штыковъ, сабель... А рядомъ—наглядные образцы тѣхъ ранъ, которыя наносятся разнаго рода оружіемъ. Здѣсь ухаживаютъ за ранеными дамы и дѣвушки изъ мѣстнаго наиболѣе культурнаго общества, здѣсь вообще чище и комфортабельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Чешскій красный крестъ.

Все то же: постели, постели, постели. Но покои такъ велики, что похоже на улицы изъ постелей. Здѣсь сестры милосердія останавливаютъ мое вниманіе на нѣкоторыхъ солдатахъ...

— Это, русскій, пришелъ навѣстить васъ. Разскажика (имя), какъ случилось съ тобой!—проситъ сестра молодого обезображеннаго больного, у котораго вырванъ осколкомъ гранаты глазъ, исковерканъ носъ, и ранена шея.—Думали, умретъ, а онъ не умеръ и поправляется.

Гнусавымъ голосомъ, но весело, солдатъ начинаетъ разсказывать: въ бою подъ Люле-Бургасомъ ихъ рота попала подъ сильный огонь и мало кто остался живъ. Здѣсь раненъ и онъ. Не помнитъ, какъ ранили.

— Очнулся и ничего не вижу, силы мало, не могу подняться. Сталъ звать своихъ, слышу гдѣ стонутъ, а гдѣ тихо говорятъ... А не вижу. Положилъ руку на лицо и такъ стало больно, что заплакалъ. А потомъ слышу—идутъ... Не знай—свои, не знай—турки. Хотѣлъ притвориться мертвымъ... Вдругъ слышу,—остановился надо мной, а кто—не знаю. Можетъ, турокъ, тогда конецъ...

Страшно было. А потомъ слышу, наклонился надо мной и говоритъ... Нашъ.—«Сейчасъ придутъ турки... Кто не можетъ итти, лучше самому себя кончить...»—И ушелъ... Что мнѣ дѣлать? Хотѣлъ встать, силы нѣтъ. Не вижу... Вотъ я рукой кругомъ себя щупаю, нащупалъ ружье, хотѣлъ застрѣлиться—не могу... Насилу снялъ съ ружья ножъ (штыкъ, онъ у болгаръ острый, похожъ на клинокъ большого кинжала), и себѣ въ горло его... И потерялъ силу, ничего дальше не помню. Проснулся ужъ на перевязочномъ пунктѣ...

— А были, которые сами себя кончили?

— Не знаю. Вѣрно, были...

Такъ просто разсказываетъ исковерканный человѣкъ всю эту кошмарную исторію, отъ которой мурашки бѣгали у меня по тѣлу, сестра называетъ его героемъ, а онъ, видимо, совершенно не чувствуетъ своего героизма...

— Есть еще одинъ интересный... У насъ почти нѣтъ случаевъ психическаго разстройства. Это, кажется, единственный. Что съ тобой (имя)?

— Напугался, сестрица...

— Чего же ты испугался?

— Ахъ, ты не знаешь, какъ было страшно!—отвѣчаетъ больной укоризненно.—Когда были за горкой—ничего, всѣ вмѣстѣ, а потомъ стало темно и мы вышли въ пусто поле (пустое поле)... Пусто поле!.. Знаешь, это такъ страшно, такъ страшно... Ты и понять не можешь... Понимаешь: пусто поле!

Это «пусто поле» и дрожащій голосъ, ужасъ во взорѣ производили ужасное впечатлѣніе. Самому становилось страшно... А на ближайшихъ постеляхъ товарищи смѣялись слабымъ смѣхомъ:

— Испугался пустого поля! Э, слабый! На печкѣ сидѣть...

По ночамъ къ этому испуганному больному возвращается пережитый ужасъ. Ночь и тишина наводятъ на него такой страхъ, что онъ кричитъ сестру, хватаетъ ее за руки и не отпускаетъ...

— Пусто поле... Пусто поле—тихо шепчетъ онъ и весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.

Никакія раны и уродства, которыя пришлось видѣть въ палаткахъ съ ранеными, не передавали мнѣ такъ непосредственно ужасъ войны, какъ этотъ испуганный пустымъ полемъ человѣкъ! Я близко коснулся душою этого ужаса...

Среди раненыхъ много отлично говорящихъ по-русски: жили на югѣ Россіи въ качествѣ огородниковъ и садовниковъ. Эти съ какой-то радостью встрѣчаютъ русскаго и говорятъ о Россіи. Среди нихъ одинъ особенно восторженно вспоминалъ Екатеринославъ:

— Екатеринославъ знаете?

— Знаю, знаю... Былъ тамъ...

— Какъ кончится война, опять туда поѣду... Одной руки нѣтъ, но какъ-нибудь справлюсь.... Тамъ очень хорошо! Тамъ...

— Кто-нибудь тамъ есть у васъ изъ родныхъ?

— Родныхъ нѣтъ, а...

Лицо озаряется радостной улыбкой, и нетрудно догадаться, почему такъ любитъ молоденькій болгарскій солдатикъ Екатеринославъ: тамъ у него осталась русская зазнобушка...

— Не женатый?

— Нѣтъ еще... Думалъ, а тутъ война...

Вздохнулъ, посмотрѣлъ на остатокъ лѣвой руки и сдѣлался вдругъ грустнымъ-грустнымъ...

— Я видѣлъ человѣка, у котораго не настоящая нога, а сдѣлана. И не узнаешь... Можетъ, и руку сдѣлаютъ...

— Сдѣлаютъ, сдѣлаютъ! А какъ это случилось?

— Подъ Люле-Бургасомъ... Шли полемъ, а турки стрѣляли шрапнелью... И нѣтъ никого, не видать! Кабы видно было живого человѣка, а его не видать... Только то тутъ, то тамъ рвется она, проклятая...

— Страшно?..

— Кабы видно было человѣка, а то не видно... Легче, когда видишь врага... А то кругомъ никого нѣтъ, а люди валятся... Днемъ идемъ дальше другъ отъ друга, а ночью гдѣ подъ горкой сожмемся... Если рядомъ человѣкъ— легче. Сожмемся спинами-то...

— Ну, а какъ же тебя ранило-то?

— Ударила, видно, близко... Не знаю какъ... Упалъ и больше ничего не помню... А опомнился, поглядѣлъ, гдѣ больно, а рука-то болтается... А все чудится, что она есть, другой разъ забудешь... Будто и пальцы есть... Даже не повѣришь и поглядишь...

Вечеромъ встрѣтилъ въ одномъ болгарско-русскомъ семействѣ только-что выписавшагося раненаго офицера. Образецъ гуманнаго пораненія: пуля попала въ верхнюю правую часть носа и прошла навылетъ подъ лѣвымъ ухомъ. Никакихъ послѣдствій! Только небольшая часть щеки потеряла чувствительность, да два пятнышка, гдѣ были входное и выходное отверстія пули:

— Тука влазъ, а тука излазъ!

Офицеръ изъ запаса, очень культурный и образованный человѣкъ, заграничный юристъ по образованію, изъ лѣвыхъ. Меня интересовало, какъ переживаетъ сраженіе такой человѣкъ.

— Не испытывалъ страха... Идешь, какъ автоматъ, а къ картечи, пулямъ и пушечному гулу до того привыкаешь, что перестаешь думать объ опасности... Ничего героическаго не видишь и не испытываешь... Никакой поэзіи, одна проза, и только штыковой бой увлекаетъ и сливаетъ тебя съ общей массой...

Когда не видишь непріятеля, а слышишь работающіе пулеметы, это какъ-то раздражаетъ... Только раздражаетъ. Когда меня ранило и я опомнился и понялъ, что рана скверная, я подумалъ:

— Должно быть, умру...

Лежу и жду... И думаю еще:

— Вотъ и смерть, почему же мнѣ въ голову не приходитъ никакихъ значительныхъ мыслей? И нисколько не страшно умирать... Время идетъ, а я не умираю... Сѣлъ, досталъ бинтъ и самъ сдѣлалъ себѣ перевязку... Было уже темно... Потомъ всталъ и пошелъ искать перевязочный пунктъ... Блуждалъ въ темнотѣ часовъ пять и когда нашелъ пунктъ, прежде всего захотѣлось выпить коньяку. Выпилъ и почувствовалъ большую слабость, вѣроятно, отъ потери крови...

Заговорили о жестокостяхъ и звѣрствахъ.

— Лично я не испытывалъ никакой злобы и звѣрскихъ инстинктовъ, но видѣлъ, что почва для этого есть у большинства людей. Война вообще жестокая вещь и трудно дружитъ съ гуманностью. Думаю, что часто чувство самосохраненія является безсознательнымъ импульсомъ жестокихъ инстинктовъ... Наша война исключительная: сошлись два исконныхъ историческихъ врага... Когда, на первыхъ порахъ, за недостаткомъ оборудованныхъ лазаретовъ, раненыхъ турокъ попробовали помѣстить вмѣстѣ съ болгарами, наши солдаты отказались лежать съ врагами въ одной комнатѣ... Вѣдь помимо исторической вражды, успѣвшей всосаться въ плоть и кровь съ материнскимъ молокомъ, наши дѣти со школьной скамьи въ теченіе долгихъ лѣтъ уже воспитывались на мечтѣ объ окончательномъ счетѣ съ вѣковѣчнымъ врагомъ, а въ нашей солдатской памяткѣ на первомъ мѣстѣ значится:—Кто твой первый врагъ?—Турокъ!

— А какъ у васъ отношенія съ солдатами?

— Наши отношенія совершенно товарищескія.

— Не страдаетъ отъ этого дисциплина?

— Нисколько!

Въ товарищескихъ отношеніяхъ я могъ убѣдиться въ тотъ же день: былъ на вокзалѣ и сдѣлался свидѣтелемъ такой сцены: стоитъ солдатъ и куритъ, проходитъ офицеръ, солдатъ не пугается, а вынувъ папиросу, обмѣнивается съ офицеромъ отданіемъ чести, затѣмъ снова куритъ... Къ моему удивленію, офицеръ подходитъ къ солдату и они здороваются за руку и говорятъ. И солдатъ вовсе не ѣстъ глазами начальства, а говоритъ самымъ обыкновеннымъ человѣческимъ способомъ.

— Почему намъ такъ трудно понять это?

Здѣсь всѣ грамотные и болѣе развитые. У турокъ, напримѣръ, какъ только выбываетъ офицеръ,—солдаты совершенно теряются, а у нихъ этого нѣтъ... Здѣсь умѣютъ цѣнить дѣлового офицера и онъ имѣетъ возможность выдвинуться безъ всякихъ протекцій...

На улицѣ встрѣтилъ своего спутника, русскаго героя, который такъ часто и громко разсказывалъ въ вагонѣ о томъ, что завтра же онъ переодѣвается въ болгарскую форму и ѣдетъ на передовыя позиціи... Все въ той же формѣ!

— Здравствуйте! Не уѣхали на позиціи?

— Да все задержки... Тормозятъ... Вообще меня начинаетъ раздражать такое отношеніе... А вы?..

— Пока еще жду разрѣшенія...

— Возмутительно...

Не хотятъ дать свершить героическій подвигъ...

Прихожу домой и мнѣ сообщаютъ:

— Вамъ письмо отъ министра!

Съ трепетомъ разрываю конвертъ и нахожу незапечатанное письмо премьеръ-министра въ главную

квартиру дѣйствующей арміи, къ начальнику штаба, генералу Фичеву... Очень счастливъ! Премьеръ даетъ такую рекомендацію, которая дастъ мнѣ возможность, не въ качествѣ очень ограниченнаго въ передвиженіяхъ военнаго корреспондента, а въ качествѣ русскаго писателя поближе подойти къ ужасамъ и картинамъ войны...

Теперь надо къ коменданту за пропускомъ для себя и секретаря-переводчика...

X.

Сидимъ на границахъ Турціи, въ Кизиль-Агачѣ, ждемъ благопріятнаго случая. Центромъ нашей жизни дѣлается маленькая, грязная корчма: единственный пунктъ скуднаго питанія. Всѣхъ насъ ѣдетъ человѣкъ двадцать пять: все больше устроители новой жизни въ завоеванныхъ областяхъ—околійскій начальникъ (нашъ исправникъ), чиновникъ министерства финансовъ, молодые телеграфисты и желѣзнодорожники, студентъ-болгаринъ изъ Петербурга...

На первыхъ порахъ всѣ мы держимся одной дружной семьей: общая горькая участь сближаетъ насъ. Околійскій начальникъ и чиновникъ министерства финансовъ ведутъ съ нами разговоры каждый по своему вѣдомству. Интересуюсь, какъ это можно сразу перевести жителей бывшей турецкой имперіи на новое, совершенно незнакомое имъ управленіе?

— Какое же въ турецкой имперіи управленіе? Одна палка, выколачивающая изъ населенія деньги! Ни школъ, ни дорогъ, ни медицины, ни кредитныхъ учрежденій... Турецкая армія сплошь безграмотная. Грамотны у нихъ только офицеры, да и то большинство изъ нихъ съ грѣхомъ пополамъ. Обдирали они народъ немилосердно и ничего не давали ему. Вотъ примѣрный расчетъ на-

логовъ на каждаго христіанскаго подданнаго, чуть ли не съ 16-лѣтняго возраста: подушная — 40 лева, или 15 рублей, сборъ съ домашняго скота—съ овцы—60 коп. (въ Болгаріи—около 23 коп.), и съ быка—75 коп. (въ Болгаріи нѣтъ), со свиньи—60 коп. (въ Болгаріи нѣтъ), съ пчелинаго улья—75 коп. (въ Болгаріи нѣтъ), съ пшеницы и кукурузы—десять процентовъ со сбора, причемъ спеціальные чиновники, опредѣляющіе эти проценты, страшно злоупотребляютъ при опрѣделеніи сбора и процентовъ; до опредѣленія сбора житель не имѣетъ права тронуть хлѣба, и это окончательно закабаляетъ крестьянина.—Съ винограда—десять процентовъ съ рыночной оцѣнки всего урожая, гдѣ у чиновника тоже полный просторъ для злоупотребленій. Общая воинская повинность для христіанскаго населенія дѣлаетъ исключеніе: они могутъ откупаться отъ солдатчины путемъ болѣе или менѣе солидныхъ взятокъ... Турецкіе суды для христіанскаго населенія давно уже—одна насмѣшка надъ правосудіемъ: здѣсь берутъ и съ праваго, и съ виноватаго... При такомъ положеніи управленія, населеніе принимаетъ новую реформу съ величайшей радостью, какъ избавленіе отъ крѣпостного состоянія...

Чиновникъ министерства финансовъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей по организаціи кооперативныхъ союзовъ—забрасываетъ насъ цифрами и фактами, свидѣтельствующими объ успѣхахъ кооперативнаго движенія, находящаго въ правительствѣ главнаго своего доброжелателя. Широкій кредитъ, страхованіе отъ градобитій, пожаровъ, раціональное хозяйство, высокая культура хлѣбовъ, особенно въ сѣверной Болгаріи.

Почтовые, телеграфные и желѣзнодорожные служащіе гордятся своими профессіональными союзами, и въ большинствѣ—соціалъ-демократы. Оказывается, что и у нихъ есть свои большевики и меньшевики...

Всѣ спѣшатъ познакомить насъ съ культурными успѣхами родины, и я начинаю испытывать что-то вродѣ зависти...

Вечеромъ узнаемъ пріятную, хотя и неожиданную новость:

— Братушка! Утре ште пристигне воловитѣ!

Наконецъ-то! Завтра приходятъ волы, желанные волы, на которыхъ мы поѣдемъ въ Лозенградъ (Киркилиссе), гдѣ находится главная квартира... Общее ликованіе, подъемъ упавшаго духа.

— А когда мы попадемъ въ Лозенградъ?

— На четвертыя денъ!

— О, Господи! Нельзя ли найти лошадей?

— Нѣтъ. Да теперь на лошадяхъ и невозможно: дожди и обозы такъ испортили дороги, что и буйволы-то часто падаютъ. До границы еще есть дороги, а тамъ, дальше, и дорогъ не будетъ! Онѣ проложены первой арміей и обозомъ ея. Верхомъ можно, но не найдете лошади ни за какія деньги...

На ночь расходимся по мѣстнымъ жителямъ, несущимъ безъ всякаго ропота свою обязанность давать пріютъ проѣзжающимъ и проходящимъ. Утромъ, чуть-свѣтъ, мы уже въ сборѣ—около комендантскаго управленія... Утро мягкое, теплое, но сѣрое.

Вотъ они, наши волы! Лежатъ на загрязненной навозомъ площади и флегматично жуютъ соломенную требуху. Сильное, но покорное, животное, не внушающее, однако, сожалѣнія. Есть буйволы съ красиво загнутыми и изогнутыми рогами, огромными ушами, на хвостахъ кисточки,—въ нихъ осталось еще что-то внушительно-дикое, а есть волы, въ которыхъ ничего дикаго нѣтъ, а одно глупое смиреніе и почтительность... А вонъ и наши экипажи! Огромныя, гробоподобныя телѣги съ куполами изъ камышевыхъ рогожъ. Колеса громаднѣй-

шія, и вся телѣга, вообще, поражаетъ своей тяжеловѣсностью и несуразностью. Всѣхъ девять телѣгъ...

— Хайде! Хайде!—покрикиваютъ возницы, потыкивая скотовъ острыми палками, и тѣ нехотя и лѣниво поднимаются на ноги. Покорно суютъ они свои головы въ ярмо, и черезъ нѣсколько минутъ нашъ поѣздъ готовъ. Прощаемся съ комендантомъ и разсаживаемся. Грязища около города непролазная. Хотѣлось бы пройтись, да страшно: увязнешь.

— Хайде! Хайде!

Колыхнулись телѣги и медленно поползъ нашъ караванъ, сопровождаемый ратникомъ ополченія, шагающимъ впереди съ ружьемъ на плечѣ. Пріятное ощущеніе!

Такъ надоѣло сидѣть въ Кизилъ-Агачѣ, что теперь даже и такое передвиженіе, черепашьимъ шагомъ, заставляетъ улыбаться отъ удовольствія. Словно плывешь по бурному морю: тряски нѣтъ никакой, но все время качаетъ, какъ на волнахъ. Прошло съ полчаса, мы вползли на гору,—оглядываюсь и удивляюсь: отъѣхали отъ города меньше, чѣмъ на версту. Въ нашей телѣгѣ четверо: я, мой секретарь-переводчикъ, чиновникъ мининистерства финансовъ и отставной унтеръ съ медалями, отправляющійся добровольцемъ подъ Чаталджу. Народъ подобрался веселый, разговорчивый. Неизмѣнно около нашего воза шагаетъ и ополченецъ съ ружьемъ. Онъ похожъ на нашего бывалаго солдатика и проявляетъ большое желаніе поболтать. Но бѣда въ томъ, что онъ не говоритъ по-русски, и, когда я не понимаю его, впадаетъ въ отчаяніе и бросаетъ на совершенно чистомъ нашемъ великорусскомъ языкѣ хлесткое скверное ругательство!

— Гдѣ ты выучился такъ великолѣпно ругаться?

При помощи переводчика узнаю: былъ мальчикомъ во время русско-турецкой войны и научился у русскихъ

солдатъ только ругаться... Всѣмъ народамъ на землѣ нравится наша изобрѣтательность по этой части!

Слава Богу, грязищу проѣхали. Почва стала тверже, попадаются камни, широкая дорога блеститъ, словно безчисленные слѣды колесъ покрыты лакомъ. Зеленѣютъ озими, синѣютъ далекія, похожія на глыбы льда, горы, желтѣютъ неопавшими листьями низкорослые дубки и кустики... То въ гору, то подъ гору... Словно здѣсь земля была океаномъ и застыла въ минуту какого-то гигантскаго волненія... Мѣстами высятся высокими грядками каменные хаосы. Словно ихъ кто-то нарочито укладывалъ... Играли въ камешки великаны-дѣти...

Надоѣло качаться. Всѣ слѣзли и пошли... И было такъ хорошо и пріятно итти, что не хотѣлось больше залѣзать въ колымагу... Часа черезъ два мы услыхали впервые далекій гулъ, похожій на раскаты отдаленнаго грома...

— Господа! Слышите?

— Да.

— Это канонада въ Одринѣ (Адріанополѣ)...

Пріостановились и замерли. Раскаты грома повторялись съ правильной ритмичностью... Я вслушивался, вперялъ взоръ въ ту сторону, откуда приносилъ вѣтерокъ громовые раскаты, и испытывалъ какое-то трепетное волненіе. Трудно передать это ощущеніе. Мнѣ часто приходилось слышать орудійную стрѣльбу нашихъ военныхъ судовъ въ Финскомъ заливѣ, теперь было то же и даже дальше, и не такъ отчетливо звучали удары, но тогда этотъ грохотъ звучалъ только въ ушахъ, а теперь—въ сердцѣ. Вѣдь теперь каждый такой раскатъ грома несъ съ собой смерть, теперь каждый доносившійся грохотъ, быть можетъ, подавалъ вѣсть о гибели многихъ людей... Не потому ли такъ волновали и отдавались въ моемъ сердцѣ эти далекіе громы?

Что такое? Выстрѣлъ! Почти рядомъ... Другой. Еще, еще... Словно пулеметъ... А, это открыли стрѣльбу наши спутники... У насъ съ секретаремъ тоже есть револьверы: вынимаемъ и даемъ отвѣтные выстрѣлы ушедшимъ впередъ спутникамъ... Однако, мы довольно-таки внушительная сила! Не меньше двадцати револьверовъ.

— Почему всѣ съ револьверами?

— Поѣдемъ по бывшей Турціи: теперь не слышно, а раньше бывали встрѣчи съ турецкими солдатами, отставшими и прячущимися въ опустѣвшихъ деревняхъ...

Быстро темнѣетъ. Только пять часовъ, а уже сумерки сгущаются и начинаютъ прятать горизонты, затушевывать контуры. Мы идемъ, растянувшись въ длинную линію, лѣсомъ и стараемся не отставать другъ отъ друга... Позади заунывно скрипятъ наши телѣги и слышатся окрики:

— О-оо! Хайде! Хайде!

Устали быки. Передъ каждой горой встаютъ и отдыхаютъ, и все труднѣе сдвинуть ихъ съ мѣста. Необходимъ привалъ.

Въ лѣсу, низкорослomъ дубнякѣ, горятъ безчисленные огни. Словно свѣтляки. Это отдыхаетъ огромный военный обозъ. Пока поятъ и кормятъ воловъ, мы разжигаемъ огромный костеръ и кипятимъ въ чайникахъ воду (здѣсь близко родникъ)... Взаимно угощаемъ другъ друга. А въ темнотѣ все еще гудятъ раскаты грома, теперь уже звучащіе такъ внушительно, что невольно перестаешь разговаривать. Прогудитъ громъ и потомъ долго земля недовольно ворчитъ, словно сердится. А въ небесахъ мирно теплятся звѣзды, и луна стелетъ по лѣсу серебристую паутину... Ровно въ шесть часовъ гулъ прекратился и наступило такое безмолвіе, что стало слышно, какъ лежащіе буйволы жуютъ солому...

Унтеръ ушелъ впередъ, чтобы устроить намъ ночлегъ въ пограничной деревнѣ Гулѣмъ-Дервентъ (Большая деревня). Съ трудомъ возницы поднимаютъ быковъ, и снова:

— Хайде! Хайде!

И опять жалобный скрипъ телѣгъ, перекликаніе провожатыхъ, частыя остановки всего обоза. Попытались было сѣсть въ телѣги, но скоро вылѣзли: волы не согласны. Такъ и дошли до Гулѣмъ-Дервентъ пѣшкомъ. Было очень пріятно, когда въ темнотѣ прозвучалъ первый собачій лай, и еще пріятнѣе, когда мы вступили въ самую деревню и увидали на горкѣ первый огонекъ. Онъ былъ, впрочемъ, единственнымъ, и потому всѣ мы потянули на этотъ огонекъ. Это была изба кмета, явочное мѣсто проѣзжающихъ. Отсюда насъ развели группами по избамъ. Наша телѣга попала въ одну избу. Нашъ унтеръ оказался очень предупредительнымъ: придя въ деревню двумя часами раньше насъ, онъ успѣлъ отыскать и сварить намъ свиную требуху. Ѣли все, безъ разбора. Столовъ здѣсь не полагается. Ѣдятъ, усѣвшись вокругъ большого деревяннаго блюда по-турецки, ибо стульевъ тоже не имѣется. Спали на полу вповалку, на предназначенныхъ для этого домотканныхъ половикахъ, поверхъ камышевыхъ цыновокъ. Плохо спалось мнѣ въ эту ночь. Часа въ три ночи въ маленькомъ окошкѣ блеснулъ серебряный мечъ и на мгновеніе освѣтилъ наше логово...

— Что такое?

Грохотъ орудійнаго грома отвѣтилъ на мой вопросъ: это въ Одринѣ враги нащупываютъ другъ друга прожекторами... Какъ тутъ спать? Невозможно! Повскакали съ мѣстъ, накинули на себя верхнее платье и высыпали на дворъ смотрѣть и слушать... Время отъ времени на горизонтѣ вспыхивалъ синій блескъ прожек-

торовъ, и снова доносился громъ орудій. Теперь въ тишинѣ занимающагося утра и на болѣе близкомъ разстояніи выстрѣлы казались совсѣмъ близкими, и всѣмъ организмомъ чувствовалась война... Вотъ оно, страшное, совсѣмъ уже близко и ощутимо! Громъ все чаще и чаще... Къ гулу тяжелыхъ орудій примѣшивается болѣе скромный, глухой стукъ скорострѣльныхъ пушекъ. Бывалый унтеръ поясняетъ всѣ звуки войны...

— А далеко ли отсюда Одринъ?

— Двадцать километровъ. А вотъ поѣдемъ, такъ будетъ еще ближе, не больше 16—17 километровъ. Съ горы будетъ видно городъ... Цѣлый день будемъ объѣзжать его...

Такъ и проболтали шопотомъ до разсвѣта, а затѣмъ напились чаю съ хлѣбомъ и снова:

— Хайде! Хайде!

У деревни, подъ горкой, ополченецъ съ ружьемъ охраняетъ трофеи: аккуратно разставленныя повозки съ турецкими гранатами.

— А пушки есть?

— По-болгарски пушки, значитъ—ружье... А топъ, топове имате?

Пушки увезли въ Кизилъ-Агачъ. Полземъ въ гору. Не крутая, но безконечная... Навстрѣчу тянутся обозы, около нѣкоторыхъ телѣгъ—турки.

— Турки?

— Да. Тѣ, которые не бѣжали, утилизированы съ ихъ быками для обозовъ.

Хмурыя, серьезныя лица. Что они чувствуютъ теперь, прислушиваясь къ грому орудій въ Одринѣ? Не узнаешь по лицамъ... Идутъ покорные, какъ ихъ волы, и, быть можетъ, возятъ боевые снаряды для враговъ...

Часа черезъ два взобрались на вторую гору и побѣжали на одну изъ наиболѣе высокихъ вершинъ. От-

сюда хорошо виденъ Одринъ... Сильный вѣтеръ мѣшаетъ смотрѣть въ бинокль, а нетерпѣніе и волненіе еще больше. Канонада гремитъ безпрерывно. Сплошной грохотъ, гулъ, и кажется, что трясется вся земля... Плохо повинуется бинокль, не могу приноровить его, а сосѣди одолѣваютъ: просятъ посмотрѣть.

— Извините! Я самъ еще ничего не видалъ!

— Мечеть Султанъ-Селимъ видно простымъ глазомъ...

Наконецъ-то!—вотъ она, мечеть: четыре высокихъ минарета, и межъ нихъ сверкаетъ куполъ... Еще мечеть... Что это? Огни, какъ молніи... Неужели выстрѣлы изъ орудій? Да, несомнѣнно. То тутъ, то тамъ въ синеватомъ туманѣ надъ городомъ вспыхиваютъ полоски красноватыхъ огней и, какъ маленькія облачка, появляются повисшія въ воздухѣ дымки... Невѣроятный грохотъ! Какой-то адъ... То надъ городомъ, то съ далекихъ высотъ, то какъ-то просто въ синеватой мглѣ рождаются красныя полоски... Раньше, когда я видѣлъ на плохихъ картинахъ изображеніе стрѣляющихъ пушекъ съ рѣзкими пучками огня, я смѣялся, ибо такое изображеніе мнѣ казалось грубой фантазіей плохого художника. Оказывается, что дѣйствительно такіе огни видны...

— Канонада страшная... Такъ стрѣляли только 16 и 26 октября, когда турки дѣлали попытку вылазки... Что-нибудь происходитъ значительное и сейчасъ...

Ни на одну секунду не стихаетъ громъ орудій. Сплошной гулъ стоитъ надъ землей... Я не отрываюсь отъ своего Цейса. По прямой линіи до Одрина не болѣе 12 километровъ, бинокль увеличиваетъ въ восемь разъ, стало быть я вижу картину боя на разстояніи менѣе двухъ верстъ... А это что такое?! Неужели аэропланъ? Господа! Надъ городомъ—аэропланъ!

— Аэропланъ!—подтверждаетъ сосѣдъ, имѣющій тоже Цейса.

Да, теперь совершенно ясно вижу я бѣлую птицу, проплывающую въ синемъ туманѣ надъ городомъ... Внизу сверкаютъ огни, вскакиваютъ, какъ мыльные пузыри, бѣлыя облачка дыма, а вверху, словно бѣлый орелъ, паритъ аэропланъ... Жутко за смѣлаго невѣдомаго героя, проносящагося надъ этимъ адомъ!.. Кто бъ онъ былъ, этотъ смѣлый человѣкъ, и какъ онъ себя чувствуетъ въ данную минуту?

Давно проскрипѣли мимо наши телѣги, а мы не можемъ оторваться отъ страшнаго, жестокаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величаваго зрѣлища...

— Не прорвались бы, черти!—говоритъ финансовое вѣдомство, ежась отъ страха, а, можетъ быть, и отъ холоднаго вѣтра, который такъ и сшибаетъ насъ съ камней, на которыхъ мы примостились...

— Хайде, господа! Вонъ гдѣ нашъ обозъ!

Тихо, а ползетъ. Вонъ онъ вытянулся въ веревочку и ползетъ, какъ большая змѣя, на гору. Надо нагонять... Торопливо сходимъ съ камней, а меня все подмываетъ смотрѣть назадъ, гдѣ люди истребляютъ другъ друга машиннымъ способомъ, и я остаюсь позади всѣхъ... «Не прорвались бы, черти!». Жутко... Спѣшу догнать спутниковъ...

Все ближе къ войнѣ...

Мы то вползали на гору, и тогда можно было снова любоваться жестокимъ зрѣлищемъ, то опускались въ горныя лощины, и тогда можно было только слышать. Весь день насъ преслѣдовала канонада. Вечеромъ, при заходѣ солнца, когда мы находились на значительной высотѣ, я еще разъ смотрѣлъ въ бинокль на Одринъ. Никогда не забуду этой удивительной, какой-то символической картины: надъ городомъ тяжело нависли ту-

чи, дымъ пожаровъ клубился въ четырехъ мѣстахъ; солнце выглянуло изъ тучъ «Божьимъ окомъ», въ видѣ нѣсколькихъ огненныхъ лентъ, расходящихся изъ одного центра, позолотило края тучъ, а огонь пожаровъ окрасилъ ихъ въ кровавые отблески... Въ сизомъ, золотистомъ и пурпурномъ туманѣ сверкали молніи пушекъ, и величаво, какъ гигантскія свѣчи, рисовались минареты Султанъ-Селимъ.

XI.

Свѣтлая лунная ночь. Сверкаютъ холоднымъ блескомъ каменные хаосы, а горныя долины внизу полны серебристаго тумана... Ярко горятъ на небѣ звѣзды и какъ-то странно-пристально смотрятъ на землю, гдѣ люди убиваютъ и калѣчатъ другъ друга...

Волы устали больше насъ. Добираемся до турецкой деревушки Чалу-дэрэ... Словно кладбище. Нѣтъ огней, не лаютъ собаки, ничего живого... Населеніе бѣжало, побросавъ свои насиженныя гнѣзда. Жуткое впечатлѣніе! Молчаливый свидѣтель горя и страданія, идущихъ рядомъ съ войною... Луна золотитъ остатки стеколъ кое-гдѣ по окнамъ, играетъ въ кучахъ мусора съ битой посудой и черепками... раскрыты дверки, на дворахъ признаки недавней повседневной жизни: телѣга, собранный въ кучи навозъ, протянутая для бѣлья веревка... Такъ и кажется—сейчасъ на порогѣ дома появится турокъ... Сдѣлали привалъ около турецкой таможни. Здѣсь полное разрушеніе. Около полуразрушеннаго глинобитнаго дома груды дѣловыхъ бумагъ, внутри—поломанный несгораемый шкафъ, десятичные вѣсы и обильные слѣды конскаго постоя... Заглянулъ въ маленькій флигелекъ, освѣтилъ внутренность электрическимъ фонарикомъ и вдругъ весь содрогнулся отъ

объявшаго меня непонятнаго ужаса: вверху, на ворохѣ пустыхъ ящиковъ, сидѣла кошка и, насторожившись, пристально слѣдила за мной хищными зелеными глазами... Казалось бы, что страшнаго въ живой кошкѣ? А между тѣмъ, я торопливо ретировался. Оставшаяся въ пустой деревнѣ турецкая кошка получала теперь совсѣмъ новое значеніе, таила какой-то особый, затаенный смыслъ... Ужъ не мстительница ли это спряталась въ развалинахъ, обратившись въ кошку съ зелеными глазами?..

— Неужели никого нѣтъ во всей деревнѣ?

— На томъ краю живутъ двѣ болгарскія семьи, бѣжавшія изъ-подъ Одрина...

Люди бѣгутъ изъ родныхъ гнѣздъ въ разныя стороны и временно ютятся, гдѣ придется...

Побывали въ домѣ бывшаго начальника таможни: тамъ сторожевой постъ ратниковъ ополченія. Уютный домикъ съ фруктовымъ садикомъ, съ остатками заботливо раздѣланныхъ дорожекъ, заваленныхъ водоемомъ. На дворѣ брошенный плугъ, лейка и разная садовая утварь, разбитые кувшины, ящики съ погибшими цвѣтами... 30 лѣтъ жилъ тутъ начальникъ таможни, и въ одинъ скверный день долженъ былъ наскоро собрать семью и все цѣнное и удобопереносимое и бросить домъ, въ которомъ прошла почти вся его жизнь... Тяжелое чувство оставляютъ въ душѣ разоренныя и покинутыя человѣческія гнѣзда!.. Люди ушли, а кошка осталась, и не хочетъ покидать родную деревню. И не боится войны...

Поѣли быки, закусили и мы тоже. Поздно ночью доползли до второй нашей ночевки, большой турецко-болгарской деревни Лана-Паша-Кіой.

— Далеко ли отсюда Одринъ?

— Меньше двадцати километровъ. Въ восьми километрахъ падаютъ иногда гранаты.

Вотъ тебѣ разъ! Ѣхали, ѣхали, и все подъ бокомъ Одринъ... Попали въ хорошую, когда-то, видимо, зажиточную семью. Теперь отъ нея осталось только трое: отецъ, дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, и «смазливая булка», жена взятаго въ солдаты сына. Нѣкоторое время изба пустовала. Здѣсь были стычки съ турками. Женщины, при приближеніи турецкаго отряда, разбѣжались и попрятались въ лѣсистыхъ долинкахъ въ окрестностяхъ. Слѣдомъ пришли болгарскія войска, произошла битва, и турки отступили. Болгарскіе солдаты встрѣтили въ лѣсу дѣвочку Марицу и молоденькую «булку», и тѣ, узнавъ, что турки прогнаны, вернулись домой, но нашли пустую избу: ни отца, ни матери, ни скотины... Пусто и чисто... Турки угнали отца съ волами работать въ своемъ военномъ обозѣ... Болгарское населеніе скоро вернулось, а турецкое бѣжало и не возвратилось... Скоро вернулся и отецъ: онъ бѣжалъ отъ обоза и вернулся домой... Не вернулась только мать, и никто не знаетъ, гдѣ она, и жива ли? Хорошенькая дѣвочка Марица съ умнымъ личикомъ сразу завладѣваетъ общими симпатіями. Бойкая дѣвочка звонко разсказываетъ про пережитый ужасъ и все ждетъ возвращенія матери и брата, который долженъ теперь стрѣлять изъ Одрина въ своихъ... Все слушаетъ канонаду въ Одринѣ и смотритъ въ ту сторону... Рада, когда канонада прекращается.

— Почему?

— Тя чака, за да се сверши гармежа при Одринъ, тогава ще дойде нейнія братъ,—поясняетъ отецъ, гладя дѣвочку по головѣ.

А я догадываюсь, въ чемъ дѣло: она надѣется, что когда кончится стрѣльба при Одринѣ, вернется братъ...

Унтеръ, по обыкновенію, пришелъ сюда раньше насъ и нашелъ гдѣ-то болгарскаго молодого вина, а у хозяина нашелся кусокъ свинины... Разожгли очагъ, похожій на нашъ каминъ, и расположились на полу по-турецки. Здѣсь во всемъ чувствуется вліяніе турецкой культуры. Хозяинъ даже носитъ на головѣ черную турецкую чалму, въ которой онъ выглядитъ настоящимъ туркомъ. Прекрасно говоритъ по-турецки. Ѣдятъ въ шапкахъ, не крестятся передъ ѣдою, въ разговорѣ на родномъ языкѣ вставляютъ много турецкихъ словъ. Всѣ неграмотны и не бывали никогда въ Болгаріи... Унтеръ снялъ съ хозяина чалму и, надѣвъ ему на голову свою шапку со значкомъ ратника ополченія, сказалъ:

— Сега вече си болгарски войникъ!

— Ура! Да живѣе свобода!

Кругомъ смѣхъ и радость, а хозяинъ чувствуетъ себя въ новомъ головномъ уборѣ неловко, и виновато и смущенно смотритъ въ полъ. Дѣвочка-дочь въ восхищеніи любуется на отца и говоритъ:

— Сега, тата, ти ште біешь турцитѣ!—(теперь, тятя, будешь бить турокъ!..)

«Булка» разсказываетъ что-то про бея.

— Что она разсказываетъ?—спрашиваю своего переводчика.

— Когда бѣжалъ ихъ бей, то говорилъ болгарамъ: я скоро вернусь, и если вы посмѣете тронуть мой домъ, всѣхъ вырѣжу...

А хозяинъ остритъ съ хохлацкимъ юморомъ:

— Мы уже соскучились, а онъ все не возвращается!..

На другой день, утромъ, проѣзжая мимо, мы заглянули въ домъ бея. Та же картина запустѣнія. Нѣтъ оконныхъ рамъ, лѣстницъ, дверей—все пошло на дрова. Уныло смотрятъ покои бея, пустые, забросанные мусоромъ, съ болгарскими надписями на стѣнахъ, расписанныхъ

замысловатымъ восточнымъ рисункомъ... Уцѣлѣли лишь желѣзныя рѣшетки оконъ на женской половинѣ дома, гдѣ жили гаремныя затворницы...

Рушилось царство беевъ!

Беи—крупные помѣщики и намѣстники султана. Въ страхѣ и трепетѣ держали они крестьянское населеніе, ибо фактически каждый изъ нихъ былъ его рабомъ... Онъ, бей, даетъ въ аренду землю, онъ ручается передъ правительствомъ за исправность поступленія податей, онъ оказываетъ кредитъ, его слово значитъ больше всѣхъ писанныхъ законовъ...

— Такъ сказалъ бей! Такъ хочетъ бей!—вотъ формула всей правды, во всѣхъ случаяхъ крестьянской жизни...

И вдругъ подулъ вѣтеръ, и ничего не осталось отъ этой правды. Теперь на дворѣ бея играютъ чумазые крестьянскіе ребятишки, оглашая прежде страшное мѣсто радостными и беззаботными голосами. Какъ скоро вывѣтрился страхъ!.. А въ Одринѣ снова гудятъ громовые раскаты... Послѣднія тучи разсѣянной бури!

Нѣтъ, никогда больше не вернется бей! Объ этомъ молча говоритъ его полуразрушенный домъ и груды окружающаго его мусора, въ которомъ валяются клочки корана, счетовъ, бланковыхъ векселей, отчетовъ...

Феодализмъ въ мусорной ямѣ...

— А много работы предстоитъ вамъ въ этомъ краю съ урегулированіемъ земельныхъ отношеній и вообще по аграрному вопросу?

— Меньше, чѣмъ вамъ...

— Вы такъ думаете?

— Конечно. Вся земля переходитъ въ государственную собственность, повсюду откроемъ земельные банки, водворимъ на насиженныхъ арендаторами беевъ мѣстахъ частныхъ собственниковъ, поможемъ имъ широ-

кимъ льготнымъ кредитомъ, надѣемся, что здѣсь же водворятся наши американскіе эмигранты, хлынетъ волна изъ Болгаріи, Македоніи. Прежде всего, необходимо поднять сельскохозяйственную культуру въ этомъ богатомъ, но запущенномъ краѣ. Здѣсь страна винограда, къ сожалѣнію, уже въ значительномъ количествѣ пораженнаго филоксерой. Въ Болгаріи прививается американская лоза давно уже, а здѣсь господствуетъ, какъ и во всемъ, рутина. Здѣсь до сихъ поръ давятъ виноградъ ногами... Посмотрите на поля! Здѣсь не знаютъ до сихъ поръ бороны! Посѣютъ и съ помощью той же сохи прикроютъ пластомъ земли... Лозенградъ, значитъ, городъ винограда. Когда-то здѣсь водилось чудное вино, а теперь все исчезаетъ. И я не ручаюсь, что около Лозенграда мы съ вами выпьемъ хорошаго вина...

Навстрѣчу тянутся безконечные обозы. Тамъ и сямъ изъ фуръ выглядываютъ раненые въ повязкахъ...

Въ деревнѣ Домурджали привалъ. Обѣдъ для насъ и быковъ... Огромное село. Много солдатъ. Богатый домъ бея занятъ военнымъ постоемъ и хлѣбопекарней. Ратникъ въ штатскомъ пальто, съ ружьемъ, похожій больше на охотника, ведетъ насъ осматривать домъ бея и хлѣбопекарню. Видимо, бей былъ очень знатенъ и богатъ: при домѣ четыре двора, съ двумя воротами на улицу. Высокіе каменные заборы, огромныя стойла для скота, своя мельница, приводимая въ движеніе буйволами, службы для хозяйства, жилища для рабочихъ и приказчиковъ... Самый домъ бея—внутри дворовъ, огороженъ своей стѣной съ маленькими дверками въ другіе дворы, двухъэтажный, съ закоулочками и лѣсенками, съ рѣзными украшеніями и узорами на стѣнахъ и потолкахъ. Женская половина сохранила еще нѣкоторые специфическіе признаки: купальное отдѣленіе, альковы, рѣшетки на окнахъ... Увы, теперь здѣсь спитъ

какой-то одинокій поручикъ, да и того сейчасъ нѣтъ, висятъ на стѣнѣ одни его штаны...

На дворѣ опять хозяйственный мусоръ, и въ немъ поломанныя дѣтскія игрушки... При видѣ этихъ поломанныхъ дѣтскихъ игрушекъ снова въ душу прокрадывается какая-то нѣжная грусть... Поднялъ сломанную лошадку изъ папье-маше и долго разсматривалъ ее, словно надѣялся, что лошадка разскажетъ мнѣ что-то важное, что осталось тайной для другихъ людей... Маленькій башмачокъ съ узоромъ на носкѣ... Кто носилъ тебя, маленькій башмачокъ, и гдѣ теперь эта маленькая ножка?..

— Хотите попробовать солдатскаго свѣжаго хлѣба?

Иду въ пекарню и знакомлюсь съ начальниками и солдатами... Впрочемъ, они по внѣшности такъ похожи другъ на друга, что я такъ и не разобралъ, кто начальникъ, а кто подчиненный. Ярко горятъ въ фурнѣ угли, а на огромномъ столѣ приготовлены каравашки хлѣба. Въ углу свалено множество готовыхъ хлѣбовъ, и отъ нихъ пахнетъ такъ вкусно, что хочется попробовать.

— Мы давно уже ничего, кромѣ воды и хлѣба, не знаемъ... И больше намъ ничего не нужно...

— Не угодно ли папиросу?

— А, вотъ это другое дѣло!!!

Угощаемъ воиновъ папиросами. Въ глазахъ ихъ сверкаетъ удовольствіе: давно уже не курили настоящихъ папиросъ...

Въ этой деревнѣ турки оставили огромные запасы пшеницы, муки и зерна. Неисчислимый запасъ и соломы: словно огромные дома, стоятъ ометы соломы, и проходящіе обозы запасаются здѣсь провіантомъ для быковъ... Телѣгъ и воловъ—видимо-невидимо... Словно наша большая ярмарка!

Получили въ презентъ по теплому солдатскому хлѣбу и двинулись дальше... Что это за воинъ въ странномъ черномъ костюмѣ молодецки сидитъ въ сѣдлѣ и горделиво смотритъ впередъ?

— Попъ!

Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ! Одежда болгарскаго священника совершенно не похожа на одежду нашего. Обыкновенные штаны—въ большіе сапоги, сверху черный длиннополый, ниже колѣнъ, кафтанъ, на головѣ черная круглая высокая шапка съ незначительнымъ раструбомъ по верхнему краю. Никакихъ спеціальныхъ и профессіональныхъ аттрибутовъ. Остановились, поговорили... Ѣдетъ подъ Одринъ, былъ въ селѣ, чтобы взять изъ мѣстной церковки св. даровъ для умирающихъ воиновъ... Слезно просилъ газетъ... Когда мы разстались, я поинтересовался узнать, не спеціально ли это военный священникъ?

— Обыкновенный, сельскій...

— Видъ-то у него очень ужъ... воинственный.

— У насъ много священниковъ ушло въ четники... Есть предводители четъ...

— Гм... Съ точки зрѣнія христіанина...

— Нѣтъ выше подвига, какъ положить свою душу за други своя...

— Да, да... Но вѣдь «свою душу»... Только свою!

— Наши священники—тѣ же крестьяне, и живутъ въ тѣсномъ общеніи съ народомъ. Разъ воюетъ весь народъ, они не могутъ стоять въ сторонѣ и смотрѣть...

— А скажите, есть у васъ какія-нибудь религіозныя секты, исканія, вообще то, что у насъ извѣстно подъ именемъ раскола, сектантства?

— Ничего подобнаго. Не скажу, чтобы нашъ народъ былъ особенно религіозенъ... Онъ—сынъ земли по преимуществу и хочетъ имѣть всѣ блага на землѣ больше,

чѣмъ на небѣ! Наша церковь играла всегда больше роль политическую, роль національнаго объединителя, чѣмъ духовную... Копаться въ себѣ мы, болгары, вообще не любимъ! Некогда! Дѣлъ много...

Вечеръетъ. Все тише, лѣнивѣе тянется нашъ обозъ. Быки такъ заморились, что стали напоминать умирающихъ мухъ. Поминутно остановки. Мы ушли далеко впередъ и, добравшись до пустой турецкой деревеньки, присѣли отдохнуть. Шагаю вторыя сутки. Въ ногахъ—томленіе... Такъ бы легъ, вытянулъ ноги и не всталъ! Не о томъ ли же думаютъ и наши быки?.. Вотъ они ползутъ, наконецъ... Жалко мнѣ васъ, быки, а все-таки извините: я сяду... Не могу!

— Сядемъ, что ли?

Всѣ устали. Пропускаемъ обозъ и залѣзаемъ въ нашу колымагу, шагающую позади всѣхъ.

— Хайде! Хайде!

Не хотятъ. Громко стучитъ палка по спинамъ бѣдныхъ животныхъ, тычетъ ихъ въ чувствительныя мѣста,—ничего не выходитъ. Пусть отдохнутъ—постоятъ съ четверть часа. Прошло съ полчаса,—ничего не выходитъ: одинъ быкъ положительно покачивается, какъ пьяный. Намъ совѣстно какъ-то... Всѣ вылѣзаемъ. Обозъ уползъ далеко уже, а мы остались въ безпомощномъ состояніи. Совѣщаемся, какъ намъ выйти изъ неожиданной непріятности. Рѣшаемъ раздѣлиться: часть пойдетъ впередъ и распорядится въ ближайшемъ селѣ притти съ парой свѣжихъ быковъ, а часть останется около телѣги. Мы съ унтеромъ уходимъ впередъ... Село близко, не дальше четырехъ километровъ. Унтеръ отлично освѣдомленъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мы приближаемся къ большому турецко-греческому селу Сюліохлу. Мѣста, изобильно политыя человѣческой кровью. Вдоль дороги, по горѣ, длинной лентой тянутся

искусственные холмы, насыпи, ямы,—все это остатки турецкихъ укрѣпленій отъ временъ русско-турецкой войны. Здѣсь турки сторожили русскія войска, шедшія отъ Варны. Съ дороги открывается огромная ровная долина, черезъ которую необходимо пройти русскимъ войскамъ. Съ дороги — открывается огромный горизонтъ, и я, не понимая ничего въ военномъ дѣлѣ, все-таки вижу воочію, какъ хорошо было выбрано турками мѣсто для встрѣчи непріятеля...

Теперь старыя укрѣпленія были утилизированы болгарскими войсками: всюду—свѣжіе окопы, ложементы. Теперь отсюда наступали болгары, а турки занимали село и высоты за селомъ. Здѣсь произошло одно изъ двухъ главныхъ сраженій, рѣшившихъ судьбу Лозенграда (Киркъ-Килиссе)...

Добираемся до Сюліохлу и здѣсь застаемъ нашъ обозъ. Кметъ любезно приходитъ на помощь парой свѣжихъ воловъ, которыхъ ведутъ къ покинутой на дорогѣ телѣгѣ, а мы, попивъ въ корчмѣ чайку, идемъ осматривать окрестности и мѣста сраженія. Подъ самымъ селомъ, на горѣ, высится хорошій каменный домъ бея съ высокими каменными стѣнами и башней съ обломанными краями. На башнѣ турки имѣли пулеметъ. Вся гора усѣяна гильзами патроновъ, лежащихъ кучками, обоймами отъ пачекъ, обрывками одежды. Точно прошелъ патронный дождь! Можно собирать пригоршнями. Дальше мѣстность ровная, постепенно повышающаяся, представляетъ вспаханное истоптанное поле. Подъ рѣдкими кустиками — опять кучки ружейныхъ гильзъ, затѣмъ—ямки, въ которыхъ прятали головы наступающіе... Вотъ турецкая феска, башмакъ... кусокъ сумки... Поднимаемся выше—рядъ правильныхъ ложементовъ: болгарскія войска сбили съ позиціи турокъ и окопались...

Были на братской могилѣ, недалеко отъ дома бея. Два большихъ свѣжихъ холма, наскоро сбитые изъ дощечекъ кресты и надписи карандашомъ:

И здѣсь, гдѣ лилась благородная кровь,
Воздвигнемъ эмблему свободы!
И царствовать будетъ царица-любовь,
И братски сольются народы...

Стихи написаны, видимо, хорошо знающимъ русскій языкъ болгариномъ... Нельзя сказать, что они особенно оригинальны, но настроеніе и духъ болгарскаго воинства они отлично характеризуютъ...

Мы шли безъ дороги, напроломъ, увязая въ грязи и лужахъ. Полевой телефонъ служилъ намъ путеводной нитью. Въ темнотѣ пробирались мы по лѣсу, усѣянному колючимъ шиповникомъ, въ кровь расцарапали себѣ лица и руки, ободрали тужурки, изнемогли отъ налипавшей на ноги глины и добрались до села Гердели поздно ночью, совершенно разбитые, готовые пасть, какъ наши быки... Ночевали въ богатомъ домѣ грека Атанаса. Живетъ, что твой бей! Мы спали въ той комнатѣ, гдѣ не такъ давно спалъ штабъ отступающей турецкой арміи... Атанасъ разсказывалъ намъ много интереснаго о пребываніи у него турецкихъ офицеровъ. Три дня жили они и измучили его требованіями услугъ. Семья жалась въ одной комнатѣ, въ кухнѣ, а все остальное помѣщеніе было переполнено штабомъ. На третью ночь Атанасъ не выдержалъ и уснулъ, какъ убитый... На разсвѣтѣ просыпается отъ громкаго стука въ двери. Что такое? Въ квартирѣ огонь, но полная тишина... Должно быть, всѣ спятъ. Пошелъ съ огнемъ отпереть дверь. Два турецкихъ солдата, испуганные, запыхавшіеся, просятъ хлѣба... Какъ же они смѣютъ лѣзть въ штабъ? Гг. офицеры спятъ и разгнѣваются, что имъ мѣшаютъ сту-

комъ и разговорами. Прикрикнулъ и заперъ дверь. Тихо поднимается по лѣстницѣ, заглядываетъ мимоходомъ въ помѣщеніе штаба,—пусто! Заглядываетъ въ спальню—то же!

Оказывается, что Атанасъ проспалъ турокъ. Бѣгство ихъ было такъ проворно и деликатно, что Атанасъ даже не проснулся!.. Спустя сутки вступили болгарскія войска. Нашли въ соломѣ двухъ турецкихъ солдатъ, просившихъ у Атанаса ночью хлѣба, и офицеръ зарубилъ ихъ обоихъ шашкой...

— Почему они не ушли?

— Кто же знаетъ? Можетъ быть, не могли итти...

— Вѣроятно, шпіоны,—поясняетъ околійскій начальникъ.

Общее неловкое молчаніе...

Говоримъ о войнѣ вообще. Война сама по себѣ есть отрицаніе всякой гуманности.

— Большой вопросъ: идетъ ли гуманность въ ногу съ культурностью народовъ? Развѣ въ Благовѣщенскѣ во время усмиренія боксеровъ не загнали въ воду множество мирныхъ жителей? Развѣ культурнѣйшіе американцы не наслаждаются зрѣлищемъ публичнаго линчеванія негровъ и не печатаютъ объ этомъ предварительныхъ объявленій въ газетахъ? Развѣ славится гуманностью отношеніе англичанъ къ индѣйцамъ?

— А вашъ 1905 годъ? Развѣ тогда не было случаевъ, которые подходятъ подъ рубрику «звѣрствъ»?..

Разболтались и не успѣли выспаться. Въ семь утра двинулись въ путь, — послѣдній переходъ до Лозенграда!

Пустыя заброшенныя поля... Много виноградниковъ. Широкая дорога прошла безъ пощады для нихъ: подъ телѣгами—жалкіе остатки виноградной лозы... Вотъ выгорѣвшее и полуразрушенное село... Крыши сгорѣли,

часть глинобитныхъ стѣнъ развалена и обнажаетъ внутренность жилья, кое-гдѣ въ печахъ остатки посуды, на полу—скарбъ и тряпье... Странное зрѣлище представляютъ эти дома изъ трехъ стѣнъ... Точно на сценѣ...

— Почему село выжжено?

— Спалили сами турки, а разрушили дома наши солдаты.

— Зачѣмъ?

Оказывается, что при приближеніи болгарскаго отряда всѣ жители-турки бѣжали, а нѣсколько человѣкъ попряталось, и когда проходили послѣдніе ряды болгарскаго отряда—открыли изъ засады огонь и убили офицера. Тогда возмущенные солдаты ринулись на поиски и въ озлобленіи разрушили много домовъ... По дорогѣ къ большому военному пункту, селу Энидже,—множество окоповъ и ложементовъ. Около нихъ разбросано много патронныхъ обертокъ. Осматривая эти окопы, я снова впалъ въ нѣжную грусть: я нашелъ локонъ женскихъ волосъ, изящно связанныхъ бѣлой шелковой ленточкой! Долго я смотрѣлъ на эту прощальную эмблему любви, оставшуюся на полѣ брани, и грустныя мысли обступали меня со всѣхъ сторонъ... Такая мелочь, пустякъ, а какъ много онъ нашептываетъ душѣ о сказкахъ человѣческой жизни! Сколько тайнъ въ этомъ локонѣ съ бантикомъ! И какъ громко онъ кричитъ о человѣческомъ заблужденіи!..

А въ Энидже я получаю отъ симпатичнѣйшаго коменданта два подарка: турецкій штыкъ и ранецъ со слѣдами человѣческой крови... турецкой, конечно!

Комендантъ прекрасно говоритъ по-русски, онъ женатъ на украинкѣ и приглашаетъ, по окончаніи войны, въ Рущукъ къ себѣ въ гости:

— Угощу васъ малороссійскимъ борщемъ!.. Можетъ быть, и вашему секретарю пригодится ранецъ... Я и

ему... Гей! Сходи въ кладовую и выбери получше ранецъ...

Обозъ и всѣ спутники давно уѣхали, а насъ съ секретаремъ комендантъ не пускаетъ:

— Я хочу съ вами выпить чаю и поговорить!

Точно родного человѣка встрѣтилъ!

— Я васъ отправлю на своихъ лошадяхъ... Тутъ прекрасное шоссе до Лозенграда, пріѣдете раньше вашего обоза...

Часа два проболтали съ комендантомъ, осматривали военные трофеи, или—какъ здѣсь называютъ—добычу: множество гранатъ и шрапнелей, ружей, патроновъ, ранцевъ, сумокъ... цѣлый сарай добычи... Комендантъ гордится ею и хочетъ еще что-то показать. Но уже поздно, хотѣлось бы пріѣхать въ Лозенградъ пораньше, чтобы на ночь найти квартиру и отдохнуть отъ продолжительнаго пути... Подаютъ пару маленькихъ веселыхъ лошадокъ въ небольшой фурѣ, и мы, сердечно попрощавшись, усаживаемся и мчимся по шоссе вдогонку за нашимъ обозомъ... На дорогѣ попадаются пирамиды изъ гранатъ, побросанныхъ турками и еще неубранныхъ въ склады, тянутся обозы съ ранеными, мчится автомобиль, всадникъ летучей почты... Чувствуется приближеніе къ большому городу...

Часовъ въ восемь вечера вдали ярко загорѣлось нѣсколько синеватыхъ огней, и скоро въ темнотѣ, на черномъ фонѣ горы, разсыпались красноватые огоньки города...

— Ну, слава Богу, добрались-таки!..

XII.

Ночью городъ показался похожимъ отчасти на Севастополь въ его окраинахъ, отчасти на Бахчисарай. Всѣ

лавки были уже заперты, жители сидѣли по домамъ, и только военная дѣловая жизнь кипѣла какъ вода въ котлѣ... По узкимъ улицамъ громыхали обозы, толпами бродили раненые, мчались съ гудѣніемъ огненно-глазые автомобили, бряцали сабли и мелькали золотыя пуговицы... Порою на перекресткахъ скапливалось все это въ кашу, и трудно было двигаться,—приходилось терпѣливо ждать, когда распутается этотъ клубокъ людей и животныхъ... Послѣ четырехдневнаго путешествія, пустыхъ деревень, безлюдья попали сразу въ водоворотъ кипучей жизни, и отъ этого какъ-то воспрянулъ духъ бодрости и стало весело на душѣ... Я люблю ночью, при огняхъ, въѣзжать въ незнакомый городъ. Все кажется интереснымъ, страннымъ, загадочнымъ, любопытнымъ. Теперь, при въѣздѣ въ знаменитый отнынѣ Лозенградъ, всѣ эти переживанія усилились... Скрипъ телѣгъ, темпераментные разговоры, блески ружейныхъ штыковъ, огни въ домахъ, занавѣски на окнахъ, балконы, минареты, закоулки, пропадающіе въ таинственной темнотѣ,—все привлекало вниманіе и на время прогоняло усталость и сонливость... Мы пріѣхали раньше нашего обоза и отправились въ комендантство, чтобы просить пристанища... Здѣсь намъ назначили комнату и дали провожатаго. Можно бы итти на покой, да всѣ вещи на обозѣ... Ждемъ часъ, другой. Городъ стихаетъ, огни потухаютъ, и только около комендантства толпится еще народъ... Проклинаемъ воловъ, заставляющихъ насъ встрѣчать ихъ, какъ встрѣчаютъ подчиненные важнаго начальника. Ну, слава Богу!—ползутъ... Выбираемъ изъ телѣги свои вещи и исполняемъ роль быковъ... Тяжело! Устали! Такъ бы и побросалъ всю эту обузу наземь!..

Приходимъ въ назначенный намъ домъ,—не пускаютъ... Въ чемъ дѣло? Сваливаемъ у дверей вещи и идемъ объясняться: въ комнатѣ имѣется одна только

кровать, а главное—она давно уже занята, а другихъ комнатъ нѣтъ...

— Что же, на улицѣ намъ ночевать?

— Идемъ опять въ комендантство!

— Да, пожалуй, комендантъ уже ушелъ домой...

— Ну такъ какъ же намъ быть?

Къ нашему счастью, занимавшій комнату болгарскій чиновникъ оказался любезнымъ и добросердечнымъ человѣкомъ.

— Переночуйте, а завтра дѣло выяснится...

— Спасибо!

Тогда и домовладѣлецъ сталъ привѣтливѣе. Появилась гора одѣялъ и подушекъ, а, помимо нихъ, еще и ужинъ: «агнешко съ рисомъ». Познакомились съ квартирантомъ и угостили другъ друга: онъ насъ—старымъ прекраснымъ виномъ, а мы его хорошимъ русскимъ чаемъ, да еще съ сахаромъ, котораго давно уже нѣтъ въ городѣ. Попили съ нами чайку и хозяева, впавшіе отъ сего въ умиленное состояніе...

Переночевали—и въ комендантство! Отвели новую, очень хорошую комнату, даже съ печкой, что здѣсь считается большимъ комфортомъ... Мой секретарь заботливъ: спустя десять минутъ, комната получила жилой и уютный характеръ... Спѣшу въ главный штабъ, чтобы представиться съ рекомендаціей премьеръ-министра начальнику штаба:

— Генерала нѣтъ. Онъ—въ Чаталджѣ.

— Когда же онъ вернется?

— Вѣроятно, дня черезъ два...

Рекомендательное письмо открытое, даю его прочитать гг. офицерамъ. Любезно усаживаютъ, привѣтствуютъ и совѣтуютъ подождать генерала, чтобы лично отъ него получить разрѣшеніе и письмо при дальнѣйшемъ пути.

— Только, пожалуй, особеннаго интереса поѣздка въ Чаталджу не представитъ.

— Почему?

По разъясненіи обстоятельствъ, я убѣждаюсь, что за время моего плаванія на быкахъ обстоятельства успѣли измѣниться, и, дѣйствительно, въ Чаталджу ѣхать незачѣмъ: военныя дѣйствія пріостановлены, ведутся переговоры, а въ Константинополѣ и въ турецкихъ войскахъ—сильнѣйшая холера, начавшая забираться и къ болгарамъ.

Сперва мной овладѣло отчаяніе, но я вспомнилъ канонаду въ Одринѣ и рѣшилъ измѣнить маршрутъ:

— Тогда я двинусь къ Одрину?

— Можно, но все-таки подождали бы денекъ, другой...

— Хорошо...

Идемъ осматривать городъ. Насчитали шесть мечетей, четыре греческихъ и три болгарскихъ церкви. Городъ расположенъ наподобіе Севастополя, лѣзетъ все въ гору и въ гору, дома издали кажутся сидящими другъ на другѣ, почти нѣтъ дерева, все камень, глина, известка. Нижняя часть и окрайны носятъ своеобразный восточный колоритъ, центръ — европейскій, здѣсь большія и красивыя зданія... На холщевыхъ, наскоро написанныхъ вывѣскахъ мелькаютъ: «Болгарско царство, поща и телеграфъ», «Обща главна квартира», «Градско общинско правленіе» и др. У зданія городской больницы не пролѣзешь: вся улица запружена выписанными изъ больницы ранеными, которые готовятся къ отправкѣ по домамъ. Подвязанныя руки, щеки, головы въ бинтахъ, завернутыя въ овечій мѣхъ ноги, говоръ, перекличка, оживленіе. По тротуару сидятъ хроменькіе съ палочками и весело посматриваютъ на проходящихъ. Догоняетъ солдатикъ, ковыляя ногой, и проситъ о чемъ-то. Оказы-

вается, онъ замѣтилъ, какъ мы снимали улицу, и предлагаетъ за деньги снять его съ товарищами.

— Мы сняли бы безъ денегъ, да здѣсь не можемъ приготовить карточекъ...

Долго объясняли. Кажется, не понялъ. Снимаемъ, а карточекъ не дѣлаемъ!..

На горѣ высится главная, самая большая и красивая мечеть и на ея минаретѣ побѣдно развѣвается болгарскій флагъ. Почти всѣ дома украшены флагами, на встрѣчныхъ дверяхъ кресты: это жители давали знать войскамъ при ихъ вступленіи въ городъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Много лавокъ, базаръ съ зеленью, кофейни, курьезныя вывѣски съ амурами, цырюльниками, неизбѣжный Зингеръ, раскрытыя для любопытнаго взора мастерскія сапожниковъ, починяющихъ обувь, мясныя лавочки съ неизбѣжнымъ «агнешко», и только негдѣ купить хлѣба...

Послѣ обѣда отправляюсь въ русскій Красный Крестъ. Я такъ соскучился по родной рѣчи, по роднымъ лицамъ, что этотъ визитъ не хочется откладывать...

Отправляюсь въ новыя казармы, за городъ, гдѣ помѣщаются наши общины: Георгіевская и Кауфманская. При выходѣ изъ города натыкаюсь на печальное зрѣлище: дорога идетъ мимо полуразрушеннаго турецкаго кладбища и, какъ отъ снѣга, бѣлѣетъ отъ выброшенныхъ турецкихъ архивовъ, клочковъ бумагъ, порванныхъ книгъ, какихъ-то свидѣтельствъ, писемъ, книгъ съ картинками... Особенно много этого хлама вокругъ кладбища... Разсматриваю: все больше правительственный бумажный матеріалъ изъ разныхъ турецкихъ канцелярій... Опять символъ!.. Весь турецкій механизмъ управленія страной—на кладбищѣ!..

Безконечные виноградники. Для сокращенія пути иду безъ дороги, прямо на бѣлѣющіе вдали ряды новыхъ

казармъ... Недалеко отъ нихъ на какихъ-то черныхъ буграхъ копошатся люди. Сперва я принимаю ихъ за садоводовъ или огородниковъ. Приближаюсь и различаю множество выстроившихся въ ряды крестовъ... Могильщики. Копаютъ рядъ новыхъ ямъ. Постоялъ, посмотрѣлъ, почиталъ надписи, написанныя карандашомъ, вздохнулъ и медленно пошелъ дальше. Огромныя новыя казармы. Сперва здѣсь жили турки, затѣмъ болгарскія войска, а затѣмъ, когда войска двинулись впередъ и бои послѣдовали почти безпрерывно, здѣсь въ казармахъ помѣстили раненыхъ. Наплывъ былъ одновременный, медицинскій персоналъ небольшой, не было силъ справиться даже съ поддержаніемъ чистоты. Теперь русскій крестъ считается лучшимъ, тамъ образцовый порядокъ и чистота, популярность среди раненыхъ, мечтающихъ попасть именно туда. Здѣсь больше тяжелораненые, требующіе серьезныхъ операцій. Въ наслѣдство досталось нашему Кресту много такихъ больныхъ, которымъ не была оказана во́-время медицинская помощь, не сдѣлана во̀-время операція, много случаевъ гнилостнаго зараженія конечностей... Знакомлюсь съ персоналомъ... Сразу, какъ дома! Большое русское интеллигентное общество мужчинъ и женщинъ... Разговаривать, впрочемъ, здѣсь некогда—всѣ въ безпрерывной работѣ: лазареты развернуты шире, чѣмъ предполагалось, принято много сверхъ комплекта... Перевязки и операціи идутъ безпрерывно...

Пріятная неожиданность: идетъ въ бѣломъ халатѣ господинъ, и мы въ изумленіи останавливаемся другъ передъ другомъ, не вѣря своимъ глазамъ:

— Ты какими судьбами?

— А ты?

Встрѣча съ двоюроднымъ братомъ... Такъ до поздняго вечера и проболтался въ русскихъ миссіяхъ. Меня на-

кормили хорошимъ ужиномъ, провели по всѣмъ палатамъ, познакомили съ болгарскими офицерами.

Ужаснымъ крикомъ оглашаются палаты: безпрерывно кричитъ раненый въ голову солдатъ. Онъ, видимо, безъ сознанія. Пуля попала въ темя и осталась въ мозгу, изъ раны сочится мозгъ, выраженіе лица—одно сплошное страданіе.

— Умретъ?—спрашиваю врача шопотомъ.

Тотъ киваетъ головою.

— Что-то кричитъ онъ... Проситъ о чемъ-то...

— Нельзя понять. Онъ выкрикиваетъ слова безъ всякой связи. Потерялъ слова...

— Скажите, попадались случаи психическаго разстройства?

— Ни одного! Ихъ вообще въ этой войнѣ не замѣчается.

— Какъ вы это объясняете? Почему ихъ было много во время русско-японской?

— И у насъ тогда эти случаи были главнымъ образомъ среди офицерства. Посмотрите на болгарскій народъ: онъ крѣпче, его нервы—жизнеупорнѣе, выносливость при операціяхъ—изумительная. И это не только у солдатъ, а и у офицеровъ. А затѣмъ, — а можетъ быть, и самое главное—здѣсь не было того длительнаго психическаго напряженія подъ вліяніемъ непрестанной опасности и угрозы смерти, какъ было у насъ. Здѣсь процессъ войны быстръ, и немногимъ раненымъ пришлось быть въ такомъ состояніи больше одной-двухъ, много—трехъ недѣль, между тѣмъ у насъ пребывали въ психическомъ напряженіи по нѣскольку мѣсяцевъ...

Относительно выносливости одинъ штабный офицеръ разсказалъ мнѣ такой случай:

Остался на полѣ сраженія раненый солдатъ, явились турки и стали прикалывать раненыхъ; солдатъ притворился мертвымъ. Проходя мимо него, турокъ отхватилъ ему саблей ухо, надсѣкъ другое, и солдатъ, будто бы, не шевельнулся и спасъ свою жизнь такимъ колоссальнымъ терпѣніемъ!

— Гдѣ же этотъ солдатъ?

— Я его видѣлъ своими глазами. Недѣли двѣ тому назадъ онъ возвращался черезъ Лозенградъ...

На другой день осматривали лозенградскую «добычу»: сто четыре орудія, взятыхъ при бояхъ вокругъ Лозенграда. Часть стараго образца, а часть новыхъ скорострѣлокъ. Почти всѣ защитные щиты скорострѣлокъ носятъ яркіе признаки мѣткости болгарской артиллеріи: почти всѣ щиты побиты и помяты шрапнелью, есть случай разрушенія щита гранатой: висятъ однѣ желѣзныя тряпки... Раза по два на дню хожу справляться, не пріѣхалъ ли генералъ Фичевъ... Нѣтъ!

И новостей здѣсь никакихъ не услышишь: начались переговоры, но, понятно, что пока они—тайна даже для здѣшняго штаба...

Когда-то здѣсь было до ста корреспондентовъ, теперь человѣкъ восемь. Всѣ разбѣжались. Нечего здѣсь дѣлать... Начну хлопотать о разрѣшеніи ѣхать подъ Одринъ... Быть можетъ, мнѣ удастся застать еще продолженіе канонады и побывать по горячимъ слѣдамъ въ сдавшемся Одринѣ...

Тылъ арміи. Лозенградъ можно уподобить по значенію нашему Харбину во время войны съ Японіей... А какая разница!.. Ни увеселеній, ни музыки, ни пѣсенъ, ни единаго пьянаго... Нѣтъ даже граммофона и кинематографа!.. Въ десять вечера полная тишина...

Петербургскому жителю это невыносимо... И ночь кажется безконечной...

— Скорѣй въ дорогу!

Я такъ привыкъ уже передвигаться, что покой меня давитъ...

XIII.

Пріѣхать въ Лозенградъ было трудно, а выѣхать отсюда оказалось дѣломъ еще болѣе затруднительнымъ... Ближайшій путь черезъ Демотику: до нея поѣздомъ, а тамъ двое сутокъ до Мустафы-Паша. Новыя мѣста, встрѣчи, впечатлѣнія. А тутъ какъ нарочно подвернулась болгарская газета, въ которой помѣщена въ переводѣ корреспонденція г. Немировича-Данченко про Демотику.

— Милая Демотика! Прекрасная Демотика! Что тебя ожидаетъ? Цѣлъ ли этотъ дивный уголокъ прекраснаго юга или отъ него остались однѣ развалины?

Такъ красочно описана Демотика, что заранѣе я уже влюбленъ въ Демотику по-уши...

Когда будетъ поѣздъ на милую Демотику? Либо сегодня въ семь вечера, либо завтра, въ семь утра. Демотику и Чорлу обслуживаютъ всего четыре паровоза, одинъ изъ которыхъ чинится. Станція далеко, расписанія точнаго нѣтъ, перевозочныхъ средствъ—тоже. Знакомые болгарскіе офицеры, облюбовавшіе нашу квартиру и переѣхавшіе уже въ нее за нашимъ отправленіемъ въ милую Демотику, дали намъ двухъ солдатъ и съ ихъ помощью мы съ переводчикомъ перебрались на станцію...

— Когда будетъ поѣздъ?

— Ничего неизвѣстно. Узнаемъ только, когда онъ выѣдетъ съ послѣдней станціи. Пока не выходилъ.

— Можетъ быть, онъ сегодня и не выйдетъ?

— Возможно.

Вотъ положеніе! Сиди и жди!

Отправляемся на старое пепелище къ офицерамъ:

— Не уѣхали?

— Какъ видите!

— Идите съ нами ѣсть солдатскую чербу!

Ну, и черба! Давно уже не ѣли ничего подобнаго.

— Неужели это солдатская пища?

— Солдатская. Турки оставили намъ огромныя стада овецъ, и наши солдаты питаются теперь такъ, какъ никогда въ жизни...

Нашлось старое лозенградское вино и гармоника!..

— Откуда гармоника?

— Турки въ палаткахъ оставили.

Я съ удовольствіемъ взялъ въ руки гармонику и началъ играть мотивы русскихъ пѣсенъ, грустныхъ и плясовыхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, а офицеры познакомили меня со своими болгарскими мотивами. Много русскихъ мотивовъ, занесенныхъ сюда «русскими воспитанниками»,—такъ здѣсь называютъ болгаръ, получившихъ образованіе въ Россіи. Только часто въ знакомый мотивъ вложены совершенно не тѣ слова. Пѣли хоромъ «Назови мнѣ такую обитель», «Болгарскій боевой маршъ»—очень красочный, темпераментный, напоминающій по экспрессіи французскую марсельезу. Написанъ онъ во времена національнаго подъема, вскорѣ послѣ перваго освобожденія, мальчикомъ-юношей, который теперь ушелъ на войну и, по слухамъ, убитъ подъ Бургасомъ.

Че ще дойде нѣкога
Время славно за борба...
Тамъ, на бойното поле,
Требва славно да се мрѣ—

(Придетъ нѣкогда время славной борьбы, и намъ придется съ честью умереть на бранномъ полѣ)...

Время пришло и бывшій поэтъ-мальчикъ отдалъ свою жизнь въ честь родины. Въ старыхъ болгарскихъ пѣсняхъ слышатся отзвуки восточныхъ мелодій, много грусти и жалобъ, прощанія съ «майкой»,—наслѣдія долгаго тяжелаго рабства, зато новыя пѣсни всѣ—воинственно-патріотическаго характера, звучатъ бодро, призывно и полны надеждъ на послѣднюю месть туркамъ—нынѣ наступившую.

Славные ребята, эти болгарскіе офицеры! Не видалъ я въ нихъ фанфаронства, надутой спѣси, позы, бравированія. Въ цѣлой палатѣ раненыхъ болгарскихъ офицеровъ, человѣкъ такъ на сорокъ, отыскался одинъ только консерваторъ, остальные пропитаны насквозь свободой и ея политическими тенденціями. Большинство прекрасно разбирается въ переживаемомъ нами историческомъ моментѣ, вспоминаютъ свою «Стамбуловщину»...

Утромъ, чуть-свѣтъ,—снова на станцію.

— Поѣздъ скоро на Демотику?

— Вечеромъ, если починится локомотивъ. И то не до самой Демотики.

Мука! Есть у болгаръ пословица:

— Гостямъ рады дважды: когда ихъ встрѣчаютъ и когда провожаютъ.

Неудобно какъ-то опять возвращаться къ своимъ пріятелемъ, а куда дѣнешься? Квартиры нѣтъ, вещи тащить некому и далеко.

— Хайде опять къ нимъ!

— Э, не уѣхали? Харесвайте войнишка черба?

— Мы хотимъ сдѣлать вамъ двойную радость: вы будете радоваться еще два раза! Мы снова пріѣхали и затѣмъ еще разъ уѣдемъ...

Хохочутъ. Старшій изъ офицеровъ, кончилъ наше Михайловское артиллерійское училище и особенно благоволитъ къ русскимъ.

Пришелъ еще одинъ офицеръ, участникъ боевъ подъ Люле-Бургасомъ и Визой, и разсказалъ намъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ изъ боевой жизни. Здѣсь, въ Лозенградѣ, въ одномъ изъ лазаретовъ, лежитъ подполковникъ Ханжіевъ съ прострѣлянной ногой и откушенными пальцами лѣвой руки. Ему пришлось вступить въ рукопашный бой съ турецкимъ офицеромъ при исключительной обстановкѣ.

Турки окопались на горѣ и скрыли главныя силы въ лѣсу, на разстояніи полкилометра отъ передовой линіи. Болгары ночью прокрались по ложбинкѣ и неожиданно бросились на дремавшихъ въ окопахъ турокъ. Схватка была непродолжительна и обошлась безъ выстрѣловъ: всѣхъ перекололи штыками. Заняли окопы и гору, рѣшили отдохнуть. Подполковникъ Ханжіевъ отдѣлился и съ цѣлью осмотра ближайшей мѣстности зашелъ въ лѣсокъ. Здѣсь, въ темнотѣ, онъ натыкается на человѣческую фигуру, оказавшуюся турецкимъ офицеромъ (узналъ по эксельбантамъ), и враги кидаются, какъ дикіе звѣри, другъ на друга. Ханжіевъ—человѣкъ очень здоровый и сильный: не успѣлъ турецкій офицеръ опомниться, какъ Ханжіевъ сбросилъ его съ ногъ и насѣлъ. Въ борьбѣ имъ обоимъ не удавалось обнажить сабель и стрѣлять изъ револьвера, а кричать оба боялись, чтобы не призвать на помощь врага вмѣсто своихъ. Турецкій офицеръ откусилъ у Ханжіева два пальца и, воспользовавшись временнымъ преимуществомъ, успѣлъ еще вынуть револьверъ и выстрѣлить въ ногу врага. Но Ханжіевъ выхватилъ изъ голенища ножъ и вонзилъ его въ горло врагу... Въ это время солдаты обѣихъ сторонъ, встревоженные единичнымъ выстрѣломъ, приближались къ мѣсту кровавой схватки своихъ офицеровъ. Едва Ханжіевъ поднялся съ земли, какъ появились турки. Не растерявшись, онъ кричитъ по-турецки:

— Дуръ-даврамъ!—Стой!

Турки, принявшіе въ темнотѣ Ханжіева за своего офицера, останавливаются. Тогда Ханжіевъ, обернувшись къ своимъ, кричитъ:

— Напредъ! На ножъ!

Болгары кидаются впередъ, ошеломленные турки бросаются въ бѣгство, производятъ панику въ резервахъ и съ огромнымъ урономъ отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ... Ханжіева находятъ въ глубокомъ обморокѣ отъ пережитаго потрясенія и переправляютъ на перевязочный пунктъ, считая тяжело раненымъ. Теперь онъ совершенно здоровъ и скоро выписывается изъ больницы и хочетъ снова вступить въ ряды дѣйствующей арміи... На перекладинѣ его кровати, въ лазаретѣ, виситъ трофей: сорванные во время борьбы эксельбанты убитаго врага...

— Разскажите о самочувствіи во время боевъ!

— Какъ разскажешь! Это надо пережить, очень сложно и индивидуально.

— Испытывали вы страхъ?

— Бывало. Особенно въ началѣ боевъ, послѣ нѣсколькихъ боевъ—страхъ совершенно пропалъ. Намъ приходилось по два дня сидѣть въ окопахъ, не вылѣзая. Шли дожди, окопы наполнялись дождевой водой. Иногда казалось, что лучше, если бы поскорѣе ужъ убили... Турки даже по ночамъ не давали намъ покою, всю ночь напролетъ—стрѣльба, визжатъ надъ головой пули, словно пролетающія осы. Въ концѣ-концовъ перестаешь обращать на нихъ вниманіе. Нашъ капитанъ, бывало, сидитъ во рву на барабанѣ, подопрется руками и храпитъ.

— Капитанъ! Нагнитесь ниже!

— А?

— Нагнитесь пониже! Голова не закрыта!

Махнетъ рукой и опять храпъ, да такой здоровый и сладкій, что перестаешь вѣрить въ опасность пуль!.. А то былъ случай: сосѣдъ прикурнулъ въ окопѣ, прикрывшись шинелью, мнѣ понадобились спички, я хотѣлъ попросить у сосѣда,—взялъ его за руку, а рука—холодная... Мертвъ!.. Все смерть, смерть, смерть... Теряетъ она здѣсь свое величіе и дѣлается совсѣмъ незначительной... Былъ случай смерти, однако, который на всѣхъ подѣйствовалъ сильнѣе, чѣмъ смерть отъ врага: одинъ командиръ покончилъ съ собой, узнавъ, что въ темнотѣ онъ открылъ стрѣльбу по своимъ братьямъ...

Подъ окномъ появился денщикъ—здѣсь называютъ ихъ «ординарцами» и выбираютъ не негодныхъ къ строевой службѣ и безтолковыхъ, а самыхъ лучшихъ, расторопныхъ, грамотныхъ и смышленыхъ, ординарцы часто гибнутъ со своими офицерами на передовыхъ позиціяхъ—появился денщикъ подъ окномъ и показываетъ какую-то одежду.

— Что такое?

— Выдали турецкую пару: штаны и куртку. Турки оставили намъ столько аммуниціи, что мы можемъ переодѣть большинство своихъ полковъ. Отличная аммуниція. Все—германской работы и сдѣлано очень добросовѣстно... Потрудились для насъ нѣмцы при всемъ своемъ нежеланіи!..

Когда я сталъ разсматривать куртку, меня передернуло: на подкладкѣ—сгустки запекшейся крови!.. Снаружи небольшое отверстіе, а внутри все залито человѣческой кровью... Однако, какъ привыкаетъ къ ней человѣкъ на войнѣ!

— Въ крови!—говорю, отдавая денщику куртку, а тотъ, нимало не смущаясь, не понявъ моего замѣчанія, съ удовольствіемъ отвѣчаетъ:

— Турска кравъ!..

И довольно улыбается...

Спѣшимъ на станцію.

— Поѣздъ будетъ?

— Кончаютъ починку локомотива. Черезъ часъ или два, вѣроятно, двинемся.

Усаживаемся около чинящагося локомотива, который уже растапливается, и радуемся, когда машинистъ производитъ нѣчто похожее на свистокъ...

Всѣ рады. Нѣкоторые аплодируютъ. Собираютъ поѣздъ. Только одинъ третьеклассный вагонъ, остальные—товарные, забитые военнымъ грузомъ. Въ классномъ ѣдетъ въ Чорлу военно-полевой судъ. Насъ съ секретаремъ усаживаютъ съ судомъ. У судей лица, какъ и у нашихъ, смиренныя, добрыя, самыя христіанскія... Точно изъ духовнаго званія...

Поѣздъ идетъ въ Чорлу, поэтому намъ предстоитъ пересадка и ожиданіе... Увы, сегодня не пріѣдемъ въ милую Демотику!.. Ночью прибываемъ въ Алпулю и часа два не можемъ найти пристанища. Томленіе духа... Некуда преклонить голову...

...Слава Богу! Поѣздъ на Демотику! Милая Демотика, теперь-то ужъ ты въ нашихъ рукахъ,—доберемся. А тамъ посмотримъ куда лучше: подъ Чаталджу или подъ Одринъ... Какое счастье: есть первоклассный вагонъ и народу очень мало. Занимаемъ отдѣльное купэ съ бархатнымъ малиновымъ сидѣньемъ и испытываемъ блаженство культурнаго человѣка, попавшаго въ благопріятную обстановку современнаго комфортабельнаго путешествія. Не бѣда, что окна съ обѣихъ сторонъ выбиты и двери плохо запираются. Жадно усѣлись на диваны и засѣли крѣпко. Не сдвинешь! Ну, поѣхали!!.. Милая Демотика! Черезъ шесть часовъ мы увидимъ, наконецъ, тебя и сможемъ сообщить Василію Ивановичу, жива ты, или отъ тебя остались однѣ развалины, а пре-

красныя гречанки частью бѣжали, частью озвѣрованы турками и баши-бузуками... Жаль, погода испортилась: дождь, сыро и мозгло. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Вечеромъ проходимъ вдоль берега Марицы, разлившейся широкими безбрежными болотами по низинамъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Туманъ все гуще, холоднѣе, проникновеннѣе... Скоро мы вступаемъ въ такія густыя облака тумановъ, что все впереди и по сторонамъ исчезаетъ... Словно плывемъ по небу въ облакахъ... Холодно и вѣетъ лихорадкой, малярiей... Свистокъ. Неужели—милая Демотика?..

— Демотика!

Полное разочарованіе! На низинѣ, въ непролазной грязищѣ, стоитъ одинокій вокзалъ и ждутъ, изнывая, какъ изнывали мы, поѣзда военные и чиновники...

— Ба! Вы куда? Позвольте познакомить: русскій подполковникъ П.

Неожиданная встрѣча: корреспондентъ Семеновъ.

— Куда вы?

— Мы въ Демотику, а вы?

— Мы оттуда... Не совѣтуемъ... Грязища, нечѣмъ питаться, вода скверная, санитарныя условія — самыя турецкія, а главное—можете застрять сутокъ на шесть: холера и тифъ!

Разговариваемъ подробно и обстоятельно, и мы соглашаемся, что ни въ Демотику, ни въ Чаталджу нѣтъ никакого расчета ѣхать...

— Да, кромѣ всего описаннаго, тамъ теперь и неинтересно. Теперь самое интересное—Одринъ!—утѣшаетъ русскій подполковникъ. Хорошо бы, конечно, проѣхать туда черезъ Демотику, но скорѣе попадете черезъ Лозенградъ...

Перенести столько мукъ и снова вернуться въ Лозенградъ!—это тяжело...

— Судьба играетъ человѣкомъ!

— А вы куда?

— Мы— въ Деде-Агачъ. Тамъ сдался девятитысячный остатокъ турецкой македонской арміи, взято нѣсколько горныхъ батарей, до 1600 лошадей... Каково было узнать туркамъ, что ихъ держалъ всего четырехтысячный отрядъ непріятеля! Если бы они знали!..

Одно утѣшеніе: у станціи стоитъ поѣздъ, направляющійся въ Лозенградъ. И это рѣшило вопросъ окончательно: мы сѣли на встрѣчный поѣздъ. Такъ и не удалось намъ пожить въ милой Демотикѣ, о которой мы, впрочемъ, получили, вопреки рекомендаціи Василія Ивановича, самый нелестный отзывъ:

— Грязнѣе и вонючѣе Демотики мы рѣдко встрѣчали городъ!

На разсвѣтѣ прибыли въ Лозенградъ и, просидѣвъ на своихъ чемоданахъ до семи утра, направились опять къ своимъ кормильцамъ. Вы не можете представить того изумленія, съ которымъ мы были встрѣчены нашими пріятелями!..

Потираютъ спросонья глаза, не вѣрятъ, думаютъ, что—во снѣ.

— Мы рѣшили сдѣлать еще вамъ пару радостей! Встрѣчу и проводы!

— Въ чемъ же, господа, дѣло?

Объяснили. Должно быть, они потеряли всякое терпѣніе и надежду съ нами разстаться: сейчасъ же дали намъ повозку артиллерійскаго обоза, на которой мы и поѣхали въ село Эннидже, гдѣ надѣялись на помощь коменданта Ивана Федоровича, съ которымъ сдружились при проѣздѣ изъ Кизилъ-Агача. Предстоитъ объѣхать Одринъ съ восточной и сѣверной стороны...

— Хайде! Хайде!

XIV.

До Энидже опять на буйволахъ... Однако, военная повозка и военные артиллерійскіе буйволы совсѣмъ не то, что обозные, на которыхъ мы ѣхали отъ Ямбола до Лозенграда: повозка приспособлена для перевозки военныхъ припасовъ, сравнительно небольшая и легкая, а буйволы—крѣпкіе, кормленные и идутъ довольно охотно. Положивъ доску поперекъ телѣги, мы съ секретаремъ сидимъ, какъ преступники, которыхъ везутъ на казнь: высоко и гордо... День пасмурный, облачный... Разбираетъ злость: хочется быть поскорѣе около Одрина, который, по слухамъ, долженъ пасть въ самомъ ближайшемъ будущемъ, а буйволъ вѣренъ самому себѣ... Ему нѣтъ никакого дѣла до Одрина, онъ шагаетъ размѣреннымъ, подобнымъ часовому маятнику, шагомъ и ему рѣшительно все равно: падетъ Одринъ или не падетъ... Тупая, проклятая скотина!

— Ткни его въ чувствительное мѣсто!

Даже соотвѣтствующій тычекъ не производитъ желательнаго впечатлѣнія!..

Словно не живое существо, а какая-то примитивная машина, въ родѣ изобрѣтеннаго русскимъ кустаремъ «перпетуумъ мобиле»...

По дорогѣ еще валяются тамъ и сямъ побросанныя при отступленіи турками гранаты, павшіе лошади и волы, стаи собакъ носятся по полямъ, черное воронье кружится надъ падалью... Возница-солдатъ разсказываетъ о вчерашнемъ несчастіи: проѣзжавшій крестьянинъ поднялъ гранату и, прельстясь мѣдной гильзой ея, сталъ освобождать послѣднюю отъ ядра. Дѣлалъ онъ это самымъ простымъ способомъ: объ дерево... Послѣдовалъ взрывъ и крестьянина убило на мѣстѣ:

— Тука палъ!

Давно уже собираютъ побросанные турками военные запасы, а собрать все еще не могутъ.

Навстрѣчу тянутся караваны обозовъ со снарядами, печенымъ хлѣбомъ, миссіями Краснаго Креста... Медленно поспѣшаютъ!.. Даже для Краснаго Креста, въ которомъ ощущается такой недостатокъ, нѣтъ исключенія: на быкахъ... Печально плетутся сестры милосердія, въ унисонъ съ своими быками, а тамъ гдѣ-то умираютъ люди безъ помощи... Какіе послѣдовательные, разсудительные люди эти болгары! Мы, русскіе, въ сравненіи съ ними, самые неисправимые романтики! Если наши русскіе отряды ѣдутъ въ Болгарію, то каждый членъ Краснаго Креста, особенно женщины, горятъ жаждой подвига, самопожертвованія, стремятся непремѣнно на «передовыя позиціи»... Увы, никакихъ иностранцевъ, даже и русскихъ, находящихся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, болгары не пускаютъ на «передовыя позиціи»! Тамъ работаютъ только «свои». А такъ какъ собственный персоналъ незначителенъ, а быстрота войны и боевъ изумительная, то, кромѣ примитивныхъ фельдшерскихъ перевязокъ, раненые долго ничего не получаютъ, и сравнительно легкія раны часто кончаются гнилостными зараженіями, потерей конечностей и часто смертью... Объ этомъ мнѣ говорили и на это сѣтовали въ русскихъ миссіяхъ Краснаго Креста въ Лозенградѣ. Что же, болгары предпочитаютъ десять процентовъ лишней смертности посвященію иностранцевъ въ свои «военныя семейныя дѣла». Странно было бы дѣлать исключеніе для русскихъ романтиковъ, пришлось бы вообще допускать чужой Красный Крестъ на передовыя позиціи. А болгары строго блюдутъ «военную тайну», что послужило, между прочимъ, причиной остраго конфликта съ русскими корреспондентами... Если бол-

гары рѣшили поступать извѣстнымъ образомъ,—никакихъ исключеній! При отъѣздѣ изъ Лозенграда въ Демотику я встрѣтился съ корреспондентами двухъ вліятельныхъ русскихъ газетъ, петербургской и московской: оба возмущены недовѣріемъ, пылаютъ жаждой мести и грозятъ, по пріѣздѣ въ Россію, разоблаченіями... Оба одѣты въ русскую офицерскую форму, съ кокардами и никкелированными шпорами...

— Меня, бывшаго офицера русскаго генеральнаго штаба, лишаютъ права обѣдать при главной квартирѣ вмѣстѣ съ болгарскими офицерами! И это въ то время, когда я, имѣя возможность напакостить, старался поднять дѣло Болгаріи... Я считаю это личнымъ оскорбленіемъ! Какъ только я переѣду границу, я покажу имъ!

Цензора дѣйствуютъ на основаніи инструкціи, выработанной главнымъ штабомъ арміи, и, право, мнѣ жаль ихъ: многіе корреспонденты, скучая отъ бездѣлья, сдѣлали изъ руготни съ цензорами безплатное развлеченіе. Въ результатѣ вышло распоряженіе сдавать и получать процензурованную корреспонденцію чрезъ третье нейтральное лицо...

Дѣйствительной ошибкой, допущенной въ данномъ случаѣ штабомъ арміи, я считаю разрѣшеніе господамъ цензорамъ быть въ то же время корреспондентами своихъ и иностранныхъ газетъ. Сидитъ цензоръ съ красной повязкой корреспондента и читаетъ телеграммы и письма своего сотоварища, а иногда и конкурента. Это неудобно и вызываетъ раздраженіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда видишь содружество простого корреспондента съ корреспондентомъ-цензоромъ.

Въ полдень пріѣхали въ Энидже и остановились у своего знакомаго уже коменданта, Ивана Федоровича Велкова. Обрадовался, словно дѣдушка, увидавшій своихъ внуковъ...

— А я ужъ не надѣялся... Вчера проѣзжали русскіе корреспонденты и сказали мнѣ, что вы поѣхали на югъ и съ юга проберетесь въ Мустафу...

— Кто тамъ? Хайде!

Привели бѣженца изъ Одрина. Комендантъ чинитъ допросъ, а секретарь мнѣ переводитъ, ибо при быстромъ темпѣ разговора я перестаю понимать. Болгаринъ, солдатъ, взятый турками въ плѣнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. При наступленіи къ Лозенграду отъ Кизилъ-Агача, послѣ удачнаго для болгаръ боя, отсталъ отъ своихъ и въ наступившей темнотѣ сбился съ дороги. Набрелъ на пустую деревню и рѣшилъ, что здѣсь переночуетъ, а на разсвѣтѣ отыщетъ своихъ. Утромъ просыпается, идетъ по деревнѣ и натыкается на турецкій разъѣздъ...

— Спросите: испугался?

Очень испугался. Думалъ—пропалъ, приколятъ... Оказалось, что не прикололи и не избили, а отвели къ офицеру и тотъ, послѣ допроса, отправилъ плѣнника въ Одринъ. Здѣсь его держали въ запертомъ сараѣ двадцать дней, затѣмъ стали посылать на работы на передовыхъ позиціяхъ. Однажды, когда партія плѣнныхъ христіанъ вышла подъ небольшимъ конвоемъ на работу (окопы), началась бомбардировка, одна граната упала поблизости и разорвалась. Всѣ, и плѣнники и конвойные, разбѣжались въ стороны. Другая граната упала ближе къ конвою и тотъ побѣжалъ еще дальше. Тогда четверо изъ христіанъ, воспользовавшись смятеніемъ конвоя при паденіи третьей гранаты, кинулись еще дальше отъ конвоя и рѣшили уже не останавливаться.

— Хлѣба давали?

— Немного, только чтобы не умереть.

— Въ городѣ рѣзали христіанъ?

— Не видалъ, не знаю...

Всѣ попытки узнать что-нибудь интересное изъ жизни осажденнаго города не привели къ желанному результату: знаетъ только, что въ городѣ много зерна, работала мельница, голода нѣтъ. Бѣжалъ онъ 13 ноября.

Приходятъ два мѣстныхъ героя: кметъ и священникъ, оба много лѣтъ состояли въ комитетѣ одринскихъ македонцевъ и были приговорены къ смерти, но вмѣшательство державъ подоспѣло во-время и они были освобождены изъ тюрьмы. Поразилъ меня священникъ: положительно нашъ былой горячій народоволецъ! Ничего отъ духовнаго званія не замѣчается. Черные глаза вспыхиваютъ огнями, жесты—самые свѣтскіе, высокій, стройный, скорѣе похожъ на нашего кавказскаго горца. Гордится, что истребилъ много турокъ. Не разстается и теперь съ ружьемъ: ночью оно около постели, днемъ прячется за косякъ двери. Сперва онъ былъ учителемъ, но потомъ много лѣтъ—четникомъ.

— Нѣсколько лѣтъ не раздѣвался!

— Какъ? Почему?

— Всѣ мы спали, не раздѣваясь... Сегодня здѣсь, завтра тамъ. Снимешь только кожаные лапти, натрешь ноги вазелиномъ и опять маршъ по горамъ и ущельямъ.

— Давно священникомъ?

— Четыре года. При вступленіи въ санъ призвалъ меня митрополитъ и говоритъ:

— Теперь тебѣ надо бросить революціонную работу!

Я снялъ съ головы поповскую шапку и сказалъ:

— Тогда мнѣ не надо этой шапки!

— Когда турки были въ Энидже, вы находились здѣсь же?

— Здѣсь! Въ моемъ домѣ жили турецкіе офицеры!..

— Ну, какъ? Прошло благополучно?

Попъ Стоянъ смѣется. Разсказываетъ про турокъ:

— Они какъ дѣти! Ихъ обмануть ничего не стоитъ! Попросятъ хлѣба, я имъ дамъ хлѣбъ съ масломъ, попросятъ яицъ, я имъ—яицъ и курицу! А ужъ если турокъ поѣстъ въ вашемъ домѣ пищи, онъ никогда не сдѣлаетъ вамъ зла... Простой народъ у нихъ очень трудолюбивъ, честенъ... Но азіаты! Легко раздражаются и не считаютъ грѣхомъ убить безъ всякаго повода гяура. За каждаго убитаго гяура имъ на томъ свѣтѣ будетъ отпущена лишняя дѣвушка!..

Попъ Стоянъ весело хохочетъ:

— Но теперь ихъ не соблазняетъ и это удовольствіе: бѣгутъ съ поля сраженія безъ оглядки и не хотятъ попадать въ рай!.. Четверыхъ христіанъ въ сосѣдней деревнѣ убили... Одного вашего, русскаго!

— Какъ онъ сюда попалъ?

Попъ Стоянъ съ умиленіемъ разсказываетъ о старикѣ-солдатѣ, Иванѣ Семеновѣ, родомъ изъ Смоленска. Остался онъ въ Болгаріи послѣ русско-турецкой войны,—заболѣлъ тифомъ, да такъ уже и не вернулся на родину. Жилъ бобылемъ, занимался сапожнымъ ремесломъ. Дома своего не имѣлъ, а переходилъ изъ избы въ избу и чинилъ обувь,—за это его кормили и поили. Всѣ окрестныя деревни его знали и любили. Славный былъ старикашка, веселый, забавникъ. но очень гордо держалъ себя съ турками. Пришли турецкіе жандармы, увидали его:

— Ты—комитъ (революціонеръ)?

— Не комитъ, а Божій человѣкъ!

— Почему же ты не носишь фески? Тебя надо разстрѣлять!

Старикъ снялъ свою шапку, надѣлъ ее на руку и говоритъ:

— Ежели дѣло въ шапкѣ, такъ нате! разстрѣляйте! Только смотрите!—шапка русская...

Поругался съ жандармами. Ночью его убили спящимъ въ сараѣ: пулей въ грудь и порубили саблей лицо...

— Всѣ жалѣютъ старика... Была у него берданка, отдалъ четникамъ бить турокъ.

Она въ сосѣднемъ селѣ. Если отыщемъ, пришлемъ ее вамъ въ Россію на память о дѣдушкѣ Иванѣ...

Стало тихо. Всѣ примолкли. И вдругъ въ тишинѣ часы съ музыкой заиграли «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста»... Иванъ Федоровичъ какъ-то сконфузился и направился къ часамъ:

— Ребята сунули въ чемоданъ... Я и не зналъ... А теперь вотъ... Прилягу иногда на полчасика и поставлю будильникъ.

Иванъ Федоровичъ хотѣлъ остановить музыку.

— Оставьте! Пусть играетъ!..

Часы разъ десять сыграли «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста», а я слушалъ и слушалъ съ неослабѣвающимъ удовольствіемъ эту кроткую сентиментальную музыку, которая такимъ рѣзкимъ диссонансомъ ворвалась въ наши выкрашенные человѣческой кровью разговоры... Вспоминались родныя поля, застѣнчивыя березки, жаркіе лѣтніе дни, гладь луговой рѣчки съ кувшинками... Заболѣло сердце по родинѣ!..

Кончилась музыка... А молчаніе продолжается.

— Кто тамъ? Хайде!

— Привели, господинъ комендантъ!

— Сега, сега! Чака!

Привели изъ-подъ ареста воровъ: угнали быка и были пойманы солдатами. Время военное и судъ военный. Крестьянину и мальчику лѣтъ 15 грозитъ большое наказаніе. Сердце у Ивана Федоровича—мягкое...

— Что мнѣ съ ними дѣлать? Жалко отдавать подъ судъ... Побить нагайкой! Простите, но долгъ, служба... Оставить безъ наказанія нельзя...

Всѣ вышли на крыльцо. Стоятъ съ поникшими главами воры: большой и маленькій; на глазахъ послѣдняго слезы. Рядомъ солдатъ съ нагайкой.

— По закону васъ надо подъ судъ, а судъ у насъ теперь полевой, разстрѣлять могутъ!—строго говоритъ по-болгарски комендантъ.

Мальчикъ отираетъ слезы:

— Надо пахать поле... Забрали турки воловъ...

— Тебѣ—пятьдесятъ, тебѣ—десять!—постановляетъ комендантъ, а солдатъ съ нагайкой ворчитъ, что мало...

— Лучше не смотрѣть. Идемъ!—говорю секретарю, и мы повертываемся, чтобы уйти въ комнаты.

— Погодите, господа! Мнѣ и самому непріятно... Ну, вотъ что... Слушайте! Вотъ это русскіе, они очень жалѣютъ и просятъ за васъ. Прощаю васъ для нашихъ дорогихъ гостей, но предупреждаю, что если вы будете пойманы еще разъ, я васъ разстрѣляю.

Уфъ! Какъ гора съ плечъ! Смотрю на удаляющихся воровъ: мальчикъ торопится, подпрыгиваетъ, боится, должно быть, чтобы не передумали и не воротили...

— Часто случаются кражи?

— Первый случай... Никогда не было... Пахать имъ надо, а не на чемъ. Плохо здѣсь насчетъ этого. Большинство полей останутся пустыми. У насъ, въ Болгаріи, были приняты мѣры: образованы особыя «содруженства», въ родѣ вашей «помочи». Оставшіеся дома скопомъ работаютъ надъ землей ушедшихъ на войну, правительство помогаетъ сѣменами, плугами и ссудами. У насъ война не помѣшала земледѣлію, а вотъ здѣсь... Бѣда будетъ здѣсь!.. Теперь поздно, ничего не предпримешь...

— Ну, а какъ намъ быть дальше? На волахъ?

— Погодите... Переночуйте, а я постараюсь отыскать вамъ лошадокъ...

— Милый Иванъ Федоровичъ!

— Да погодите благодарить: можетъ быть, удастся, а можетъ...

Совѣщаніе съ кметомъ и священникомъ. Есть надежда. Будутъ искать. Проболтали до ужина, накормилъ насъ Иванъ Федоровичъ и уложилъ спать.

А утромъ у крыльца комендантства стояла пара маленькихъ болгарскихъ лошадокъ и небольшая повозка.

— Свою повозку вамъ даю...

— Спасибо!

Напились чаю, закусили, сняли фотографію съ нашихъ друзей и распрощались. Поѣдемъ по новому маршруту, ближайшими дорогами, иногда очень близко отъ Одрина... Жаль только, что погода скверная: сыро, мороситъ дождь, облачно... Похоже на конецъ нашего сентября... И еще жаль, что нѣтъ здѣсь нашихъ колокольчиковъ, помогающихъ коротать дорогу въ смутныхъ думахъ и воспоминаніяхъ... И не поютъ ямщики пѣсенъ...

XV.

Прошелъ стезей кровавою жестокій Богъ войны, и отъ европейской Турціи, по крайней мѣрѣ, въ той ея большой части, которую мнѣ пришлось увидѣть, остались однѣ развалины. Мерзость запустѣнія! Пустыя заброшенныя поля, разрушенныя и пожженныя деревни, всюду окопы и окопы, политые человѣческой кровью, обглоданныя туши и скелеты убитыхъ и павшихъ лошадей и воловъ, свѣжіе холмы наскоро зарытыхъ труповъ, и собаки, рыскающія по полямъ въ поискахъ мертвечины... По горизонтамъ кое-гдѣ клубится дымъ пожаровъ, стаями плаваетъ воронье, къ услугамъ котораго собаки приготовили изобильныя пиршества изъ

человѣческаго мяса... Тутъ, между Энидже и Одриномъ, особенно много воронья и собакъ...

— Останови коней!

Слѣзли и пошли въ глубину поля, гдѣ надъ стаей собакъ вилась стая воронья... Омерзительная картина... Не боятся, проклятыя!

— Ну, стрѣляемъ!

Два выстрѣла изъ револьвера, собаки кидаются въ стороны и, отбѣжавъ на приличную дистанцію, останавливаются и смотрятъ злобно и хищно, ожидая, когда мы уйдемъ...

Подходимъ и видимъ: все ямы, ямы, ямы, и на глубинѣ какихъ-нибудь двухъ четвертей выглядываютъ обгрызенныя человѣческія конечности, изъѣденныя человѣческія лица, а около ямъ—тонкія человѣческія кишки, какъ сѣрыя веревки, растянутыя собаками во всѣ стороны...

— Снимите фотографію!

Отвертываюсь... Человѣческая природа возмущена этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, трупный запахъ вызываетъ тошноту, и такъ мерзко становится и на душѣ...

— Готово!

— Турки, кажется?

— Турки! Только турки!

Торопились, некогда было зарывать поглубже... Раздолье воронью и собакамъ! А что будетъ весной, когда собаки обнажатъ все это человѣческое кладбище, а знойное южное солнце начнетъ печь его своими раскаленными лучами?!. Торопливо отходимъ къ дорогѣ, а собаки снова подбѣгаютъ и тянутъ человѣческія кишки въ разныя стороны, отнимая ихъ другъ у друга...

— У, проклятыя!

Выстрѣлъ,—одна изъ собакъ воетъ и кружится на мѣстѣ... Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Не знаю... Теперь страш-

но жаль собаку и стыдно за свою жестокость... Развѣ виновата собака, что люди валяются, какъ дохлыя собаки?

— Напрасно я... Чортъ меня дернулъ!

Ѣдемъ, а позади раздается жалобный вой раненой собаки. Обернулся: собака лежитъ, а всѣ другія издали смотрятъ на нее и удивляются... Хочется заткнуть уши, чтобы не слышать жалобнаго плача несчастной собаки...

— Вотъ и я учинилъ «звѣрство»!.. Гони коней!..

Гнать, однако, нельзя: грязища непролазная. Маленькія лошадки напрягаются изо всѣхъ силъ, вытаскивая телѣгу изъ липкаго тѣста чернозема и глины... Приходится вылѣзть и итти пѣшкомъ. Дѣло это нелегкое: на ногахъ образуются такіе наросты, что черезъ каждыя пять минутъ приходится останавливаться и освобождать ноги отъ липкой грязи. Но и это трудно: глинистый черноземъ, смѣшанный съ разбросанной соломенной требухой, которой кормятъ по дорогамъ обозныхъ быковъ, образуетъ своего рода глинобитную постройку... Приходится раскачать ногу и рѣзко выбросить ее впередъ. Тогда глыба грязи отлетаетъ и становится такъ легко, словно съ грязью оборвалась и сама нога...

— Вѣрно ли ѣдемъ? Тутъ, кажется, и дороги нѣтъ...

— Какія тутъ дороги! Видно, что обозы шли... Дорогъ не было...

— Почему же не видать обозовъ?

— Намъ дали другой маршрутъ...

— Возница! Дорогу знаешь?

Не знаетъ. Въ первый разъ ѣдетъ. Дали берданку, патроновъ—и съ Богомъ!.. До захода солнца плелись по невылазной горѣ, боролись съ глинобитными постройками на ногахъ и уморились. Деревня Арпачъ... Справа, какъ розоватый драгоцѣнный камень, высится гора Полесъ-Тепе... Изумительно красиво! На фонѣ си-

нихъ небесъ розоватая, прозрачная какая-то глыба съ рѣзко очерченнымъ остроуглымъ профилемъ... Оттуда, съ этой горы, наступали болгары къ Киркилисе... Тамъ, подъ горой, знаменитая деревушка Петри... Кладбище. Остроконечные камни.

— Турецкое?

— Нѣтъ, христіанское! Болгарское.

— Почему же нѣтъ крестовъ? Не отличишь отъ магометанскаго...

— Турки запрещали ставить кресты, ломали ихъ... Кресты стали дѣлать на камняхъ и то только лѣтъ пять тому назадъ.

Всматриваюсь въ остроконечные камни и вижу на нѣкоторыхъ изъ нихъ начертанные крестики...

Проголодались, заѣхали въ корчму. Пока кипятили воду для чая и кормили уставшихъ, мокрыхъ, похожихъ на мышей, лошадокъ, стемнѣло. Заходили въ корчму солдаты и пытливо разспрашивали, кто мы, куда ѣдемъ, почему ѣдемъ этой дорогой? Появился попикъ и тоже попытался опредѣлить, какой мы національности... Странный пріемъ! Впервые еще замѣчаю такое недовѣріе.

Закусили и отправились дальше. Было уже темно, накрапывалъ мелкій дождь, и изъ горныхъ долинъ тянуло пронизывающей сыростью. Рѣзкая перемѣна погоды: вѣтеръ съ сѣвера и конецъ теплу. Въ Энидже сидѣли вчера вечеромъ на крылечкѣ въ однихъ пиджакахъ и пили чай, а теперь впору—въ моей верблюжей курткѣ подъ кожаной.

Не проѣхали трехъ верстъ, какъ позади окрикъ. Что такое? Окрикъ повторился строже, и возница остановилъ лошадей...

— Въ чемъ дѣло?

Насъ нагналъ верховой солдатъ съ винтовкой за пле-

чами и вступилъ въ рѣзкія пререканія съ нашимъ возницей.

— Въ чемъ дѣло?

— Требуетъ пропускъ!

Нечего дѣлать, вытаскиваю документы: паспортъ, пропускъ отъ главной квартиры. Ничто не помогаетъ! Не знаемъ пароля... Какой пароль? Зачѣмъ?

— Если бы самъ царь поѣхалъ, и то бы я задержалъ! Долгъ службы...

— Ну, мы поѣдемъ другой дорогой!

Тоже нельзя. Ни туда, ни сюда!

— Что же ты будешь съ нами дѣлать?

— Отвезти долженъ въ полевой штабъ. Здѣсь никому нельзя проѣзжать!

Ну, заѣхали! Хорошо, что патруль перехватилъ, а то, чего добраго, еще прокатили бы прямо въ Одринъ, къ туркамъ... Въ штабъ, такъ въ штабъ! Нѣтъ худа безъ добра: эта случайность даетъ намъ возможность побывать близко къ мѣсту сраженій.

Ѣдемъ подъ конвоемъ часъ, другой, спускаемся съ горы въ лощину, и передъ нами въ скрытой лощинкѣ городокъ: огоньки, огоньки, ржанье лошадей, какіе-то дикіе гортанные выкрики.

— Что это?

— Лагерь дивизіи...

Такъ вотъ гдѣ сокрыты пути, которыми опутанъ теперь Одринъ со всѣхъ сторонъ! Ползаютъ синіе мечи Одринскихъ прожекторовъ по холмамъ, какъ глаза сказочнаго звѣря поводятъ зрачками въ разныя стороны, но, упираясь въ вершины холмовъ, не могутъ заглянуть въ глубь лощины, гдѣ прячется лагерь...

Въ темнотѣ, на свѣтломъ фонѣ лагерныхъ огней, рисуются красноватые силуэты человѣческихъ фигуръ; полонъ таинственности и загадочности этотъ спрятав-

шійся человѣческій муравейникъ съ осторожными огоньками...

— Който?

Патруль. Останавливаетъ, тихо переговаривается съ нашимъ конвойнымъ, мы молчимъ.

— Хайде!

Проѣзжаемъ саженъ сто,—опять та же исторія... Это какъ-то волнуетъ, настраиваетъ на особенный необычный ладъ, смутно безпокоитъ и притягиваетъ своей неопредѣленностью положенія.

— Нѣмци?

— Русски!

— Чакайте! (подождите!)

Ждемъ. Спустя четверть часа появляются болгарскіе офицеры, знакомимся разсказываемъ свою одиссею. Говорятъ по-русски. Заѣхали въ недозволенное мѣсто! Даютъ намъ двухъ конныхъ конвойныхъ и предлагаютъ поскорѣе выбираться за линію осажденія.

— Съ Богомъ!

— Съ Богомъ!

— Браво!—провожаютъ насъ возгласы офицеровъ. (Болгары очень любятъ этимъ словечкомъ высказывать свое удовольствіе и одобреніе).

Проѣзжаемъ лагерь. Пожираю глазами городокъ изъ палатокъ, около которыхъ горятъ небольшіе таинственные огни и сидятъ группами солдаты. Палатки на возвышеніи, а кругомъ лужи и болота, въ которыхъ отражаются безчисленные огоньки. Довольно тихо. Только изрѣдка — лошадиное ржанье и окрики кавалеристовъ... Темень, хоть глаза выколи! Проѣхали лагерь и очутились въ черной безднѣ ночи. Дороги никакой! Ямы, буераки, грязища, омуты воды. Конвойные впереди, и только по ихъ темнымъ силуэтамъ нашъ возница направляетъ ныряющую, готовую каждую минуту

опрокинуться, телѣгу. Нѣтъ силъ у лошадокъ: останавливаются, тяжело дышатъ, не обращаютъ вниманія на сердитый крикъ и удары палкой... Ночуй хоть прямо тутъ, въ морѣ грязи!..

Только полверсты отъѣхали отъ лагеря. Дальше невозможно. Маленькая заброшенная жителями деревушка Демаранія. Тутъ солдаты пекутъ хлѣбъ, рѣжутъ овецъ.

— Давайте здѣсь ночевать!

Конвой противится: ему приказано вывести насъ за линію осажденія, до деревни Артакчи.

— Но вы видите, что кони не могутъ итти!.. Тогда ведите насъ пѣшкомъ въ штабъ!

Послѣ небольшихъ препирательствъ конвой соглашается ночевать съ нами въ деревушкѣ Демаранія. Останавливаемся въ небольшой избенкѣ, обращенной въ солдатскую хлѣбопекарню. Въ другой половинѣ жмутся хозяева, сперва бѣжавшіе, но теперь вернувшіеся на родное пепелище: хозяйское сердце не выдержало, и старуха, старикъ и двѣ булки живутъ около солдатъ и помогаютъ имъ стирать бѣлье, печь хлѣбъ и пр.

Усталость во всемъ тѣлѣ. Побросали вещи и разсѣлись на глиняномъ полу около растопленнаго «камина» (очагъ съ прямой трубой въ небо, съ заслономъ изъ грубой крестьянской ткани отъ дыма). Вскипятили чайникъ, напились сами чаю и напоили всѣхъ окружающихъ... Разсѣлись въ кружокъ и только было занялись разговорами объ осадной жизни, какъ прогремѣло первое орудіе.

— Вотъ тебѣ и премиріе!—сострилъ солдатъ.—Въ Чаталджѣ, говорятъ, не воюютъ, а у насъ... Два дня не было, а вотъ опять...

— Бумъ! умъ умъ, умъ.

Одинъ, другой, третій ударъ... И началась канонада, отъ которой дрожала изба и наши внутренности... Всѣ

высыпали на дворъ... Что такое? На фонѣ орудійныхъ ударовъ и громыханія словно градъ въ желѣзную крышу? Безостановочно и такъ близко, словно совсѣмъ рядомъ?

— Ружья и пулеметы!

— Но почему такъ близко?

— Тутъ всего три километра до боевой линіи.

— Однако...

Безпокойство ползало на душѣ и все разрасталось по мѣрѣ разрастанія боя. Въ черной мглѣ ночи взвивались къ небесамъ ракеты, огненные взоры прожекторовъ ползали медленно во всѣ стороны, и когда останавливались, направленные въ нашу сторону, то казалось, что чудовище смотритъ огненнымъ глазомъ прямо на тебя, видитъ и хочетъ пожрать!.. Трудно передать это ощущеніе словами: отъ него жутко и почему-то пріятно!.. Бой все разрастается: идетъ уже на двухъ сегментахъ изъ четырехъ... На сосѣднемъ съ нами и противоположномъ. Не перешелъ бы на нашу сторону, и тогда...

— Эге! Надо на всякій случай опять осѣдлать коней!—полушутливо-полусерьезно говорятъ наши конвойные между собой по-болгарски.

Но обостренный слухъ и обостренное пониманіе говорятъ мнѣ по-русски, что дѣло скверно! Они вскочатъ на коней и умчатся въ темноту ночи, а вотъ мы... Куда ускачешь на заморенныхъ лошаденкахъ, безъ сѣделъ, въ такой чортовой темнотѣ?

— Вольдемаръ!

— Ну?

— О чемъ вы думаете?..

— Чемоданы эти, чортъ бы ихъ побралъ!

Очевидно, мысль у насъ одна и та же: какъ быть, если придется утекать?..

— Ой, какъ! Лучше не слушать!—шепчетъ булка и прячется въ избу.

И мы всѣ возвращаемся туда и, сжавшись, стараемся шутить и высказывать какъ можно больше храбрости... А не терпится: такъ и тянетъ на дворъ. Кто-нибудь выйдетъ, растворитъ дверь, и снова въ ушахъ затрещитъ отъ пулеметнаго и ружейнаго огня. Не знаю почему, но этотъ частый дождь изъ пуль производитъ болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ громъ орудій... Кажется, что отъ такого свинцоваго дождя не можетъ спастись ничто живое...

Тянетъ на дворъ. Не могу... Опять ракеты, безпрерывныя вспышки орудійнаго огня, и какъ зарницы въ небесахъ. Бываютъ иногда жаркимъ лѣтомъ проходящія стороною грозы. Льетъ какъ изъ ведра проливной крупный дождь, а въ небесахъ, не переставая, блещутъ въ разныхъ концахъ по горизонту и въ тучахъ вспышки молній... Выстрѣлы орудій—громъ, пулеметовъ и ружей—проливной дождь, вспышки огней—молніи. Идетъ гроза все ближе и ближе. Конвойные слѣдятъ за сигнальными ракетами и говорятъ о томъ, не пришлось бы и ихъ дивизіи вступить въ бой. Вотъ влѣзли! И жутко, и пріятно, и животный страхъ шевелится все сильнѣе... Лучше сидѣть въ избѣ и не смотрѣть...

Старуха прижалась у косяка, покачиваетъ головой и вздыхаетъ. Непріятно дѣйствуютъ эти старушечьи вздохи... Ну, завыла еще на дворѣ собака!.. Всѣмъ непріятно. Булка бѣжитъ унять собаку, а она, проклятая, убѣжала на зады и гдѣ-то тамъ, въ темнотѣ, жалобно плачетъ... Сижу на чемоданѣ и думаю: должно быть, дѣло плохо... Не выходитъ изъ головы братъ, убитый въ войну съ японцами при Вафангоу. Должно быть, вотъ такъ же трещали тогда пулеметы и гремѣли орудія... Развѣ тутъ можно остаться живымъ?! Смотрю на

старуху: сжалась въ комочекъ... Смотрю на своего секретаря: сидитъ, облокотясь на руки, на чемоданѣ и опустилъ голову. Не знаю, дремлетъ, не знаю—думаетъ...

— Не вылѣзли бы, проклятые!—плаксиво произноситъ булка.

— Кто?

— Турци!

А что, если они въ самомъ дѣлѣ вылѣзутъ и двинутся въ нашу сторону?.. И опять бѣгутъ мысли... Вспоминается домъ, жена, ребята... Сидятъ, навѣрно, въ столовой за самоваромъ и не чувствуютъ, что мое дѣло скверно... Рано умирать... Не хочется...

— Ракеты все пускаютъ...

— Тише?

— Не!.. Все пука! Эхъ, какъ пука!.. Нашитѣ и Турцитѣ!

Ложусь, закрываюсь съ головой. Уснуть бы! И ничего не слыхать, и не знать. Не спится. А собака все воетъ, воетъ... Одолѣваетъ суевѣрный страхъ...

— Что она, проклятая?

— Боится...

Еще гдѣ-то завыла... Опять ползутъ думы... Нѣтъ, лучше пойти на дворъ и слушать, смотрѣть и слушать!.. Все равно: теперь ужъ никуда не уйдешь...

Такъ до разсвѣта и не сомкнулъ глазъ. Въ пять утра бой сталъ стихать, дождь сдѣлался рѣдкимъ, орудійный гулъ смолкъ...

— Уфъ, какая усталость во всемъ тѣлѣ! Словно донесъ свой пузатый чемоданъ и надорвался... Брякнулся на полъ, сунулъ подъ голову турецкій ранецъ, подаренный на память комендантомъ, Иваномъ Федоровичемъ, и уснулъ въ одно мгновеніе, какъ убитый турками на мѣстѣ...

— Э, господине, кони готови!

— Что такое?

Готовы лошади... Свѣтло. Тихо. Прошелъ, какъ скверный сонъ, кошмаръ животнаго страха. Поглядѣлъ на секретаря: храпитъ невозможнымъ образомъ, со стономъ, словно тяжело раненый...

— Вольдемаръ! Очнитесь!

Какая пріятная тишина кругомъ! Вышелъ на дворъ, умылся при помощи булки, увидалъ собаку, которая вчера выла, и улыбнулся... Ничего нѣтъ страшнаго.

Экій, однако, трусъ я! Не ожидалъ... Все такъ жадно ждалъ и искалъ «страшнаго», а какъ очутился около него—на попятный.

Поѣхали... Какъ хорошо, весело на душѣ! Не можемъ сдерживать улыбки...

Угощаю конвойныхъ папиросами, ласково разговариваю съ возницей...

А вонъ вдали и деревня Артакчи... Прощаемся съ конвойными:

— Съ Богомъ!

— Съ Богомъ!

И лошади побѣжали быстрѣе подъ гору, словно и онѣ почуяли, что теперь миновала опасность...

XVI.

Грязища становится положительно непролазной... Да, маленькія болгарскія лошадки для такихъ путешествій непригодны: мы движемся черепашьимъ шагомъ, а временами надолго застреваемъ въ оврагахъ, наполненныхъ согнаннымъ водою съ горъ черноземомъ и глиною. Бываетъ похоже, что мы—мухи, попавшія на спеціально для истребленія мухъ предназначенную бумагу!.. Дѣло осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что грозящая съ юга холера заставила принять рѣши-

тельныя мѣры и, во избѣжаніе заноса ея въ глубь страны, при всякомъ подозрительномъ случаѣ изолировать на путяхъ лежащія села... У такихъ селеній дорога обрывается и часто нѣсколько километровъ приходится ѣхать въ объѣздъ прямо по полю, по пашнѣ. Все ругалъ раньше свои родныя пути сообщенія... Теперь онѣ кажутся мнѣ комфортомъ... Жаль глядѣть на бѣдныхъ, выбивающихся изъ силъ и падающихъ животныхъ. Много ихъ погибло и сейчасъ еще гибнетъ въ пустынныхъ поляхъ бывшей Турціи... То и дѣло туши, вздувшіяся и испускающія зловоніе, скелеты, поломанныя телѣги... Два километра въ часъ—больше не сдѣлаешь...

На встрѣчныхъ стоянкахъ войскъ разносится «ура»: въ ночь на 21 ноября—въ памятную страшную ночь—турки сдѣлали послѣднюю попытку вылазки изъ осажденнаго города и были еще разъ отброшены съ огромными потерями, а теперь пришло извѣстіе, что:

— Премиріето на Одринъ!

Солдаты такъ и говорятъ: перемиріе съ Одриномъ. Какъ извѣстно, Одринъ продолжалъ сражаться въ то время, какъ при Чаталджѣ военныя дѣйствія пріостановились и велись уже переговоры о перемиріи.

— Господа корреспонденты! Правда, что послѣ премиріято миръ пристигне?

— Не знаемъ. Должно быть. А хочется, чтобы миръ былъ?

— А какъ же! Устали, холодно... Домой пора...

Я ѣду и думаю: и я тоже усталъ, какъ собака, и тоже пора бы ужъ домой! Вотъ уже три недѣли, какъ или ѣду или иду. Прошелъ пѣшкомъ въ общей сложности не менѣе ста верстъ. Усталъ! Пребываніе на грязныхъ станціяхъ, гдѣ негдѣ сѣсть, въ грязныхъ корчмахъ, дымныхъ и смрадныхъ, ночлеги въ полутемныхъ избахъ на глиняномъ полу, дымъ отъ очаговъ, обѣды и

закуски на полу, по-турецки, закоптѣлый чайникъ, прѣлый чай, мѣстный овечій сыръ, кашкавалъ, маслины, черствый хлѣбъ... все это начинаетъ уже надоѣдать, и гдѣ-то въ далекомъ туманѣ рисуется свѣтлымъ оазисомъ большой чистый кабинетъ съ каминомъ, столовая съ огромнымъ столомъ, освѣщеннымъ электрическимъ свѣтомъ висячей лампы, чистые люди, красивыя и милыя лица, теплый уютъ дружной семьи, телефонъ, извозчики, трамваи. О, какъ все это далеко!..

— Водопроводъ! Древній римскій водопроводъ!

Любопытное сооруженіе. Съ далекихъ горъ, отъ чистыхъ свѣтлыхъ источниковъ горныхъ ключей, идетъ подъ землей каменное русло водопровода въ Одринъ. Мѣстами, въ ущельяхъ и оврагахъ, этотъ водопроводъ вылѣзаетъ изъ земли и въ видѣ узкихъ каменныхъ мостовъ съ аркообразными устоями изъ массивнаго покрытаго зеленой плѣсенью камня протягивается надъ оврагами и снова прячется въ землю. Здѣсь именно водопроводъ и былъ перехваченъ болгарскими войсками: въ огромный проломъ хлыщетъ съ шумомъ чистая, какъ хрусталь, вода, шумитъ и пѣнится, падая въ оврагъ красивымъ водопадомъ. Какъ разъ посрединѣ перекидного моста. Часть водяного моста свободна отъ воды, туда можно заглянуть: прямоугольная труба аршина полтора высотой и шириною. Возница разсказываетъ, что двое грековъ-солдатъ, находившихся на турецкой службѣ въ Одринѣ, бѣжали по трубѣ обезводеннаго водопровода изъ города. Лѣзли во тьмѣ четверо сутокъ и, наконецъ, нашли вотъ этотъ проломъ!.. Маловѣроятно, но возможно. Греки, какъ извѣстно по Иліадѣ, всегда отличались ловкостью и хитростью.

Деревня Артакчи. Отсюда виденъ Одринъ и турецкіе форты. За селомъ — огромный могильный холмъ, гдѣ и нынѣ хоронятъ жители умершихъ. На вершинѣ

этого холма—движеніе: офицера, солдаты. Подходимъ ближе: наблюдательный пунктъ. Большой телескопъ, въ который разсматриваютъ, что дѣлается на турецкихъ укрѣпленіяхъ. Знакомимся и получаемъ возможность посмотрѣть въ телескопъ. Около фортовъ масса человѣческихъ фигурокъ, движеніе... Раньше, по словамъ офицера, нельзя было видѣть ни одного человѣка: скрывались въ ложементахъ.

— Премиріе!

— Гуляютъ, проклятые! Тоже, видно, рады... Отдыхаютъ... Вылѣзли изъ норъ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще—объѣзды около селъ и необходимость ѣхать напрямикъ по пашнѣ. Кое-какъ добрались до деревни Этапъ-кіой и рѣшили ночевать. Ничего не подѣлаешь: до темноты не доѣдемъ до слѣдующей деревни, гдѣ можно было бы пріютиться, а ѣхать въ темнотѣ немыслимо: грязища, скользкія крутыя горы, съ которыхъ приходится не ѣхать, а сползать...

Въ Этапъ-кіой—пунктъ, хлѣбопекарня, турецкія овцы. Завѣдующій накормилъ насъ солдатской чорбой, какой мы не ѣли уже со времени выѣзда изъ Лозенграда.

— Боже мой, какъ вкусно!

Залегли спать рано, но мнѣ не спалось: все вспоминалась пережитая подъ Одриномъ ночь и чудилось, что гудятъ орудія. Я вскакивалъ, выходилъ на улицу и прислушивался: тишина, полная тишина!.. Слава Богу, небо очистилось, мерцаютъ въ вышинѣ звѣзды, голубѣетъ небо, но холодновато, какъ у насъ въ концѣ октября... Поговорилъ съ солдатами, похожими на нашихъ немудреныхъ провинціальныхъ кухарокъ: въ фартукахъ, молодые, безусые, всю ночь возятся около фурнъ (спеціальныхъ печей)—пекутъ хлѣбъ для одринской арміи...

Какъ долга, безконечно долга ночь! Есть книга, мож-

но бы почитать, да не запаслись свѣчами. Здѣсь дѣлаютъ солдаты свѣчи изъ овечьяго сала, но онѣ больше коптятъ, чѣмъ свѣтятъ... Лежу и думаю, вѣрнѣе, отдаюсь думамъ, которыя проплываютъ въ головѣ, обгоняя другъ друга... Словно въ кинематографѣ! Все, что видѣлъ, что пережилъ, перечувствовалъ—все облекается въ яркія краски и проходитъ въ мозгу пестрыми картинами... И такъ рѣзко и выпукло встаетъ вопросъ:

— Зачѣмъ все это людямъ?

Одни изобрѣтаютъ все новыя и совершеннѣйшія орудія взаимнаго истребленія, другіе—средства противодѣйствовать этимъ изобрѣтеніямъ, третьи, при помощи той же науки, стараются бороться съ результатами усовершенствованныхъ въ области взаимоистребленія машинъ—исправляютъ калѣченныхъ людей и стараются вернуть имъ готовую улетѣть жизнь, сохранить ногу или руку, которую сами же испортили... Крики и слухи о «звѣрствахъ» и разговоры о «гуманныхъ пуляхъ»... Встаютъ въ памяти длинныя амфилады палатъ съ ранеными, искалѣченными, стонущими, встаютъ пустыя поля, заброшенныя и разрушенныя человѣческія гнѣзда, дѣтскія игрушки, растерянныя собаки и кошки, туши и скелеты животныхъ, разрытыя ямы съ торчащими изъ нихъ человѣческими руками, изъѣденными лицами, на которыхъ, кажется, сохранились какія-то ироническія гримасы... Дымъ пожаровъ, вереницы отцовъ, тайно, вопреки запрещенію, пробирающихся провѣдать, живы или нѣтъ ихъ дѣти, которыхъ не знаютъ, гдѣ искать... Кошмаръ! Какой-то неразрѣшимый кошмаръ... И вдругъ рисуется сцена театра, Шаляпинъ въ Мефистофелѣ изъ «Фауста» и дьявольская пѣсенка:

Въ угожденье Богу злата
Край на край встаетъ войной,
И людская кровь рѣкой
По клинку течетъ булата...

Дьявольская ехидная улыбочка на лицѣ Шаляпина и хоръ, послушно подтягивающій:

Сатана тотъ правитъ балъ,
Са-та-на тотъ правитъ ба-а-лъ!..

Все культурнѣе, все гуманнѣе дѣлается человѣкъ, но... пропадетъ ли въ немъ когда-нибудь тотъ «звѣрь», который заставляетъ его радоваться, что онъ больше убилъ и разорилъ себѣ подобныхъ?..

— Эхъ, хоть бы уснуть!..

Часовъ въ пять разбудилъ своего секретаря и возницу.

— Пора ѣхать!

— Темно еще, нельзя ѣхать...

Разжигаю маленькую желѣзную печь (какая роскошь!) и приготовляю себѣ чай. Во всѣхъ затруднительныхъ и тяжелыхъ моментахъ жизни это—прекрасное успокаивающее средство. При чаепитіи глаза дѣлаются оловянными, и всѣ проклятые вопросы разсѣиваются какъ дымъ отъ вѣтра...

Тускло смотритъ въ окошечко наступающій новый день... Скорѣе дальше! Запрягай коней!

И снова плетемся по грязи... Увы, я хотя и русскій человѣкъ, т.-е. видалъ на своихъ путяхъ много всякой грязи, но признаюсь: ничего подобнаго мнѣ видѣть еще не приходилось! Море грязи... Того и гляди, что зачерпнешь большіе сапоги съ высокими голенищами!

Впереди, подъ горой въ ложбинѣ — долина рѣки Тунджи... Отсюда, какъ на ладони, весь Одринъ... Красивый силуэтъ города всплываетъ въ сыромъ воздухѣ. Вспоминаются сказки «Шехеразады». Встрѣчаются сербы въ своихъ странныхъ скуфейкахъ... Очевидно, мы вступили въ область сербскаго обложенія... Съ горы, на которую мы поднимались не менѣе часа, видны лагеря: словно разсѣялись, застигнутыя осенью, бѣлыя ба-

бочки-капустницы... Серебрится кольцами ползущей змѣи рѣка Тунджа, дали задернуты сизой мглой... А на горизонтѣ рѣзко очерчивается осажденный городъ съ множествомъ гордыхъ мечетей... И среди нихъ—красавица Султанъ-Селимъ, самая высокая, доминирующая...

Съ великимъ трудомъ взобрались на вершину горы и сѣли отдохнуть. Здѣсь кругомъ все изрыто траншеями, окопами... Природная крѣпость: глыбы огромныхъ дикихъ камней, мѣстами скалистыя, похожія на искусственныя стѣны, откосы, природныя загражденія и огромнѣйшій кругозоръ... Просторъ изумительный!..

— Ну, пора въ путь. Лошаденки передохнули. Да и мы тоже.

Спускаемся въ долину. Дорога рѣзко измѣнилась: подъ колесами стучитъ спасительный камень. Словно мостовая... Лошадки вдругъ побѣжали рысью. Вотъ чудеса! Даже весело! Попоили ихъ около попутнаго придорожнаго «Чуфлика»—такъ называются хутора беевъ—пустой домъ, каменный водоемъ, ограда изъ колючихъ прутьевъ поверхъ каменнаго фундамента. Былъ недавно еще богатый фруктовый садъ, имѣнье украшали вѣковые дубы, посаженные вдоль ограды... Все пропало! Все пошло на дрова! Лѣсу здѣсь мало, и поневолѣ войскамъ приходилось отбросить всякую жалость. Даже хорошія постройки разрушались, чтобы воспользоваться ихъ деревянными частями для топлива... Грустно смотритъ домъ бея... Только вѣтеръ побрякиваетъ чѣмъ-то на черепичной крышѣ, да у водоема остановился проѣзжающій на осликѣ сельчанинъ, чтобы попить водицы изъ колодца... Ба, да тутъ—семейная идиллія! Еще осликъ, и на немъ верхомъ—супруга, женщина вдвое, если не втрое, больше ослика...

Съ горы на гору, съ горы на гору... И вотъ снова долина и грязища, приводящая въ отчаяніе... А все-

таки до Мустафа-паша не болѣе двѣнадцати километровъ, и къ вечеру мы разсчитываемъ попасть туда... Спустя часъ—деревня Хаджи-кіой, послѣдняя на пути... Вотъ уже въ сторонѣ знаменитая деревушка Фикелъ: здѣсь, на высокомъ холмѣ, высятся развалины древней башни царя Константина... Вонъ онѣ... Надо бы подойти поближе, да такъ устали, что лѣзть на гору нѣтъ уже силъ и охоты...

— Богъ съ ними!

Еще засвѣтло добрались до послѣдняго этапа и возрадовались: черезъ два часа будемъ въ Мустафѣ!

Увы, судьба рѣшила иначе!..

Проѣхали всю деревню Хаджи-кіой, стали выѣзжать на дорогу, спустились въ овражекъ и... здѣсь застряли въ грязи. Напрасно возница билъ бѣдныхъ лошадокъ по мордамъ, напрасно мы вылѣзли, напрасно выгрузили весь багажъ... Ни съ мѣста!.. А Мустафа-паша такъ близко!..

Бились самостоятельно часа полтора, но, видя свое полное безсиліе, расположились лагеремъ на косогорѣ и, разжегши костеръ, чтобы согрѣть ноги, стали думать, что же теперь намъ дѣлать? Отправились къ кмету:

— Дайте воловъ, чтобы вытащить телѣгу!

Нѣтъ воловъ! Всѣ работаютъ въ обозахъ. Господи, за что эта мука?! Сидимъ и ждемъ, когда поѣдутъ какіе-нибудь волы... А день уходитъ, садится солнце... Отчаяніе...

— Придется ночевать... Ничего не подѣлаешь...

— Эге, пара быковъ!

Втаскиваютъ въ грязь быковъ, припрягаютъ въ ярмо къ телѣгѣ:

— Ого-го! Хайде! Хайде!

Крикъ, визгъ прутьевъ и не съ мѣста!.. Сельчакъ ругается, пытается снова влить энергіи въ ослабшихъ бы-

ковъ, и дѣло кончается новымъ осложненіемъ: одинъ изъ быковъ, надорвавшись, падаетъ и погружается почти по спину въ грязь... Крестьянка, у которой взялъ кметъ быковъ, стоитъ тутъ же и отираетъ рукавомъ слезы... Вѣроятно, еще проклинаетъ и насъ...

Общая ругань, въ которой перлами звучатъ знакомыя русскія «выраженія»... Опять часъ общей безпомощности... Съ горы тянутся обозные волы. Спасеніе. Останавливаемъ, впрягаемъ четырехъ воловъ и послѣ нѣкоторыхъ усилій телѣга вылѣзаетъ изъ оврага... Однако, ѣхать поздно, уже стемнѣло. Приходится ночевать въ девяти километрахъ отъ Мустафы. Приходится смириться. Слава Богу, что вылѣзли... Кметъ отыскиваетъ намъ избу для ночлега, и мы перебираемся туда, раздраженные, усталые, апатичные... Словно не волы, а мы сами вытаскивали телѣгу изъ грязи!..

Большая изба-комната съ «каминомъ», безъ потолка, безъ оконъ. На очагѣ пылаетъ огонь, и это какъ-то сразу смягчаетъ сердце и успокаиваетъ раздраженіе... Вотъ сейчасъ согрѣемъ воды и попьемъ чайку, да еще съ коньячкомъ!.. Размѣщаемся на полу, на почетномъ мѣстѣ, т.-е. поближе къ огню; намъ подсовываютъ подъ сидѣнье особыя подушки, набитыя овечьей шерстью, и мы блаженствуемъ... Изба полна народомъ: всѣ въ одной кучѣ: мать, «булка» съ ребенкомъ, двѣ «момчины»— подростки-дѣвочки... Мужиковъ нѣтъ. Были, да турки угнали: одинъ взятъ въ обозъ съ волами, другой зять,— въ солдаты, и гдѣ онъ теперь никто не знаетъ...

Интересуюсь, почему въ избѣ нѣтъ оконъ? Черезъ переводчика мнѣ объясняютъ. Такъ ведется изстари. Свѣтъ только черезъ трубу очага. Изъ боязни внезапныхъ ночныхъ визитовъ проѣзжающихъ турокъ «на огонекъ»,—крестьяне стали дѣлать избы безъ оконъ. Какъ въ тюрьмѣ. На другой половинѣ, жилой, малень-

кое оконце въ крышѣ!.. Старуха вспоминаетъ прошлыя невзгоды. Приходилось прятать отъ турокъ «булокъ» и момчинъ, свадьбы играть часа въ два ночи. Еще не такъ давно беи пользовались правомъ «Jus primae noctis»... Всплакнула «булка», прислушиваясь къ нашимъ разговорамъ. Кормитъ грудью ребенка и всхлипываетъ. Должно быть, скучаетъ по угнанномъ турками мужѣ. Не успѣлъ спрятаться. Только угнали, а дня черезъ три пришли уже болгарскіе солдаты!.. Одинъ угнанный убѣжалъ, явился съ ружьемъ и теперь ушелъ въ болгарскій лагерь...

«Булка» хнычетъ, а мнѣ вдругъ дѣлается скучно-скучно и такъ хочется домой, что бросилъ бы все и понесся въ Петербургъ на крыльяхъ своего нетерпѣнія!...

Скорѣе бы ужъ эта недосягаемая Мустафа, а тамъ—желѣзная дорога и, стало быть, конецъ всѣмъ пыткамъ!.. Оттуда бѣгутъ желѣзные рельсы вплоть до самаго Петербурга!..

XVII.

Рѣзко мѣняется погода. Подуетъ сѣверный вѣтеръ,—и вершины горъ побѣлѣютъ отъ снѣга и нахмурятся отъ сѣвшихъ на нихъ тяжелыхъ клубящихся какъ дымъ пожаровъ, облаковъ, посѣдѣютъ долины, лягутъ по травѣ и пашнямъ густые, пронизывающіе туманы... Кажется, что пришла, наконецъ, и сюда зима-зимушка... Но стоитъ подуть южному вѣтру,—и снова вся природа улыбается яркимъ свѣтомъ и красками, а солнышко ласково грѣетъ лицо и руки и кажется, что идетъ весна...

Съ вечера было довольно тепло, а проснулись отъ чортова холода. Холодный пронизывающій вѣтеръ, сырость и мгла. Вползли на горы и удивились: зима! Тусклое солнце чрезъ облака,—и все-таки трудно смотрѣть на покрытыя снѣгомъ горы: такъ ярокъ блескъ ихъ!..

— Брр! Холодно...

Хочется въ тепло, къ огоньку, къ людямъ... Начинаетъ казаться, что пора уѣзжать домой, становится скучно, надоѣдаетъ пискъ телѣги и раздражаетъ секретарь, поталкивающій локтемъ въ бокъ...

— Вы, однако, того...

Хорошій паренекъ онъ, мой секретарь, страшно заботливъ, исполнителенъ и аккуратенъ, однако, имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, храпитъ совершенно своеобразно: кажется, что онъ набираетъ сперва побольше воздуху въ легкія и потомъ начинаетъ гудѣть, какъ фабричный гудокъ басомъ, а когда гудокъ кончится,—застонетъ... Сегодня ночью не далъ спать: лежали вповалку на полу, и Вольдемаръ гудѣлъ прямо въ ухо. Я сердито тыкалъ его кулакомъ и говорилъ:

— Вольдемаръ! Такъ невозможно...

Проснулись всѣ булки и момчины;—напугались...

— Ой, какъ ранѐни, тяжко ранени!..

А затѣмъ, онъ—латышъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ Софіи, а потому одинаково плохо говоритъ, какъ поболгарски, такъ и по-русски...

Въ-третьихъ, онъ имѣетъ очень ужъ спокойный темпераментъ, молчаливъ и не любитъ спрашивать... А я—торопливый, безпокойный и люблю, чтобы меня понимали съ полслова...

И вотъ, теперь, ежась отъ холода, я все это вспоминаю и поталкиванія секретаря становятся причиной молчаливаго раздраженія... Онъ что-то говоритъ мнѣ и мямлитъ, затрудняясь подборомъ русскихъ словъ, а я ворчу:

— Простите: васъ надо сперва переводить на русскій! Не понимаю...

Оказывается, что проголодался и хочетъ вытащить ранецъ съ хлѣбомъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

Ѣстъ черный хлѣбъ съ шоколадомъ! Ну, и вкусъ! Ѣстъ жадно и возбуждаетъ во мнѣ аппетитъ:

— Неужели это вкусно! Дайте-ка попробовать!

Оказывается, очень вкусно... Давно пришелъ конецъ нашимъ консервамъ и ничего у насъ, кромѣ хлѣба и шоколада, нѣтъ...

— Чортъ возьми!.. Тутъ легко и съ голоду подохнуть!

— Говорятъ, въ Мустафѣ есть яйца. Только дорого: по 12 коп. штука на русскія деньги...

Даже слюнки текутъ при воспоминаніи о яйцахъ:

— По рублю заплачу, а наѣмся до отвала! Теперь мнѣ кажется, что на свѣтѣ ничего нѣтъ вкуснѣе яицъ...

— А вѣдь это—Мустафа-паша!

Подъ горой, въ покрытой снѣжной скатертью ложбинѣ, чуть-чуть намѣчаются крыши, среди садовъ и высокихъ тополей... Мечеть, другая... Слава Богу, конецъ пыткамъ! Подъѣзжаемъ къ культурному пункту, къ желѣзной дорогѣ... Исчезаетъ злость на секретаря и становится весело на душѣ...

— Вонъ поѣздъ! Дымъ изъ трубы локомотива!..

— Да нѣтъ, это облака!..

Смотримъ, какъ будто бы это очень важно рѣшить и выяснить...

Вынимаю бинокль и разсматриваю.

— А городишко неважный... Хуже Лозенграда.

Чѣмъ ближе подъѣзжаемъ къ Мустафѣ, тѣмъ болѣе разочаровываемся, а когда въѣзжаемъ, то положительно глазамъ не вѣримъ: сплошная Венеція изъ грязи! На нѣкоторыхъ улицахъ можно на лодкѣ плавать по грязной жижицѣ: колеса тонутъ до оси. Все спасеніе въ томъ, что подъ грязью имѣется грубая мостовая... Иногда прямо хочется закричать:

— Помогите!

И по этакой грязищѣ, пыхтя и высоко подпрыгивая, разбрасывая цѣлый каскадъ изъ грязи, судорожно мчится автомобиль! Закрываемъ торопливо головы... Движеніе большое, хотя не то, что въ Лозенградѣ. Общее впечатлѣніе: если бы въ крымскомъ Бахчисараѣ случилось наводненіе изъ грязи, то вышелъ бы Мустафа-паша!.. Торговля идетъ бойко въ уцѣлѣвшихъ лавочкахъ. Много ихъ пустуетъ и являетъ слѣды недавняго разгрома. Кое-гдѣ въ окнахъ — лубочныя картины на кровавые сюжеты... Ба! да по этой части отличается нашъ Сытинъ! Вотъ бой подъ Лозенградомъ. Бой идетъ на улицахъ, около какихъ-то башенъ, турки въ красныхъ фескахъ и валятся, какъ чурки... Славяне работаютъ штыкомъ и видно, какъ изъ турецкихъ животовъ хлыщетъ, какъ изъ фонтановъ, кровь... Все равно: хотя никакого боя въ Лозенградѣ не было, хотя никакихъ башенъ тамъ не имѣется и хотя турецкіе солдаты вовсе не носятъ красныхъ фесокъ, картины производятъ фуроръ и около оконъ всегда толпа солдатъ...

Мы освѣдомлены, что здѣсь имѣется общая корреспондентская квартира, поэтому наша задача упрощается: не надо обращаться въ комендантство.

Отыскиваемъ эту квартиру. Огромный сарай! Стѣны дома кое-гдѣ отдѣлились, такъ что изъ общаго зала можно выливать помои прямо на улицу. Четыре большихъ комнаты съ побитыми окнами, безъ печей, и во всемъ домѣ одинъ-единственный русскій корреспондентъ... Всѣ сбѣжали частью сами, частью при помощи болгарскихъ властей.

— Какъ же тутъ жить? На улицѣ теплѣе, чѣмъ въ этомъ сараѣ!

— Закажите «мангалъ», это стоитъ не такъ дорого.

— Что это за штука?

— Жаровня съ углями. На ночь—обязательно, иначе задрогнете...

Грустно стоимъ въ комнатѣ около разбросанныхъ вещей... Не хочется даже раздѣваться, снять шапку...

— Вы тутъ одинъ?

— Одинъ. И тоже собираюсь завтра уѣхать въ Лозенградъ. А вы—откуда?

— А мы—изъ Лозенграда!

Корреспонденты переѣзжаютъ изъ Лозенграда въ Мустафу, изъ Мустафы—въ Лозенградъ и, убѣдившись, что вездѣ одинаково скучно, невозможно работать за скудностью даваемыхъ свѣдѣній, удираютъ въ Софію. Нѣсколько курьезовъ изъ здѣшней корреспондентской жизни.

— Долго насъ водили за носъ, обѣщая свозить на позиціи подъ Одринъ. Наконецъ, однажды шепнули: завтра поѣдете на позиціи...

— Вѣрно? Даете слово?

— Даемъ!

На другой день чуть свѣтъ поднялись и поѣхали... Ѣхали-ѣхали, пріѣхали на какую-то гору и провожатый штабный офицеръ сталъ пояснять:

— Вонъ тамъ, за слѣдующей горой, будетъ деревня такая-то, а если ее миновать и подняться на слѣдующую гору, то оттуда уже будетъ виденъ Одринъ.

Одинъ изъ русскихъ корреспондентовъ озлился и не выдержалъ:

— А если итти все дальше и дальше и подняться на гору, то когда-нибудь будетъ виденъ и самый Константинополь!..

Тосковали и скучали здѣсь корреспонденты ужасно. Писать было не о чемъ, а нельзя не писать: редакціи ждутъ! Вотъ и фантазировали... За все пребываніе ихъ только одинъ разъ свозили на позиціи и дали послу-

шать громъ боя... Цензура въ десять разъ строже Софійской... Здѣсь происходили ожесточенные бои корреспондентовъ съ цензорами, въ результатѣ чего—полная изоляція ихъ другъ отъ друга (третье, нейтральное лицо). Именно здѣсь и былъ сдѣланъ изъ руготни съ цензорами особый спортъ, развлеченіе.

Въ городѣ больше сербовъ, чѣмъ болгаръ. Держатся они какъ-то обособленно другъ отъ друга. Даже обѣдаютъ отдѣльно, въ разныхъ ресторанахъ...

Нечего дѣлать! Осмотрѣли городъ, мечети, обращенныя въ склады, знаменитый каменный мостъ черезъ Марицу: при отступленіи турки пытались его взорвать, но и этого не сумѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ: проломъ оказался столь незначительнымъ, что его быстро поправили и мостъ началъ функціонировать.

Перемиріе на 15 дней, а тамъ весьма вѣроятенъ миръ.

— До конца перемирія не придется побывать въ Одринѣ?

— Невозможно.

Нечего дѣлать... На улицахъ непролазное море грязи, на квартирѣ—грязь и чортовъ холодъ. На ночь приносятъ «мангалъ», отъ котораго того и гляди угоришь и не проснешься. Спать приходится въ полномъ облаченіи, даже въ шапкѣ, работать нельзя: руки отъ холода не слушаются...

— Ѣдемъ въ Софію!

Но бѣда въ томъ, что до вокзала верстъ пять, подводы не найдешь, а поѣздъ отходитъ въ три часа ночи. Тьма кромѣшная. Утонешь и пропадешь безъ вѣсти... Ищемъ подводу день, другой... Наконецъ, отыскивается добрый сербскій офицеръ: даетъ свою лошадь съ условіемъ выѣхать въ шесть вечера, чтобы лошадь успѣла вернуться къ ночи въ городъ... Ничего не подѣлаешь. Отправляемся въ шесть и...

О, счастіе! Можно залечь въ вагонъ и не мѣсить грязи около вокзала... Забираемся въ купэ, устраиваемся по-домашнему, кипятимъ на бензинкѣ чайникъ и пьемъ чай до отхода поѣзда...

Боже, какое это счастье очутиться послѣ пережитыхъ мытарствъ, послѣ быковъ, турецкихъ дорогъ, грязи, холода, черепашьяго передвиженія, тряски и шаганія съ пудовыми ногами, въ купэ поѣзда, который уже начинаетъ пошевеливаться, посвистывать и оживать!.. Вы не можете себѣ представить, какой благодарностью переполняется сердце къ благодѣтелямъ-изобрѣтателямъ этого ковра-самолета!..

— Уфъ, и чаю напились по горло, и сейчасъ поѣдемъ, и тепло, и свѣтло... Даже не спится. Хочется дождаться, когда тронется поѣздъ, почувствовать и убѣдиться, что поѣхали!

Ну, третій звонокъ! Вотъ вздрогнули, рванулись и въ окнахъ поплыли рѣдкіе огни станціи... Теперь можно лечь, вытянуть ноги и отдаться пріятной дремѣ...

— Такъ, така-та-та-та...

Въ Софію!

Лежу и думаю:

«Что я сдѣлаю, когда пріѣду въ Софію?.. Прежде всего—въ баню! Баня представляется царствомъ небеснымъ...» Кажется, что самъ ты похожъ на улицу Мустафы-паши!..

— Трахъ-тарахъ-тахъ-тахъ... У-ууу!—свиститъ и несется поѣздъ... И пріятно знать, что теперь мы связаны непрерывнымъ желѣзомъ съ далекимъ Петербургомъ и что съ каждымъ часомъ все ближе и ближе къ дому... Вѣроятно, отъ этого думы несутся въ Петербургъ, который представляется теперь чудовищно-огромнымъ, прекраснымъ, сказочнымъ городомъ...

XVIII.

Проснулись и удивились: словно пріѣхали въ другую страну: ярко блещетъ солнце, тепло, весело, на горизонтѣ Родопскія горы въ снѣжныхъ сверкающихъ и румяныхъ шапкахъ, въ ихъ долинахъ—фіолетовые туманы, а на подошвахъ—зеленѣющая трава пастбищъ... Направо—три остроконечныхъ одинокихъ горы и около нихъ, то вползая, то спускаясь и отступая—сказочный, удивительный городъ:

— Филипополь!

Въ первый разъ я проѣзжалъ его въ дождливую туманную погоду, поѣздъ стоялъ недолго, и этотъ городъ промелькнулъ для меня, какъ многіе другіе. Теперь, когда мою мысль уже не приковывала война и ожиданіе «страшнаго», при синихъ небесахъ и по-весеннему сверкающихъ солнечныхъ улыбкахъ,—я прямо не могъ оторваться отъ картины, развернувшейся какъ-то неожиданно предъ моими глазами. Сказка, а не городъ! Горы—высокія, дикія, со скалистыми хмурыми выступами... Словно сторожатъ людей три великана. Кое-гдѣ домики выползли на скалы, на самую кручу и кажется, что они говорятъ зрителю:

— Идите къ намъ! Отсюда великолѣпный видъ!

Хорошо, что здѣсь—пересадка и приходится ждать около шести часовъ. Можно поближе и получше познакомиться съ этимъ оригинальнымъ городомъ. Беремъ парный фаэтонъ, подобный севастопольскимъ, и ѣдемъ въ городъ. Чистый каменистый путь, широкія и веселыя улицы, съ большими двухъэтажными и трехъэтажными домами, типъ построекъ—нѣмецкій. Это новый городъ. Архитектурѣ здѣсь учатся въ Германіи, поэтому новый городъ похожъ на нѣмецкій. Солнечный день дѣлаетъ

его яркимъ, красочнымъ, а пестрая толпа—смѣсь европейскаго съ азіатскимъ, неудержимо стремящаяся по широкимъ тротуарамъ и дорогамъ — дѣлаетъ шумливымъ и оживленнымъ. Странно, что издали городъ казался такимъ сказочнымъ, а теперь... Пропала сказочность!

— Издали было лучше... Какъ все!

— Господа! Вы—русскіе?

— Русскіе!

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ?

Знакомимся. Г. Бобчевъ, братъ болгарскаго посланника въ Петербургѣ. При его помощи отыскиваемъ пропавшую сказочность. Взбираемся на Дьявольскую гору и не можемъ налюбоваться развернувшейся панорамой. Можетъ быть, на такую же вотъ гору возводилъ дьяволъ-искуситель Господа Іисуса... Теперь здѣсь памятникъ павшимъ русскимъ, кровью которыхъ полита Дьявольская гора. У турокъ здѣсь стояла артиллерія, и пришлось сбивать ее рукопашнымъ боемъ, подъ огнемъ съ двухъ другихъ горъ.

Отъ далекаго прошлаго осталось въ городѣ немного. Нѣсколько мечетей, одна изъ которыхъ передѣлана изъ древней болгарской церкви, нѣсколько развалившихся турецкихъ домовъ, турецкая баня и прилѣпившаяся высоко, на отвѣсной скалѣ, оригинальная маленькая церковка, чтобы попасть въ которую,—надо взбираться по скрытымъ горнымъ тропинкамъ. Смотришь на нее и все боишься, что она свалится... Покосилась и накренилась надъ утесомъ. Подальше и пониже, тоже по скаламъ, лѣпятся дома, похожіе на древнія крѣпости...

За мостомъ чрезъ Марицу—большая старая слобода, гдѣ еще пахнетъ Турціей: много мечетей и грязи, а домики прячутся во дворахъ. По городу свободно разгуливаютъ плѣнные турецкіе офицеры, а плѣнные солдаты

работаютъ подъ конвоемъ на пользу городского благоустройства.

— Не убѣгутъ турецкіе офицеры?

— Да куда имъ убѣжать? Здѣсь они въ полной безопасности, а... Куда они могутъ убѣжать и зачѣмъ?

Дѣйствительно, куда и зачѣмъ имъ бѣжать? Развѣ на вѣрную смерть... Въ городѣ осталось немало богатыхъ турецкихъ семей, купцовъ, участвующихъ въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи, имѣющихъ свой колоніальный союзъ. Тамъ гдѣ-то враги бьются на-смерть и ненавидятъ другъ друга, а здѣсь они, враги, встрѣчаясь на улицѣ, прелюбезно раскланиваются другъ съ другомъ и бесѣдуютъ о торговыхъ дѣлахъ, о войнѣ, о погодѣ... Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапогъ, готовые оторвать вамъ ноги, европейское платье и отрепье цыганъ, красочные нищіе, которыхъ хочется снять кодакомъ въ то время, какъ они гнусаво клянчатъ, причитая что-то привычное, заученное...

Побывали въ русскихъ миссіяхъ. Ихъ здѣсь три, кромѣ другихъ. Общая жалоба—мало работы, конкуренція изъ-за раненыхъ! Это въ то время, какъ поближе къ войнѣ люди остаются по недѣлямъ безъ всякой помощи, гніютъ и являются въ Лозенградъ умирать... Миссіи помѣщаются въ гимназіяхъ, — чистота, масса свѣта и воздуха, только мало больныхъ...

Много хорошихъ ресторановъ, гдѣ ничто не напоминаетъ о войнѣ. Кормятъ прекрасно, лучше чѣмъ въ Софіи. Да и вообще городъ оригинальнѣе и пріятнѣе Софіи.

Вечеромъ выѣхали изъ сказочнаго города. При огняхъ онъ снова вдругъ превратился въ сказку, и я долго смотрѣлъ изъ оконъ вагона на расползшіеся по горамъ огоньки, на темные силуэты трехъ горъ ве-

ликановъ, принявшихъ теперь форму трехъ упавшихъ съ небесъ тучъ, пока все это не пропало въ синей мглѣ ночи...

Ночью вернулись, наконецъ, въ Софію, ровно чрезъ три недѣли послѣ выѣзда.

Когда мы очутились въ одномъ изъ лучшихъ отелей, съ электричествомъ, съ бойкимъ шумливымъ кафе, съ нарядной публикой, устланными коврами лѣстницами,— было какъ-то дико и неловко, какъ дикарямъ, попавшимъ въ европейское общество... Наскоро поѣли и въ номеръ! Вотъ благодать-то Божія! Послѣ глиняныхъ половъ и грязныхъ половиковъ, послѣ полутемныхъ и дымныхъ избъ, номеръ кажется царскимъ дворцомъ... А постель! Ляжешь и утонешь...

— Завтра первымъ дѣломъ въ державную баню! Завтра—вторникъ: мужской день.

Баня здѣсь въ не меньшемъ почетѣ, чѣмъ университетъ... Ужъ если придутъ въ баню, такъ по крайней мѣрѣ часовъ на пять! Цѣлый ритуалъ... Банщики, или, какъ здѣсь называютъ ихъ, тѣльники—въ фартучкахъ, съ какими-то свирѣпыми лицами, съ огромными мускулами, страшно смотрѣть: сломаетъ!.. Особенно, если вы неосторожно пожелаете—«по-турецки»... Я не рѣшился: вѣдь это въ родѣ «французской борьбы»!

— Нѣтъ, нѣтъ, обыкновеннымъ способомъ!

И то негодяй схватилъ за шею такъ, что въ ушахъ зашумѣло! Безцеремонно въ общемъ... Словно съ мертвымъ тѣломъ обращаются... Зато горячіе минеральные фонтаны. Бьютъ безостановочно. Сидишь на низенькой скамеечкѣ, а рядомъ журчитъ и пѣнится горячій фонтанъ, вода зеленоватая, какъ въ Черномъ морѣ... Когда всѣ «звѣрства» надъ вами продѣлаютъ (между прочимъ, скоблятъ чѣмъ-то въ родѣ лошадинаго скребка, такъ что сходитъ семь шкуръ!), васъ отправляютъ въ

огромный бассейнъ градусовъ въ тридцать пять теплоты. Сперва покажется, будто нечаянно, какъ зазѣвавшаяся муха, попалъ въ супъ на плитѣ! Потомъ смиряешься, привыкаешь и не хочется вылѣзать... А послѣ часа два лежишь въ особомъ мохнатомъ халатѣ, въ своемъ отдѣленіи, въ полнѣйшемъ изнеможеніи, и кажется, что твое тѣло сдѣлалось невѣсомымъ и прозрачнымъ... Буфетъ: турецкій кофе, прохладительные напитки, восточныя сладости и разговоры...

Здѣсь ходятъ въ баню, какъ въ театръ или въ циркъ. Это столько же полезно, какъ и пріятно.

На другой день—обѣдъ въ «Панахъ» и встрѣча многихъ возвращающихся уже корреспондентовъ. За русскимъ столомъ необычайное оживленіе: человѣкъ восемь, въ томъ числѣ и почтенный В. И. Немировичъ-Данченко... Вы можете себѣ представить, когда сойдутся нѣсколько корреспондентовъ, что изъ сего получается? Корреспонденты въ родѣ охотниковъ... Сперва все идетъ мирно и чинно, удивляютъ другъ друга происшествіями и необыкновенными случаями и приключеніями, хотя мало другъ другу вѣрятъ.

Но мало-по-малу разговоръ становится серьезнымъ. Вопросъ о «звѣрствахъ». Разбиваются рѣзко на два лагеря: одинъ знаетъ звѣрства только турецкія, другой—болгарскія... В. И. Немировичъ-Данченко видѣлъ турецкія звѣрства своими глазами, ссылается еще на Пиленко, который даже снялъ ихъ фотографическимъ аппаратомъ.

— Видѣлъ вспоротые у женщинъ животы, убитыхъ дѣтей, надругательства мерзкаго характера надъ трупами...

— Можетъ быть, баши-бузуки?

— Нѣтъ, одинъ изъ замученныхъ успѣлъ сказать мнѣ, что его изувѣчили регулярныя войска, и умеръ!

По тѣмъ безчисленнымъ разсказамъ, которые ле-

таютъ теперь въ воздухѣ, для меня ясно одно: эта война одна изъ самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, въ чемъ повинны въ одинаковой мѣрѣ обѣ воюющія стороны. Объясненія этой обоюдной жестокости въ глубинѣ историческаго процесса, въ дикости, жестокости и религіозномъ фанатизмѣ недавняго господина съ одной стороны и въ долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконецъ, мстительной энергіи бывшаго раба, который самъ захотѣлъ быть господиномъ и склоненъ проявлять это тою же монетой... Турку мало убить врага, ему надо еще надругаться надъ его трупомъ, обрѣзать носъ и уши, отдѣлить руки и ноги. Говорятъ, это имѣетъ свое спеціальное объясненіе: человѣкъ, тѣло котораго расчленено, теряетъ и душу—таково будто бы религіозное вѣрованіе турка... Никто изъ обвинителей болгаръ въ «звѣрствахъ» не утверждаетъ, что они также производятъ надругательства надъ трупами враговъ... Но мнѣ припоминается видѣнная мною на поляхъ картина,—собаки, вырывающія изъ земли убитыхъ турокъ и раздирающія ихъ внутренности, гложущія ихъ лица, носы, руки... Мимо этого христіане проходятъ довольно равнодушно... А развѣ, это не такое же надругательство надъ трупами враговъ? Почему «своихъ» отъ собакъ прячутъ поглубже, а враговъ—пусть ихъ пожираютъ собаки?.. Почему отрѣзанный у мертваго болгарина носъ или ухо цѣннѣе турецкаго, отъѣденнаго голодной собакою? Развѣ дѣло въ мертвыхъ?.. Много говорятъ объ изнасилованныхъ турками христіанскихъ женщинахъ. Не такъ много, но тоже говорятъ, и вотъ о чемъ:

Есть особые поселяне въ Турціи, называемые «помаками». Предки ихъ— насильственно обращенные турками въ исламъ болгары. Эти помаки—бо̀льшіе фанатики ислама, чѣмъ сами турки, и поэтому турецкія власти населили ими границу съ Болгаріей, спеціально переселяя

ихъ изъ Старой Сербіи. Горное воинственное племя, ненавидящее христіанъ съ пеленокъ. Убить гяура—для нихъ дѣло самое богоугодное. Даже женщины и подростки ихъ стрѣляютъ, какъ собакъ, гяуровъ... Все это, однако, надо отнести къ прошлому времени, потому что, не желая оставлять въ тылу этихъ разбойниковъ, македонскіе четники, а быть можетъ, и не безъ участія болгарскаго воинства, вырѣзали и сожгли всѣ помакскія деревни... А еще разсказываютъ, что болѣе сорока молоденькихъ помачекъ были помилованы и обращены въ прачки для воиновъ и на прочія потребности. Что же, развѣ это не насиліе надъ женщинами?.. Македонцы говорятъ, что щадить помаковъ значило не щадить самихъ себя... что этого требовало не только чувство самосохраненія, но и сама стратегія... Въ разстрѣливаніи плѣнныхъ, кажется, обѣ стороны достойны другъ друга. Болгарскіе офицеры ссылаются на то, что когда ихъ солдаты увидали «звѣрства» и издѣвательства надъ своими ранеными и мирнымъ населеніемъ, то сдерживать солдатъ отъ разстрѣла сдающихся стало невозможнымъ... Только ли невозможнымъ? Не было ли и такихъ случаевъ, когда начальники частей поощряли это убійство сдающихся враговъ? На эту мысль меня наводитъ разговоръ съ однимъ офицеромъ штаба въ Лозенградѣ. Разсказавъ съ дрожью въ голосѣ о турецкихъ «звѣрствахъ», онъ грозно, съ чувствомъ удовлетворительной мстительности, произнесъ:

— Понятно, что послѣ этого у насъ нѣтъ больше плѣнныхъ..

Вотъ это я слышалъ собственными ушами, и потому нельзя пройти мимо такого звѣрскаго заявленія. Быть можетъ, такіе господа—исключеніе, а въ общемъ болгарское начальство гуманно?—Не смѣю утверждать или отрицать.

Вообще эту войну приличнѣе называть войной мести, чѣмъ идеализировать ее поэтическими эпитетами «борьбы за освобожденіе братьевъ»...

Пришло время посчитаться бывшему рабу со своимъ бывшимъ жестокимъ тираномъ,—до гуманности ли тутъ?! Да и вообще какой горькой ироніей звучитъ это слово по отношенію къ войнѣ, вся цѣль которой убить и уничтожить какъ можно болѣе себѣ подобныхъ!.. Носы, уши, прочіе члены... А жизнь, цѣнность самой жизни? Она ничтожнѣе носа!.. Мефистофель! Спой-ка имъ еще одинъ куплетъ про отрѣзанный носъ!..

Много слышалъ я отъ покойнаго брата офицера и о нашей русской «гуманности» во время усмиренія боксерскаго движенія!.. И право, не пристало намъ въ данномъ случаѣ метать громы и молніи, а въ особенности говорить въ подобныхъ случаяхъ о гуманности...

Жизнь—самое драгоцѣнное на землѣ, и когда это самое драгоцѣнное теряетъ свою цѣнность, ибо изъ реальной величины превращается въ призрачную,—при громкомъ злорадномъ хохотѣ Діавола, рушатся въ черную бездну всѣ этическія цѣнности человѣческаго бытія... Зачѣмъ золото, если на него нельзя купить кусокъ черстваго хлѣба?.. Если сама жизнь становится призракомъ, если на каждомъ шагу человѣка сторожитъ смерть, если вокругъ тебя происходитъ безостановочный процессъ превращенія живыхъ людей въ падаль и самъ ты стоишь на рубежѣ такого превращенія, какой отвѣтъ ты дашь на вопросъ:

— Что есть добро и что—зло?

Не уподобишься ли ты тому дикарю, который отвѣчаетъ въ такомъ случаѣ:

— Если убью я,—это добро, если убьютъ меня,—это зло!

Война упрощаетъ всю сложную человѣческую психо-

логію именно до такой примитивной этической формулы дикаря. Всѣ человѣческія добродѣтели, которыя казались непреложными и непоколебимыми, всѣ моральные устои, на которыхъ держалась жизнь культурнаго человѣка, летятъ кувыркомъ, потому что—всѣ они только въ жизни и для жизни. Разъ сама жизнь теряетъ реальность и цѣнность, къ чему всѣ ея спутники?

Принято говорить, что убитый на войнѣ честно выполнилъ свой гражданскій долгъ передъ родиной. Но сколько въ этомъ правды и сколько позолоченной лжи и лицемѣрія со стороны живыхъ, неубитыхъ? Сколько я не разспрашивалъ участвовавшихъ въ бояхъ раненыхъ офицеровъ и солдатъ объ ихъ душевныхъ переживаніяхъ и мысляхъ во время сраженій, ни одинъ изъ нихъ не говорилъ мнѣ о томъ, что онъ думалъ въ эти минуты о долгѣ передъ родиной и отечествомъ! Все это оставалось позади и относилось къ увертюрѣ войны, когда людей собирали и уводили на убой... Разно чувствовали и переживали раненые офицеры и солдаты свои боевые дни, но всѣ въ одинъ голосъ повторяли:

— Сперва страшно, боишься, потомъ притупляется страхъ, пропадаетъ чувство самосохраненія, дѣлаешься какимъ-то манекеномъ, теряешь волю и, видя вокругъ смерть, начинаешь думать: все равно, поскорѣе бы ужъ рѣшилось такъ или иначе...

Таковъ главный, преобладающій, мотивъ переживаемыхъ ощущеній въ бояхъ. И даже самая храбрость является въ большинствѣ случаевъ простымъ желаніемъ оборвать напряженное ожиданіе конца. Многіе офицеры разсказывали мнѣ, что пристрастіе солдатъ къ «атакамъ на ножъ» объясняется именно разряженіемъ нервнаго напряженія отъ неизвѣстности и ожиданія смерти.

— Что сидѣть и ждать, когда тебя прикончитъ шрапнель или пуля! Лучше ужъ прямо итти на ножъ!—

такъ говорили солдаты, обсыпаемые въ окопахъ гранатами и шрапнелями.

Въ психологіи извѣстны случаи, когда люди становились храбрыми изъ трусости и когда они кончали самоубійствомъ изъ боязни смерти!..

Быть можетъ, въ далекія прошлыя времена, когда война носила совершенно другой характеръ, когда участь сраженія рѣшали, главнымъ образомъ, рукопашныя схватки, когда личныя свойства воина играли главную роль,—храбрость, сознаніе долга, самолюбіе и тщеславіе рождали военныхъ героевъ,—быть можетъ, въ то время войны являли намъ не только низость, но и высоту человѣческаго духа, но—увы, теперь человѣкъ на войнѣ—только ничтожный атомъ одной сложной машины, въ которой не отличишь духа отъ матеріи. Сражаются, не видя другъ друга, и умираютъ ни разу не встрѣтившись съ врагомъ. Процессъ сраженій сдѣлался чисто механическимъ, машиннымъ... Машинное производство труповъ! Только. По дорогѣ отъ Демотики мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ раненымъ подъ Люле-Бургасомъ офицеромъ. Антимилитаристъ! Пошелъ добровольцемъ! Какъ и вы, я сперва былъ обезкураженъ такимъ аттестатомъ, потомъ дѣло разъяснилось: пошелъ на войну, чтобы лично пережить и перечувствовать гнусность человѣкоистребленія и потомъ написать книгу противъ войны. Молодой человѣкъ, маленькій фабрикантъ въ Варнѣ, увлекается философіей, вопросами человѣческаго духа и мысли, разсказалъ мнѣ искренно свое самочувствіе:

— Хочется кричать о глупости и безуміи убиваемыхъ и убивающихъ людей, которые кажутся удивительно жалкими и ничтожными автоматами. Никакой поэзіи въ бояхъ нѣтъ. Кругозоръ каждаго сражающагося такъ малъ и ничтоженъ, что ничего величественнаго, приподъ-

нимающаго духъ, рождающаго жажду самопожертвованія не является. Я даже не стрѣлялъ. Было противно и казалось безсмысленнымъ. Видѣлъ самыя прозаическія картины кругомъ себя: разстройство желудковъ, собачью робость, движеніе впередъ только потому, что назадъ итти нельзя... Бой рѣшается гдѣ-то въ пространствѣ, и часто участники его не знаютъ, кто же побѣдилъ, пока это не выяснится какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ. Одно непреложно: дѣлаешься глубокимъ философомъ и притомъ пессимистомъ... И жизнь человѣческая получаетъ вдругъ совершенно новое освѣщеніе: между трупами и живыми людьми сглаживается разница... И собственная жизнь становится совсѣмъ недорогой, бездѣлицей какой-то!..

Если сама жизнь становится бездѣлицей, то... что же остается? Куда дѣваются всѣ «добродѣтели»?

Несомнѣнно, что онѣ исчезаютъ какъ дымъ. Гуманность, напримѣръ! Сердечная доброта и жалость? Сочувствіе страданіямъ ближняго? Безкорыстное желаніе помочь истекающему кровью, кричащему о помощи? Тяжело раненыхъ бросаютъ на полѣ сраженія, оставляютъ врагамъ: лишняя обуза! Хладнокровно уходятъ въ случаѣ отступленія, бросая товарищей и зная напередъ, что врагъ прикалываетъ раненыхъ...

Но это еще не все. Добродѣтели исчезаютъ, а пороки, оказывается, остаются и совершенствуются. Вотъ психологическая загадка: жизнь теряетъ цѣнность, а жажда присвоенія, обогащенія, хищенія растетъ до геркулесовыхъ столбовъ.

О скверной постановкѣ медицинской и санитарной части въ болгарской арміи писалось много. Доведенная до абсурда конспиративность болгаръ, заставившая ихъ оставлять раненыхъ безъ скорой медицинской помощи, гнить и гибнуть отъ гнойныхъ зараженій, имѣла

еще одно сопутствующее обстоятельство, характеризующее человѣка на войнѣ: собственные санитары—солдаты, на обязанности которыхъ лежала уборка раненыхъ и закапываніе въ могилы убитыхъ, занимались сплошь и рядомъ совсѣмъ не этимъ богоугоднымъ дѣломъ... Прежде всего они, эти санитары, обшаривали тяжело раненыхъ и убитыхъ, безразлично—своихъ и враговъ. Иногда даже совершенно забывали, что есть у нихъ другое дѣло, и бывали случаи, когда, желая скрыть свой грабежъ отъ живыхъ еще раненыхъ, сами прикалывали ихъ!

Въ Софіи, въ лазаретѣ военнаго училища, лежитъ раненый солдатъ, который потребовалъ, чтобы его судили военнымъ судомъ за то, что онъ убилъ санитара.

— За что?

— Я лежалъ раненый на полѣ сраженія. Меня контузило въ ноги гранатой и до слѣдующаго дня я валялся безъ всякой помощи... На другой день появились два санитара и стали грабить убитыхъ и раненыхъ... Я кричу о помощи, а они не обращаютъ вниманія и продолжаютъ грабить... Я такъ возмутился этимъ, что взялъ свое ружье и убилъ одного изъ нихъ. Другой убѣжалъ... Пусть судятъ! Я хочу, чтобы знали, какихъ мародеровъ дали намъ въ санитары...

Надо замѣтить, что это не исключительный случай. Спросите раненыхъ о санитарахъ, и вамъ частенько отвѣтятъ:

— Они только грабили своихъ и турокъ, одинаково!.. Мародеры проклятые!

Въ другомъ мѣстѣ раненый разсказываетъ про санитара, даже своего земляка:

— Подбѣжалъ ко мнѣ и первымъ дѣломъ разорвалъ на груди мундиръ, рубаху и оторвалъ мѣшечекъ съ деньгами...

— Но какъ же ты...

— Онъ думалъ, что я безъ сознанія... Вотъ я ему и говорю: «Что ты, Богъ съ тобой, вѣдь я еще живъ!» А онъ мнѣ:

— Все равно, умрешь скоро, а придутъ турки,—имъ достанется!

— Что же, заявилъ кому-нибудь?

— Нѣтъ, жалко мнѣ его! Потребую, какъ вернемся въ деревню! Отдастъ, а не отдастъ заявлю... Какъ волки, эти санитары!

Слышалъ я еще въ Софіи, что и среди гг. офицеровъ имѣются такіе господа, которые вернулись съ добычей въ видѣ дорогихъ тканей, перстеней съ драгоцѣнными камнями и т. п. Говорятъ о цѣлыхъ подводахъ, прибывшихъ съ добычею изъ Лозенграда...

Вотъ и пойми человѣческую психологію: жизнь теряетъ всякую цѣнность, а жажда наживы все-таки остается. Неистребима!

Разсказываю я объ этомъ вовсе не съ цѣлью уронить въ общественномъ мнѣніи болгарское воинство. Я хочу только сказать, что какъ вы не идеализируйте войны, какъ не украшайте ея красивыми эпитетами, и какое идейное содержаніе не подводите подъ ея фундаментъ,—ничѣмъ вы не оправдаете взаимнаго истребленія и ничѣмъ не прикроете тѣхъ общихъ и неизбѣжныхъ «звѣрствъ», которыми война всегда и вездѣ сопровождается... И потому не кричите о „звѣрствахъ“ такъ громко, какъ это вы дѣлаете. Все звѣриное въ человѣкѣ на войнѣ пробуждается въ неприкрашенномъ видѣ, и потому не бываетъ войны безъ звѣрствъ!.. И пусть печать Каина лежитъ на всѣхъ «культурныхъ и гуманныхъ» людяхъ, которые толкаютъ страну къ пролитію человѣческой крови и къ звѣрствамъ!..